

ОТ АВТОРА «ГНЕВА ГЕНЕРАЛА ПАНКА» И «ОТСТОЙНИКА»

ТОЧКА ВОЗВРАТА

Сергей Чичин

Сергей Чичин

Точка возврата

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29606622

ISBN 9785449037367

Аннотация

Как быть, если вы вернулись домой из опасного путешествия по чужим мирам, а привычного дома больше нет? Как быть, если вы сами невольно вызвали апокалипсис в родном мире? Улыбаемся, машем и исправляем. Если получится, конечно, с такой командой. Главное, не развалить все еще больше.

Содержание

1	5
2	54
3	85
4	139
5	179
Конец ознакомительного фрагмента.	200

Точка возврата

Сергей Чичин

Дизайнер обложки Илья Исаев

© Сергей Чичин, 2018

© Илья Исаев, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-3736-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

На берегу пустынных волн стоял он, дум великих...

Нет, это вряд ли. Великих дум он, то есть я, всегда и успешно старался избегать. И даже угодив в ситуацию, когда хочешь не хочешь, а задуматься о глобальном придется, прежде всего изошел на... брюзжание, пусть это так называется. Со мной это то и дело случается, так что буду ставить метки – чтобы любители бодрого или хоть какого экшону не затруднялись выбором, куда проматывать.

Приступ брюзжания ON.

Я редко планирую себе расписание дел хотя бы на день, но можете быть уверены: если уж соберусь, то «сделать миру большое одолжение» появится, в лучшем случае, листе на девятом. А скорее всего до него не дойдет вовсе. Тем более на практике, потому что где-нибудь вторым-третьим пунктом списка окажется «зайти в бар», после чего остальные пункты придется вычеркивать. Нет, не то чтобы я в обиде на мироздание. Лопать что дают мы все в той или иной степени с детства приучены. Скорее тут влияние отрезвляющего цинизма: как ни крутись, а изменить этот парк аттракционов, где из сил выбиваются только те, кто зашибает деньги, а прочие жрут и ржут, не получится. Да, мне было когда-то двенадцать, и как подобает двенадцатилетнему, я мечтал найти какого-нибудь Лекса Лютера, замочить его

в сортире и гордо окинуть взором зарю нового мира. Потом заподозрил, что не так все просто. С возрастом удосужился на всякий случай проверить подозрение практикой. Оказалось, что от избиения куч дерьма только брызги летят во все стороны, а количество пресловутого дерьма в мире совершенно не уменьшается. И существует вполне наглядная схема, по которой на пути к рычагам воздействия на мир каждый Бэтмен, набитый благими намерениями, мутирует в лучшем случае в Джокера. В лучшем, потому что Джокер хотя бы смешной, а то, что доползает до комфортных кресел, чаще откровенно отвратительно. Так что для идеалистов у нас тут полный швах – победы не добиться, а если и добьешься, то лучше не смотреть в зеркало. А то увидишь, не дай бог, кому она досталась.

Это все к тому, что в шкуре потенциального героя мне очень, очень некомфортно. Будем пытаться себе внушать, что мы отнюдь не по части спасения мира подвигаемся, а тихо-мирно за собой подметаем. А то после недавней вечеринки с нашим участием, говорят, немало пробок по миру повылетело. Даю себе честное слово, что если тут справляются без нас, то мы и вмешиваться не станем. Разве что придется как-то разрулить вопросы, которые могли возникнуть в результате нашего экстренного ухода за грань мира через мою кухню. Власти к таким экспромтам относятся без понимания. Если все будет плохо, придется ложиться на глубокое дно, и для этого местные края, пахнувшая смолой ка-

надская глубинка, куда как замечательны. Заносить в резюме события нескольких последних дней поостережемся, тем более что ни под какой приличный ярлык их не подточишь. Были в Аду – уже достаточно, чтобы вместо начальника отдела на собеседование пригласили психиатра. Ад, как оказалось, отнюдь не фантазия, а довольно угрюмый континуум между бесконечным множеством параллельных миров. Сквородок для грешников не видели, черту мой злейший друг выбил бубну, подрались с людьми настолько заурядными, что даже обидно – за гранью-то мира можно было и кого поэкзотичнее найти. А потом... по итогам странного ритуала (я-то наивно надеялся, что он перерастет в оргию) нам сказали, что при нашем попустительстве и едва ли не содействии оный Ад прорвало во весь диапазон сопредельных миров. А это уже можно (да чуть ли и не нужно!) трактовать как терроризм, что сейчас модно и везде прокатывается. Быть террористом для меня не вариант – я и для заурядного радикала слишком сонный.

Добро пожаловать в бытие Джеральда Мейсона – части той силы, что вечно хочет как-нибудь, а не получается ну никак.

Приступ брюзжания OFF.

Подобные размышления заняли меня на три шага. Потом я врезался в плотный строй собратьев по героическому ремеслу, чуть не зашиб тщедушного эльфа, чуть не зашибся сам о монументального рыжего обезьяна и, в общем, пришел

в сознание. Если, конечно, это и есть сознание, а не кошмарный сон. Двое рекрутов, притащенные из Отстойника, как раз легко могли сойти за серьезные наркотические глюки.

Фирзаил, именующий себя эльфом, ростом был мне по грудь, обладал серой кожей и белоснежными волосами, неопрятно торчащими из-под кепки, а также профилем топора Fiskars и акцентом настолько британским, что называть его в пору было сэром. У этого приобретения была по крайней мере цель – будучи видным специалистом по какой-то там отрасли магического искусства, он обещался посодействовать с затыканием прорех в мироздании, к созданию которых мы все тут таки или иначе причастны. То есть не то чтобы обещался – но, скажем так, был привлечен.

Второго парня можно было, не кривя душой, обозвать противоположностью эльфу – он был на полфута выше меня, заметно шире в плечах (а я и сам та еще горилла) и, что плохо различимо в темноте, но весьма памятно, возмутительно красного цвета. Вот прямо весь, включая повсеместную густую шерсть, редкие фрагменты выглядывающей из зарослей кожи, зрачки, ногти, вечно дружелюбно оскаленные зубы и те отливали розовым. С таким надо было высаживаться на Кубу, а еще лучше отмотать время на полсотни лет назад и прямо в Советский Союз – там бы ему сразу по прибытии звание маршала присвоили, как символу. Не уверен насчет устройства его мозгов, говорить он пока не начинал, но визуально обозначенные команды понимал неплохо. Вот

зачем я прихватил его – сам пока что не понял, списал на наитие. Может, просто инстинктивно урвал долю имущества при ликвидации конторы там, на той стороне. Контора была, конечно, совсем не моя, но кто же пройдет мимо, не прихватив чего-нибудь на память? Тем более, в отличие от эльфа этот парень не возражал, не брюзжал и не модничал. Его поманили пальчиком – он покладисто пошел, внушая на каждом шагу уважение дивными физическими кондициями. Думаю, в самом крайнем случае его всегда можно будет устроить в цирк, рвать цепи и носить по арене толпы посетителей. Вот сейчас у него на плече как раз болтался Чарли Барнет, еще один участник нашего коллектива, минут пять назад случайно вырубленный посреди слишком уж громкого выступления. Что может создать сложности, потому что он полицейский, хотя его юрисдикция и находится отсюда за государственной границей и внушительным числом миль. Чарли странный полицейский, если вы воспитаны на стандартах крутых фильмов про крутых копов – он опрятный (при хорошей жизни), живет с мамой и все старается делать по-хорошему. В нашей калифорнийской глуши такой типаж имеет место быть, да.

– Чего стоим, кого ждем?

Знаю, глупый вопрос – они же, бедолаги, не знают, куда идти. Я и сам не сказать чтобы в курсе. Когда нас с той стороны вежливо подталкивали к выходу, было не до точечного наведения. Целился очень навскидку, по мерцающим обво-

дам магической карты (даже не спрашивайте). Озеро-то знакомое, но больше размерами. Совершенно непонятно, около какой его части нас высыпало и в какую из сторон надлежит двигаться, чтобы хоть куда-то попасть. А то Канада – она большая и в данных широтах уже весьма разреженная. Дальше на север будет еще круче, но уже и тут вполне можно помереть с тоски или с голодухи, долгими сутками напролет бродя в поисках компании. Впрочем, ладно... Полярная звезда с нездорово багровеющего ночного неба никуда не делась, а тыкал я в западный берег озера, стало быть, удаляясь от него, мы должны неминуемо наткнуться на хайвей номер шесть, он тут везде до самой границы со Штатами. Нам туда совсем ни к чему, по крайней мере пока на эту рыжую образину не напялен глухой костюм химзащиты, маскирующий преступно волосатую шкуру. Но к шоссе выйти надо, других вариантов не предвидится. Собственно, единственный альтернативный вариант – захватить какую-нибудь рыбацкую лодочку и прямо через озеро на его восточный берег, в сторону Поплара, а там уже пешочком в поисках нашей фамильной хибарки. Но лодочек на озере не видать. Совсем темно, к утру они могут и появиться, но ждать у моря погоды не хочется, тем более что запастись всяким по пути нужно в любом случае, а в глухом лесу с этим будут проблемы.

– Минутку, – раздраженно откликнулась Айрин. – Я пытаюсь... у меня телефон не включается... свои проверьте, не должен он был разрядиться.

Айрин – очень интересная девушка. Она кореянка, но классический образ изящной восточной женщины в ее случае разбавлен явным перебором с мускулатурой. В молодости она явно метила в профессиональные бодибилдерши, или как там называется дисциплина, от которой мышцы пугающе вздуваются. К моему облегчению, берегов она не теряла, избыточной мышечной массе предпочитала рельефы и тугие обводы и на женщину до сих пор похожа значительно больше, чем на Халка, а с ряда ракурсов даже внушает, гм, здоровое такое... воодушевление. Но штангами ей успешно крепко отдалить характер, и теперь она постоянно срывается на всех, кто попадает под руку. Невзирая на грозный вид и годы практики в традиционных корейских единоборствах, в нашей компании она подвизается на правах Damsel in Distress и, честное слово, дистресса с нее не оберешься. То ее спасай, то от нее отстань, то ей объясни странное, то не пялься на бюст, словно вырез в майке не специально сделан таким вызывающим, то дай оружие, пользоваться которым она не умеет и не хочет, но дай все равно... То вот теперь проверь телефон, а то ей, современной нашей, надо... что? Обновить статус на фейсбуке? «Вернулась из Ада, в активном поиске»?

Новый приступ брюзжания ON.

Эх, опоздал я родиться. Угораздило высыпаться в цифровую эпоху, когда первое, что человек стремится сделать, пройдя через небывалое приключение – включить телефон

и проверить, кто тебя зафрендил и понаставил лайков в полусотне соцсетей и ресурсов по интересам. Огорчает подобная приземленность, и по работе создает сложности. Старшие товарищи рассказывали, что в Африке, было время, можно было рассекать хоть полной автоколонной через самые спорные территории, и навести на тебя местных супостатов было просто некому и нечем. Посмотрят вслед клубам пыли, летящим из-под колес, и ну дальше дуть в свои кальяны. Ныне же каждый мелкий курчавый засранец-козопас, даже штанов не имеющий, а только рубашку до пупа, в кармане этой рубашки держит мобильник, по коему немедленно извещает папу, дядю, брата и адъютанта местного варлорда (часто это одно лицо), что опять неопознанные беломазые на краденном КАМАЗе в сторону Киншасы катят, накрывайте поляну. Он бы, сцуко, и в твиттер писал для широты охвата, да грамоте не обучен. И ведь не потому, что сознательный, а просто норма жизни теперь такая. В качестве контрмеры пришлось реанимировать славу и опыт пехоты, которые мутировали за последние полвека до полной неузнаваемости. Нынешний штатный боец хоть и называется пехотинцем, но смех и грех, реально пешком разве что до сортира гуляет. По всем остальным нуждам на БТР, БМП, бронев автомобиле, в грузовике уже редко – некомфортно без анатомических подкладок под задницы, а то и на вертолете буквально до места, кое надлежит оккупировать и удерживать. О том, чтобы лезть в глубокое расположение против-

ника на своих двоих, да еще в отрыве от поставок, кухни, охраняемых зон, баз снабжения и обслуживания – уже и думать забыли. И оборона строится как раз исходя из новых веяний – в Африке, где нормальных дорог зачастую порядка двух на страну, а бездорожье сильно пересечено даже для формально внедорожного транспорта, да еще минами удобрено, это весьма просто и удобно: перекрыл обе дороги блок-постами и живи припеваючи. Даже если кто станет прорываться – это будет заметно издали и сразу. Старомодные же пехотинцы с рюкзаками, как выяснилось, летают куда ниже этих современных радаров и проникнуть способны почти куда угодно, не будучи замеченными – хватило бы только выносливости продирается через никому не интересные заросли, таща на себе запасы жратвы и патронов на всю операцию. Вот вам и технологии. Вы нас в дверь с биометрическим замком, а мы в окно из катапульты.

Это я о чем? Ах да – ненавижу мобильники. Да, и их тоже. А уж если они еще и не работают... свой-то я проверил еще там, на той стороне, и он уже не включался.

Приступ брюзжания OFF. Выдыхайте, бобры.

– Разрядился, – подтвердил и Мик, с сопением покликав по своему. – И плеер у меня сразу вырубился, когда я еще в первый раз в ворота сиганул.

Что можно сказать о моем лучшем друге Мике? Он любит драться. Представьте себе, что вы это для себя осознали в раннем детстве и не проигнорировали. То, что из вас вы-

растет годам к тридцати семи, и будет Миком фон Хендманом. Мышечной массы в нем хватит на двух тощих, но отнюдь не дистрофичных пареньков. Физиономия, отрихтованная великим множеством уроков от встречных парагонов жанра, обладает очень уместным свойством взывать к инстинкту самосохранения и сваливать подальше от такого знакомства. Мик тщательно бреется и стрижется под бокс, так что мог бы выглядеть зловеще-опрятно, если бы не пристрастие к цветастым гавайкам и расхристанным джинсам. Из особых примет стоит упомянуть, что вопреки брутальной мужественности в большинстве технических дисциплин Мик редконо бестолков, и это периодически создает нам сложности. Впрочем, что это будет за жизнь, если лучший друг не будет ее постоянно чем-то омрачать?

– Если это то, что называется электроникой, то дело не в разрядке, – со вздохом поведал откровенно мающийся Фирзаил. – Она просто перестает работать при прохождении на ту сторону. Или на эту. В общем, в момент перехода в ней там что-то то ли разлагается, то ли размыкается, то ли... Я не специалист, но слышал, что ремонту не подлежит. То же самое с некоторыми заклинаниями долговременного действия Магов – развеиваются без следа.

Очень интересно. Эл, наш первый гид по потустороннему, не потрудился об этом предупредить. Возможно, счел мало-важным или просто не задумывался. Впрочем, он вообще с куда большей охотой делился сведениями, не имеющими

прикладной ценности. Кстати, теперь стало понятно, почему действовавшие на территории Отстойника штурмовые хлопцы все как один побрезговали модными в нашу пору коллиматорными прицелами.

А ну-ка в сад этих моих жертв цифровой эпохи. Могут и до утра тут митинговать, а нам бы надо двигаться, чтобы добраться поскорее до дороги. Придется ловить машину, ибо хоть я и горячий сторонник пешеходной практики, но на немеряные канадские дистанции мы будем путешествовать долгонько, какое направление ни выбери. Сам я только за, но к таким марш-броскам стоит готовиться заранее – по крайней мере ботинки надеть по размеру, а то мои трофейные ощутимо поджимают. Так что я всех растолкал, выдвинулся в голову отряда и решительно потопал прямоком на запад. За спиной через несколько секунд захрустели шаги – группа пустилась вдогонку. Только так с ними, лоботрясами, и можно: понуканий не понимают, нужен мощный личный пример и угроза лишить единственного, кто худо-бедно способен вывести к людям.

– А вертолет как летал? В нем электроники полным-полно! – заинтересовался позади фон Хендман.

Кстати, да. Есть у него плюс – зрит в корень. Есть и минус – обычно делает это в тройном прыжке, распевая песни и при помощи отражения.

– Одна морока была с этим вертолетом, – раздраженно откликнулся Фирзаил. – Тащили через специально открытые

врата нестандартного размера буквально руками, в неактивном состоянии, и все равно половина конструкции пришла в полную негодность – собственно, все, кроме чисто механических элементов. Очень долго приводили в рабочее состояние. Ваши люди какие-то части изготавливали прямо там, на той стороне, и заменяли. С топливом тоже проблемы возникли – как-то оно не так работало, как по эту сторону, стабильность утратило, так что пришлось нескольким серьезным заклинателям головы ломать. В итоге он наполовину на зачарованиях держался и усилий, что в него были вложены, не оправдал даже близко. Хотя, возможно, успеет он поработать подольше... выходцы из вашего мира, которые составляли ударную силу нашей организации, предпочитали его более прогрессивному методу переходов через порталы.

– Так что, мы еще и без связи? – Айрин, кажется, снова начала закипать. Где-то я читал, что азиатские женщины отличаются кротостью нрава. То ли люди ничтоже сумняшеся пишут ерунду, надеясь, что не проверят, то ли мне везет на исключения. – Вот прекрасно! Мейсон, надеюсь, в этом твоём доме, куда мы направляемся, есть хотя бы телефон и интернет, а не только минометы, иприт и коллекция черепов?

Эх, невезучая ты наша, прикованная цепями технического прогресса к излишне современному пониманию комфорта.

– Нет. Зато там есть сортир. Во дворе, в кабинке.

– Дурацкая шутка.

– Никаких шуток. Я сам деду помогал его ставить. Мод-

ный такой, био.

– Прежде чем ты начнешь плевать ядом, хочу заметить, что это и впрямь большое достижение, – поддержал верный Мик. – А то, помню, на вопрос «а где тут...» Тедди на меня посмотрел как на чокнутого, обвел рукой окрестности и дал лопату.

После этого, надо заметить, биотуалет и появился. Дед по достоинству оценил его полезность после того, как Мик ухитрился выданной лопатой подраться с *осами*. Осы уверенно взяли верх, мы до ночи от них в хибаре прятались. Особенно досталось мне, вклинившемуся между двумя дымящими, как костры апачей, курильщиками.

– Мииинуточку! – Айрин решительно меня обогнала и вскинула руки, словно осаживая стадо первоклассников. Ох, какие формы! Не захочешь, а притормозишь, чтобы на своих же слюнях не поскользнуться. – Давайте-ка я кое-что проясню. Очень ценю ваше предложение, но двигаться курсом единственно на биотуалет я отказываюсь, даже если придется вас покинуть. Я пережила чертовски сильный стресс, мне нужно придти в себя. Перевести дух, связаться с семьей, убедиться, что там все в порядке. Перекусить нормальной человеческой едой, причем умеренно калорийной, ваши местные блюда из лосятины с кленовым сиропом в мою диету не вписываются. А потом принять ванну, закинуться седативным и хотя бы несколько часов поспать в нормальной постели. Подозреваю, что даже в Канаде подобный минимум

можно отыскать – например, в мотеле или даже настоящей гостинице. Эльф, кредитки-то мои не размагнитились?

– Уловил вопросительную интонацию, но ни единого знакомого слова, – со сдержанным злорадством отвечивал Фирзаил. – Известные мне формы магнетизма не страдают при трансмировых переходах. Что такое кредитки, я не знаю и прошу не разъяснять. У меня тоже есть некий лимит на объемы единовременно усвояемой информации, и сейчас он уже трещит по швам.

– Вот же ж! – Айрин выразительно встряхнула сжатыми кулаками. – Мейсон, что из перечисленного ты берешься предоставить?

Беда с ними, городскими неженками. Лосятина ей не угодила, ишь ты какая. Да тебе ее никто и не предложит – лося сперва подстрелить надо. Не из пулемета же? Когда на нас пролился дождь трофеев, я всему остальному предпочел условно легкий пулемет М249, больше машинально, чем осознанно. Калибр по крупному зверю несерьезный. Хотя вот Чарли таскает фалочку, она для этой цели как раз может пригодиться. Но егерь придет, обидится.

В любом случае, ответить мне толком нечего. В том домике, который я помню, ничего из перечисленного не получишь, а других вариантов в голову пока не пришло. Может, со временем? Я аккуратно обогнул Айрин и потопал дальше. Люблю гулять по ночам на природе – воздух свежий, прохладный, тихо и спокойно, никто лишний глаза не мозолит...

хотя Айрин делает успехи на этом поприще. Причем могла бы и украшать, и поощрять, но считает своим долгом вместо этого портить даже то, что и без нее на ладан дышит. Добраться до шоссе нам необходимо в любом случае, независимо от того, соберемся ли мы в конечном итоге ехать на север и там в обход озера к заказнику или все же на юг, в сторону краев обетованных, оборудованных на радость некоторым всевозможными благами цивилизации. Пока идем по прогалине между могучими лесами справа и слева. Доберемся до шоссе – можно будет свернуть куда-нибудь, чтобы не вываливаться сразу на дорогу, затеряться среди деревьев, как пристало партизанам.

– Поспать – если только в гамаке, – объяснил я потащившейся следом соискательнице. – Закинуться... не берусь предсказать, там есть какая-то аптечка, но все больше бинты и йод. Может, Мик там где-нибудь косяк заныкал, но в последний раз он там был лет десять тому, так что, скорее всего, дед его давно нашел и скурил. Он у меня без комплексов.

– Да чтоб вас! Ну хоть по пути будет какой-нибудь городок? Деревенька? Магазин? Заправка? Закусочная? Хоккейное поле, или чем вы тут развлекаетесь?

– Ты уже не в Канзасе, Тотошка. В вашем Сан-Франциско народу примерно столько, сколько во всей Манитобе, причем девяносто процентов здешних кучкуются далеко на юге, ближе к границе. Я, собственно, из этих соображений сюда и стремился – чтобы поменьше людям на глаза попадаться.

Нам-то полбеды, хотя может возникнуть множество ненужных вопросов, где мы шлялись и как сюда попали. Но вот эти двое, – я наугад потыкал пальцем через плечо – раз пониже и раз повыше, обозначая целевых индивидуумов, – так или иначе привлекут пристальное внимание, если их не замаскировать подо что-то заурядное.

Вообще-то наивно полагать, что даже будучи упакованными в мешки для трупов они не станут привлекать внимания. Но это всего лишь первый этап деятельности, которую я даже не начал еще толком размечать. В перспективе нам нужно всего лишь выиграть какое-то время, чтобы присосаться к раздатчику информации, разобраться в ситуации и понять, нужны ли мы тут вообще кому-то или, скажем, у какого-нибудь профессора Нойманна все уже на мази. Если окажется, что прорех в мироздании на нас хватает и эльф в состоянии их штопать, то из сумрака можно будет и выйти потихонечку – польза от нашей странной компании станет достаточно очевидной, чтобы появился смысл прокачивать эту тему. Если же мы вовсе не нужны, то отправим неформалов восвояси и можно будет перестать прятаться.

– Вот пускай сами за себя и отвечают, и ты с ними, раз уж сам их нанял. А я сама по себе, ладно? Просто покажи, куда тут пойти, чтобы к людям попасть.

– Я тоже к людям! А вас знать не хочу больше! Тебе за нападение на офицера вообще знаешь, что светит!...

О, да это Чарли очнулся. Рыжий сгрузил его на ноги, хотя

и продолжал заботливо придерживать за плечи. Барнета покачивало не то ветерком, не то какими-то внутренними процессами, но по крайней мере оклемался – далеко не каждый, кого Мик когда-либо бил, мог бы этим похврататься.

– С возвращением, – сказал я ему, подавив облегченный вздох. Мог же и обидеться, и за оружие в запале схватиться. Нет, это совсем не в его стиле, но все-таки и ситуация у нас весьма нетипичная. – Чего вам так дались эти люди-то? От них еще никому ничего хорошего не было. Все равно отсюда до Калифорнии вам неближний путь. Была охота со- ваться невесть куда! Вдруг в ближайшем поселении уже зомби-апокалипсис?

Чарли содрогнулся. Он в зомби не верит, но на всякий случай их опасается.

– Может такое быть? – нервно дернула Айрин Фирзаила.

– Зомби-апокалипсис? – эльф издевательски помемекал, делая вид, что размышляет. – Опять чудной термин. Почему вообще вы меня спрашиваете, что у вас тут может быть, а чего не может? Уверяю вас, даже прорыв межпространственных барьеров не может изменить фундаментальных законов мира. Если раньше не могло случиться, то и теперь...

– Ты волшебник зловещего вида и не знаешь, что такое зомби?

– Я знаю, что такое зомби. Я даже знаю, что такое в вашем фольклоре Апокалипсис – у нас тоже есть аналог, да и никто не обошелся. Но вот вместе эти два слова никак связать

не могу. Думаю, на этот счет можете быть спокойны. Но вот от какой-нибудь мерзкой твари из Междумирья, с самыми банальными когтями, никто не застрахован, так что не понимаю вашей тяги к отделению от боеспособной группы. Позвольте к этому прибавить, что мне самому очень не хочется объясняться с местными, так что предложение полководца о скрытом убежище я расцениваю как чрезвычайно удачное.

Ух ты. Полководец – это ж я. Признание меня настигло. Осталось только бубликом подавиться, тогда и в президенты выбрать могут.

– Из Междумирья?! – насторожился Чарли. – Это еще что за?...

– А вот этого надо срочно к целителям, у него мозг сильно пострадал. Междумирье – это откуда мы только что выбрались. Помнишь такое?

– А эти его Адом обзывали, Отстойником и еще как-то!

– И есть еще три десятка терминов, из которых половину можно перевести на ваши местные языки. Все зависит от того, кто вас приобщает к вопросу. В разных культурных слоях есть собственные аналоги – и как бы они ни разнились косметически, но почти что каждое упоминание об ином слое реальности так или иначе замыкается именно на него.

Чарли призадумался, очевидно припоминая все слои реальности, о которых когда-либо слышал. Надо бы приготовиться к вопросам насчет Алисы в Зазеркалье и горнолыжных курортов, которые он всегда полагал неземными.

– А как ты собираешься из этой своей халупы наводить справки о случившемся? – вернулась Айрин к исходному вопросу. – Если там нет интернета и газет не развозят, что там делать? Соберем из пистолетов радио и будем эфир сканировать? Я даже не уверена, что в этой глуши работает хоть одна радиостанция. И что местные гуроны еще не сняли скальпы с радиоведущих.

Ай, молодца. Расистские шуточки – верный признак присутствия духа. Как вообще в отсталых регионах узнают новости? Ловят туриста, подвешивают за ноги. Но туристы редко бывают содержательны, особенно с перепугу. Так-то она права, охотничьи хижины ставят не для того, чтобы из них отслеживать новости и играть на рынке Форекс.

– Радиоприемник там должен быть. Всегда был. Вот батарейки для него надо где-то по пути добыть, да и то... не уверен, что такие до сих пор выпускают – может, лучше даже сразу новый приемник. Глядишь, и мобильники новые удастся по пути... хотя в тех краях они через раз работают, а уж интернетов вовсе не предусмотрено. Рейнджеры только по рации и сообщаются. Ну, по крайней мере, если даже случайный встречный захочет оповестить весь мир, что видел рыжего йети, у него возникнут затруднения – уже неплохо.

Я покосился на рыжего. Тот покладисто топал на фланге, лыбясь на все стороны. Его, кажется, ничуть не смущало наше торговище, и принимать в нем участие он не стремился. Может, правда ничего не понимает? Не могут же все по ту

сторону барьера быть поголовно грамотными в наших земных наречиях, как в сериале про что-то там звездное, где по всей неоткрытой вселенной лихо шпарят на современном английском. Но не было похоже, что невовлеченность причиняет ему дискомфорт. Думаю, это мы заметили бы по поведению, разлетаясь от его раздосадованных оплеух.

– А чего с ним не так? – Айрин тоже критически его осмотрела. – Здоровенный, рыжий, волосатый, всем довольный. По мне, выглядит в точности как типичный канадец. Выломать ему клюшку – так, полагаю, в половине местных семей от своего не отличат.

– И много ты знаешь типичных канадцев?

– Бог миловал. Но там, откуда я родом, все так думают.

Задумчивое брюзжание ON.

Вообще-то не сказать, чтобы она была так уж неправа – типаж весьма красочный, поставь его на коньки – даже соотечественники не заподозрят инородства. Хотя при близком рассмотрении нагло-красная кожа и по-обезьяньи вспученная ниже носа физиономия наводят на размышления. Конечно, канадцы вежливый народ и заострять внимание на странностях не любят, но если тут правда все на нервах – я рисковать не желаю. Даже и фон Хендмана бы с удовольствием закамouflировал, а то он хотя и настоящий человек согласно метрике, но его сложноопределимые расовые признаки порой вызывают неуместное любопытство. Обычно он сам с этим справляется – у него много ударных конечностей

и необоримая склонность к их применению. Но я бы все-таки предпочел обходить такие эксцессы седьмой дорогой. Может, справить всем подозрительным по хоккейному шлему с массивным забралом? Или вот по мотоциклетному. Это даже органичнее будет смотреться, особенно если дополнить их собственно байками. Только у эльфа отломится голова под тяжестью карбоновой шапочки, Чарли опозорит ганг, предпочтя страшному чопперу мопед, обклеенный сертификатами безопасности, Мик немедленно во что-нибудь врежется, а рыжему поди еще объясни, минуя языковой барьер и культурные упушения, где там газ и где тормоз. Я и сам не знаю, даже на велике ездить никогда не учился. А Айрин знает наверняка, она байкерша со стажем, но отсутствие у нее педагогических талантов очевидно даже впотымах.

Задумчивое брюзжание OFF.

– А чем ты нас кормить собираешься? – канючила Айрин, оказывается, тем временем. – Червячками и личинками? Грибами? Рыбу глушить гранатами будем?

– Почему тебя волнуют такие мелочи? Вон у нас храни- тельских батончиков полный мешок, жуй не хочу.

– А вот не советую, – вклинился вредный эльф. Какой-то он социально гиперактивный, наверное, на нервной почве. – Во-первых, ими можно кормить хосса, а то чем-то другим будет очень уж накладно. Их метаболизм сильно отличается от любого из внешников... ну, нас, кого они называют «жителями миров». Мы все довольно экономично устроены, а вот

им нужно много энергии поглощать для поддержки всех их внутренних функций... да и внешних проявлений – он же по производительности любого голема превосходит.

Можно было заподозрить, да. Такая силища на пальчиковых батарейках существовать не способна. Он склон холма проломил, когда наружу выбирались! Мне бы понадобился отбойный молоток или вышибной заряд взрывчатки.

– А во-вторых?

– Во-вторых, эти пайки как раз на них и рассчитаны. Их питательная ценность такова, что для наших хрупких тел подобна чудовищной имплозии. Существам, не умеющим регулировать биотоки, подобная пища в перспективе принесет больше вреда, чем пользы.

– Ты попонятнее можешь? Что за имплозия – это когда Мик чуть горшок не разнес?

– Куда уж понятнее? Посидев некоторое время на этих брикетах, вы подорвете свой обмен веществ и в результате обростете избыточной жировой тканью. Помните профессора Нойманна? Он был худ, как палка, когда впервые попал на ту сторону, и питался осторожно, но в итоге стал... вы видели.

Подумаешь. Толстоват был профессор, но отнюдь не настолько, чтобы бить тревогу. Думаю, что вот эти, которые себе фигурные мясы наращивают, будут только рады.

Не угадал.

– Вот уж спасибоочки! – вновь полыхнула Айрин. – Знаете,

парни, с меня хватит! Все, что при мне на сегодняшний день осталось неиспорченного – это брюшной пресс, который я полжизни путем немалых мучений поддерживаю в идеальной форме. Как сознательный член IFPA, что подразумевает серьезное отношение к рациону и образу жизни, жрать нездоровую пищу я отказываюсь наотрез!

Да, живот ее действительно впечатляет и даже несколько пугает количеством строго вычерченных кубиков. Было бы жалко, если б затянуло бурой тиной гладь старинного пруда. Вот и Мик засопел понимающе, хотя уж он-то понятие здоровой пищи презирает всеми фибрами души и на собственном его брюхе можно колоть орехи, но едва ли найти хоть одну рельефную линию.

– Ладно тебе, не парься. По пути в любую сторону будет как минимум одна заправка, там всегда можно чем-нибудь съедобным затариться.

– Чипсами и хотдогами, – уточнил фон. Думаю, не со зла, а в целях помощи, но как-то в этом жанре не преуспел. Опыта не хватает.

– Вы издеваетесь?

– И в мыслях не бы...

На мое плечо обрушилось что-то вроде кувалды. Ой же ж! Больно! Неужели враги подкрались, воспользовавшись нашим замешательством? Пора уже собраться, перестать щелкать хлебалом. Но нет, это оказалась всего лишь знакомая рыжая лапища, вполне предупредительно цапнувшая меня

в целях привлечения внимания. Вторая взметнулась мимо моего носа (я машинально шарахнулся и мог бы позорно упасть, если бы плечо не было намертво зафиксировано) и указала длиннющим пальцем, как красной стрелкой, куда-то в пространство. Что у нас там? Понятия не имею, глаза хоть к темноте понемногу привыкают, но все-таки есть у них предел, и он не сильно дальше носа. Холмик какой-то различаю, да и все. Может, это не холмик? Может, это иномировая скотина размером со слона прилегла отдохнуть? Нет, вряд ли – как есть холмик, нормальный, земляной, высотой футов в десять, с вялым стелющимся кустарничком по гребню.

Все притихли, только деятельная Айрин завозилась, пытаясь стащить винтовку с плеча, но Мик своевременно ее перехватил и тоже призвал к неподвижности. Тишина повисла на пятерочку, вплоть до далекого звона на пределе слышимости и шелестения стрекоз где-то у воды. Уже неплохо – половина проколов происходит из-за неумения затихариться.

– Замрите, – велел я компании, подхватил пулемет за рукоять и под цевье и припустился к гребню холма, ставя ноги елочкой, дабы не оскользнуться на сырой по ночному времени почве. Ближе к вершине скрючился, чтобы не выскочить на нее, как фурункул на лысину, еще ближе вовсе перешел на три конечности, придерживая пулемет четвертой. Удивительно, но базар-вокзал так и хранил тишину, никакой

деятельный офицер полиции не требовал вести себя соответственно нормам уголовного кодекса и капризные экзотические дамочки не привлекали внимания к осыпавшим их несчастьям. Может, их всех уже съел кто-нибудь? Оглянулся – нет, вон они, застыли соляными столпами. Страх – великий мотиватор. Ладно, посмотрим... плюхнулся совсем уже на пузо и дальше уже не лез, а полз на локтях, причем не на самую вершину, а забирая в сторону. Какая ни темнота, а вылезать на самый гребень и маячить там подобно рекламному плакату – привычка нездоровая. Такого горе-наблюдателя проще не только заметить, но и товарищам указать: «на вершине холма» звучит гораздо лаконичнее и точнее, чем «на несколько ярдов левее другой елки». А уж какой гостинец может прилететь вслед за обнаружением – не берусь даже гадать, не оценив нынешнюю ситуацию. Народ тут, как я уже упоминал, незлой и добродушный, но если какие твари повадятся из темноты кусать за задницу – за нашим братом не заржавеет взяться за винтовки и пойти наводить порядок. Если придется, то и ночью. В конце концов, не страна третьего мира, никто не мешает дополнить классический охотничий ансамбль прибором ночного видения или даже тепловизором.

Выполз совсем уже плашмя, пихая пулемет перед собой, чтобы при нужде ствол было недолго доворачивать.

Приступ брюзжания ОН.

Началось... обычно-то я в эти края езжу с удовольстви-

ем, и в основном потому, что тут мне не приходится ползать по грязи. Не бывает в нашей тихой Канаде военных переворотов, незаконных (или даже законных) вооруженных бандформирований, повстанцев-марксистов и прочей военизированной нечисти. Вот с индейцами был неудобняк, так это в Квебеке, никто и не ждал ничего хорошего от людей, добровольно говорящих по-французски. Тут-то, в Манитобе, хорошо. Душой отдыхаешь и одежду потом стирать не приходится. А с такой паранойей, того гляди, только на стирку и будешь работать – вот уже что-то холодное полезло за пазуху, левый локоть угодил в полужидкое месиво, под коленями оползает почва. Потом ведь даже переодеться будет не во что! Так и буду ходить учучуканый, как из фетиш-видео про борьбу в грязи. Особенно обидно, если зря пачкался и там всего лишь старый добрый медведь из лесу вышел в поисках аппетитной помойки.

Приступ брюзжания OFF.

Неа, это не медведь... это машина. Когда холм перестал мешаться, донеслось тарахтение двигателя – очень далекое, ей-богу, сам бы вот с этого места не расслышал, если бы не прислушивался. А наш верзила, значит, даже оттуда... ему и радио, поди, не особо нужно – может эфир ловить собственным приемником. Правда, изложить не сможет по причине немоты. Ну, хоть сам знать будет. Может, и командование на себя возьмет, да и поползет в следующий раз сам?

Далеко-далеко мелькнул свет фар. Да это и впрямь шос-

се! Причем пролегает прямо под носом, не больше чем в полусотне ярдов, разглядеть уже вполне реально. Бодро едут, с дальним светом, ни от кого не пытаюсь скрываться. Может, это эвакуатор или еще какая-нибудь сервисная колымага? Нет, на эвакуатор не похоже – больно шустро едет, тут обычно никто никуда не торопится, особенно повременщики.

– Кто-то едет, – доложил я вниз вполголоса. – Посмотрим, как будут ближе. Пригнитесь, не отвечивайте. Оружие держите под рукой, но стрелять не вздумайте! По крайней мере, раньше меня.

– Я могу на дорогу выскочить! – предложил Чарли в припадке отчаянной храбрости. Все ему не впрок. Сколько навидался за последние дни нехороших чуждостей, но даже мысли не допускает, будто ночами по канадским дорогам могут рассекать не одни добрые дурачки, ищущие, кому бы помочь. – У меня значок, я машину могу реквизиловать для нужд полиции. Правда, взыскание потом получу...

– Значок твой сильно нездешний, а уж наряд и того многозначительнее.

Судя по сконфуженному шурханию, Чарли совсем забыл, что упакован в штатовский армейский камуфляж, который с полицейским значком плохо сочетается. И ни то, ни другое на территории Канады юридической силы не имеет.

– Мик, держи правую сторону холма. Вряд ли они нас заметят, но если вдруг... и остановятся, и покажутся сильно

злыми... В общем, будет надо – не стесняйся.

– Понял, – откликнулся фон. – А как отличить сильно злых?

– Закрученные усы, недобрый прищур, автоматическое оружие. Возможно, говорят с каркающим немецким акцентом.

– Представил. Проникся. Ладненько.

Вот и хорошо, что он такой понятливый. Деревенщин-то местных нам пугаться не с руки, но если пошло какое-нибудь глобальное безобразие, на их месте могут нарисоваться и самые неприятные экземпляры. Вроде нас самих, да еще и без благой лени, которая мешает нам переродиться в самых натуральных злодеев, типа рейдеров из Фаллаута.

– А нам чего делать? – не унялся, однако, Чарли. Вернувшись из непредставимо дальних краев, он определенно почувствовал себя в центре событий и сдавать этих завоеваний не собирался.

– А ты будешь стрелять в живых людей, если вдруг понадобится?

Барнет напряженно засопел. Пускай, пускай подумает, ему полезно определиться заранее, а то спонтанные его решения обычно выходят экстремальными – либо комичными, либо трагичными. А машина-то приближается, через минуту будет уже прямо здесь, под прямым выстрелом. Не сказать, что гонит, но едет быстро и уверенно, явно не в первый раз идет этим маршрутом, препятствий не ожидает. А следом

еще огни появились! И даже, кажется, не одни. Это что же у нас получается? Передняя машина в отрыве от колонны, с сохранением дистанции – не иначе как передовое охранение. Если бы они друг за другом гнались, скорость была бы повыше. Армейцы?

– Если фашисты, например, то буду, – решил Чарли.

– В смысле, нацики, которые лысые? – уточнила Айрин прежде, чем успел я. У меня вопрос был такой же – кого, собственно, Чарли готов считать фашистом. С него иной раз и не хочешь, а поржешь.

– Фашисты, это которые с Гитлером, – отрезал Чарли. – В касках там, в черных галифе. Вот в этих буду сам и первый, и в талибов с автоматами, и в зомби тоже буду, но зомби не живые. А насчет других – надо смотреть по обстоятельствам. У остальных права есть.

Не возразишь. И позиция удачная. Едва ли по нелюди-мой Манитобе посреди ночи разъезжают косплееры в форме СС или в талибских тюрбанах – а ведь с Чарли станется еще и верблюдов запросить для аутентичности.

– А я не буду, – сурово объявила Айрин. – Ну правда, парни, сделайте одолжение – закиньте меня куда-нибудь, откуда я смогу добраться своим ходом домой, и возвращайтесь играть в... во что вы тут играетесь.

– Закрылись! – пшикнул я в их сторону. Не хватало еще спалиться на тяге обывателей к праздному трепу. На том свете засмеют.

Все притихли. Первый автомобиль как раз показался из-за деревьев – еще далеко, но пер сурово и решительно, не мешкая и не отвлекаясь. А это, знаете ли, армейский хамви. Я по транспортной части знаток ниже среднего – мы, как сообщалось ранее, все больше пешим ходом – да и темно еще, так что точнее сказать не возьмусь. Но до боли знакомые прямые углы и ширина в половину дороги говорят за себя, а за принадлежность к самым что ни на есть вооруженным силам расписывается пулемет пятидесятого калибра, торчащий над кабиной. Проскочил, приблизившись в крайней точке где-то ярдов на пятьдесят, я чуть глаза не сломал, в него всматриваясь. Ого ж. Если не армейцы, которым по статусу положено тяжелое вооружение, то вот так очень злые люди и должны выглядеть.

Ни малейшего внимания на меня, растянувшегося на холме, ночные ездоки не обратили, проскочили мимо, даже не скинув скорость. И унеслись дальше на север.

Не нравится мне все это. Непонятное пугает – утверждено мастерами ужасов.

– Не остановились, – озадаченно откомментировал Мик. – Насчет злых не знаю, но уж точно слеподыры. Может, оно и к лучшему?

– У них пушка была! – прошипела Айрин. – Что за страна такая, что тут с пушкой ездить надо? Или сюда уже вторглись? Мы точно в Канаде? Я думала, вы тут с вашей бесплатной медициной добренькие все и ничуть не воинственные.

– Молчать! Еще едут!

Кажется, Мику пришлось зажать Айрин рот – снизу до-неслась ожесточенная возня и недовольное мычание. Да уж, наемся мы с ней. До сих пор я не воспринимал ее как свою проблему, поскольку нас волокло по течению и ни разделить, ни побарахтаться толком не удавалось. А вот теперь, с другой стороны, я сам буду за все в ответе, и все ляпы персонала становятся моей личной ответственностью.

Вот и остальные машины подтянулись. Первым шел старомодный MRAP, за ним два грузовика под тентами, потом еще какая-то мордастая угловатая машина со вращающейся фиговиной над кузовом. От этой подвижной штуки я добра уж точно не ждал и вжался в землю поплотнее, даже травкой закусил. Ух ты, травка-то свежая, почти вкусная. А штука, по всей видимости, оказалась радаром, по крайней мере меня в траве не увидела, не высветила и не подстрелила. И на том спасибо тебе, штука. Я-то знаю, что хуже может быть всегда.

Замыкали колонну еще два хамви – по крайней мере, один из них точно был таковым и был украшен автоматическим гранатометом Mk19. У второго было побольше покатых линий в силуэте – очевидно, новая модель, исполненная с расчетом на дебилов, способных убиться даже об угол кузова, а на турели у него имелся ни много ни мало шестиствольный миниган. Вот за ним наконец-то нашелся живой человек, торчащий из люка на крыше, но разглядеть его в деталях

мне не удалось. Нужен бинокль, да желательно с ночным режимом. Успел только отметить обтянутую камуфляжем каску. Разумно, боец. Нет задачи важнее, чем прикрыть арбуз. Надо тоже озаботиться.

Колонна под мощное тарыхтение двигателей исчезла в ночи. Я приподнял голову, покрутил ею. Вроде больше никакой подозрительной активности не замечено. Да и чего я тут буду из себя изображать, когда вон там внизу с комфортом сидит по-турецки натуральный детектор возмущений в эфире. Поднялся и, отряхивая с груди землю, неторопливо спустился вниз, к своей компании.

– И кто это был? – немедленно приступил к дознанию сержант Барнет.

– Без понятия, Чарли. Проехали мимо, как видишь, в силах тяжких. Не знаю, что было в тех двух грузовиках, но даже в одних колесниках хватило бы народу, чтобы с нами говорить свысока. Никогда не следует набиваться на разговор, который не сможешь склонить в свою пользу. Особенно с военными, у которых вместо мыслей приказы. Вылезать им под колеса выглядит откровенно неудачной идеей.

– Так разве военные не за нас?

Повисла тягостная пауза. Чарли огляделся недоуменно, ища поддержки. Дивный он все-таки экземпляр. Мы тут все не без странностей, но считать персонально себя тем самым, за кого военные – это уж прямо за гранью наивности. Особенно когда у нас в компании такие нелегалы, каких и не объ-

яснишь без привлечения лишних сущностей.

– Я не знаю, – ответил я наконец, ибо Чарли на полном серьезе ждал ответа. – Военные, Чарли, исполняют приказы командования. А вот что оно им прикажет – я и представить себе не могу. По крайней мере пока не пойму, что тут творится... и чья вообще это армия. А то мне показалось, что они в акупате вроде твоего.

– И чего?

– А того, что местные носят вот такое, как у меня, ядовито-зелененькое. По крайней мере должны носить.

Народ взял паузу на осмысление.

– А далеко тут до границы? – поинтересовалась Айрин осторожно. – Могут это быть *наши* военные? На правах, скажем, помощи и поддержки...

– Или, например, оккупации и насаждения демократии, – поддержал Мик. – С этими благородными целями их куда только ни заносит.

– Если бы я точно знал, где мы, то непременно бы подсчитал. Навскидку могут и они быть, действительно – на одной заправке можно доехать.

Можно-то оно можно, только вот куда и зачем им продвигаться, да еще ночью? Да и грозной силой подобная колонна выглядит только в сравнении с нами, беспортошными, а на армию вторжения не тянет никак. Впрочем, чего гадать – надо собирать информацию.

– Дорогу мы нашли, – объявил я для всех и даже ру-

кой обозначил направление. – Это, по всей видимости, Хай-вей номер 6, других автострад я в этих краях не представляю. На юг он идет аж до самого города Виннипег и дальше, в Миннесоту или Северную Дакоту. Допустим, ориентировочно назначу до границы миль триста. С гаком, как говорит один мой русский знакомый, что означает произвольный коэффициент.

– И ты вот сюда нас затащил?! – взвыла Айрин, аж за голову схватившись. – За триста миль от родной страны, причем от тех ее штатов, которые я и на карте-то не факт что найду? А более очевидных путей прямо в Калифорнию тут нету? Чтобы сесть на автобус и вот уже там? Или на самолет, чтобы поспеть прямо к обеду?

– Мимо Виннипега вряд ли как-то удастся. Он вроде небольшой по вашим меркам, но на пересечении всех значимых дорог. Даже если захочешь выбраться на западное побережье, то опять же через него и до Ванкувера. Впрочем, маленьких аэродромов тут почти везде хватает, можешь попробовать там договориться.

– Вообще-то это ты должен договариваться! – вступил Чарли. – Мы тебя не просили сюда нас выбрасывать, помнишь? Я так прямо и сказал – домой нас вези!

– Верно! – согласилась Айрин, и надо заметить, получить от нее согласие с чем бы то ни было оказалось весьма неожиданно. – Как мы должны барахтаться, если у нас ни телефонов нет, ни наличных, а кредитки то ли еще работают,

а то ли уже нет? Мы даже связаться ни с кем не сможем, кроме как за счет абонента! И можно подумать, я хоть один номер из телефонной книги помню наизусть!

– Если нас тут арестуют, то обязаны будут связаться с указанными лицами, – блеснул Чарли знанием протокола. – Тут уж как-нибудь объяснимся. Но в самом деле, неужели нет более гуманного метода? У Мейсона тут наверняка есть какие-нибудь знакомые, всякие эти... браконьеры, контрабандисты, беглецы от закона...

Хорошенького же он обо мне мнения. Правда, я сам виноват, ибо каждый раз на прямой вопрос о роде деятельности начинаю изворачиваться и врать – когда удачно, а когда и не особо. Не то чтобы я стеснялся... хотя да, есть немного. В основном развития допроса. Мол, почему вместо того, чтобы делать карьеру, ты при каждом удобном случае возвращаешься домой, заваливаешься колодой на диван и ведешь безмятежное растительное существование, пока очередной жареный петух не клюнет? Нечего мне на это ответить, если исключить очевидный залп грубости. Был бы я энергичный, бодрый или хотя бы целеустремленный, так сейчас уже вынужден был бы крутить какими-нибудь амбициозными проектами от имени и в интересах очень больших людей – а мне этого не хочется. Большие люди, как правило, оказываются не особо хорошими, а все их интересы рано или поздно сводятся к сохранению своей величины всеми правдами и неправдами, с неизменно возрастающим перекосом в сто-

рону последних. А я свое дело люблю и не желаю его осквернять любимым тезисом безвольных трудяг «просто выполняю приказы». Так что трудовой режим у меня неровный – от интересной операции до той, от которой не отвертишься. И нет, нету у меня никаких знакомых браконьеров и контрабандистов, по крайней мере тут, в Канаде. Тут у меня вообще знакомых по минимуму – я планирую переехать сюда в пожилых годах мирно доживать остаток жизни и не хочу спотыкаться о дела давно минувших дней.

– У меня тут есть дед. Не так чтобы далеко – меньше чем на полпути к этому самому Виннипегу. Если очень невтерпеж, можем к нему обратиться, он как-нибудь поможет вам организовать. Да и знакомые если у кого есть, то у него.

Вообще-то я его не хотел вмешивать, но что ж поделать? Дед у меня понятливый, в беде не бросит и лишнего не спросит. К слову, и наших инородцев можно было бы где-нибудь у него в подвале сныкать до поры до времени. А поселок или, как их тут называют, сообщество Джипсумвилль, где он живет, пусть не центр мировой культуры, но вполне благоустроен. Есть у них и сотовая связь, и телевидение, и вроде бы даже беспроводной интернет по крайней мере в паре заведений. Весь вопрос в том, как дотуда добраться, не спалившись по дороге и не попавшись непонятым армейцам, которые повадились кататься по округе. Тут серьезные дистанции, запросто может и сотня миль набежать. Пешком по придорожному перелеску, чтобы никому на глаза не вылезать,

мы будем колупаться долгонько, и есть мнение, что кроме меня да этого несгибаемого рыжего титана, столько вообще никто не отшагает. Надо ловить попутку, да не абы какую, а чтобы было шесть свободных мест и водитель, желательно, слепоглухотупой.

– Это тот самый дед, у которого туалет во дворе? – поежилась Айрин.

– Тот, но не там. В лесу охотничья хижина. А здесь нормальный дом, в девяностых перестроенный, с полным набором удобств, включая кухню, душ и даже ванну.

– Вот это мне подходит! Как туда попасть?

– Ты б не расслаблялась, – опасно посоветовал Чарли. – Видел я этого деда, он к нам в школу приходил как-то. Такой, блин, крокодил Данди!... Не уверен я, что под ванной он понимает то же самое, что мы.

– Сам-то ты что в ваннах понимаешь? – не дала себя сбить с толку Айрин. – Ты что, метросексуал?

– Мое дело предупредить, – обиделся Чарли и заткнулся, хотя, как мне показалось, губами шевелить продолжил.

– А я по-прежнему придерживаюсь мнения, что входить в контакт с общественностью преждевременно, – внес свою лепту Фирзаил. – История как нашего, так и любого другого мира изобилует прецедентами. Появление инакообразных – всегда большое потрясение для социума, который к тому же в данном случае не выглядит очень уж гостеприимным... я говорю исходя из знакомства с ограниченным кругом ваших

сородичей, мне его хватило, чтобы понять, что под горячую руку вам лучше не попадаться. Так что я предпочел бы временно побыть нераспознанным, и уверен, что для нашего большого приятеля это тоже оптимальная стратегия.

– Не пытайся встать между женщиной и ванной, – предупредил его Мик. – Хотя в целом я с тобой согласен, и вот что... Мейсон, а не разделить бы нам ненадолго?

Я уж и сам к этой идее пришел. Очень не хотелось бы, но, похоже, придется – потому что тут у нас две группы, желающие несовместимого. Если я возьму Айрин и Чарли, нас будет всего трое и, несмотря на некоторую экзотичность, практически не странных. Ну, не настолько, чтобы повергнуть случайного встречного в экзистенциальный шок. Случайная попутка не погнушается добросить нас до окрестностей Джипсумвилля – так или иначе любому, кто движется на юг, с шоссе деться некуда. Там я сдам этих пораженцев деду, попрошу его за ними присмотреть, а то и помочь организовать, если придут идеи, а сам одолжу его пикап и вернусь за остальными. Сам за рулем, ни с кем не придется объясняться. Может быть, какой-нибудь одеждой для рыжего разживусь – вот папаша мой, например, габаритов схожих, должны у деда быть какие-то его охотничьи шмотки, благо здесь это традиционное семейное хобби. Куртка, штаны, перчатки, шляпа с полями... вот с ботинками сложнее будет – у него такая ступня, что я со своим двенадцатым размером ощущаю себя китайской фарфоровой балериной,

к тому же пальцы скорее растопырены по образцу человекообразной обезьяны, нежели сдвинуты по-человечески. Шлепанцы на нем вроде вьетнамков – случись нужда быстро бегать, вряд ли в них он покажет чудеса скорости. Хотя, если то мерцание, что демонстрировал Хранитель Эл, и ему доступно, то большого значения это не имеет. Как бы все же научиться с ним общаться? А то он вроде и толковый парень, но без четких коммуникативных навыков этим не очень-то попользуешься.

– А ты что, домой не собираешься? – изумилась Айрин в адрес Мика. – Ты-то не здешний, чего ты здесь забыл?

– Как – чего? – Мик удивился ничуть не меньше. – А мир кто спасать будет? Мейсона одного поди оставь, он тут же под кустом спать пристроится.

Грубо. Но правда.

– Так поехали все вместе! Не очень-то мне верится, что мир так уж надо спасать, – Айрин покосилась на зловещую багровую луну и зябко поежилась, – Или что вы, два идиота, хоть чем-то можете ему помочь... но если уж все-таки спасать, то стоит начинать с тех краев, которые нужны хоть кому-то, а не с этой глухомани!

Так бы и прибил, честное слово. Почему-то каждый уверен, что больше всего миру нужны именно те края, где у него квартира в долгосрочной аренде. И никакого понимания ситуации – что опыта у нас нет, и вообще нет ничего, кроме наглости и эльфа, которого того гляди ветром снесет. И что

очень необдуманно вылезать в самый центр мирового внимания с трюком «абракадабра, а теперь мы попробуем заштопать разрыв в ткани мироздания» без предварительно проведенных проб.

– Да ты вперед не забегай, – предложил я как мог доброжелательно. – Имей в виду, что никто еще никуда особо не едет. Доберемся до деда – уже хорошо, там и будете думать, что дальше, а я тем временем за остальными вернусь. При военном положении могут быть проблемы с дальними поездками, и особенно с пересечением границ, так что не стоит заранее губы раскатывать.

– Накаркаешь – прикончу! – ахнула Айрин испуганно. – Я вам покажу проблемы! Я тут застревать не собираюсь, помяните мое слово! В следующий раз... надеюсь, что не будет следующего раза, но если вдруг – чтоб не смел меня выбрасывать туда, где нельзя такси поймать и уехать от вас, долбоклюев!

Оставим без комментариев. Я ведь со своей стороны заинтересован в культурном и безболезненном расставании как бы даже не больше, чем она. В минувшей эпопее без нее было ну просто никак (мелькает даже предательская мысль, что оно бы и лучше, чтобы никак и впредь оставалось – так нет же, влезли в историю), но для продолжения банкета на своем поле скандальная и склонная к истерикам публика нужна меньше всего. Нам нужна будет прежде всего взвешенность в поступках, какой от королевы драмы ждать

не приходится. Да и Чарли в своей полублаженной, полудепрессивной ипостаси вряд ли сойдет за подходящую компанию. Бросать их в глуши, конечно, не дело, а вот посадить на рейсовый автобус до мест обетованных – очень заманчивый вариант из серии «и нашим, и вашим». Даже билеты им, пожалуй, за свой счет куплю, чтобы и тут не растерялись и не пришлось повторно выручать эту скандалистку. И первый-то раз получился, скажем так, несколько неоднозначным... Со второго мироздание может вовсе в такой узел завязаться, что дешевле не начинать.

– Давайте тут и разойдемся, – предложил Мик. – Чтобы найтись было проще. Холмик за ориентир будет. Вон перелесок симпатичный, мы там присядем и подождем, пока Мейсон за нами вернется, а вы выходите на шоссе и топайте.

– А если машин не будет – сколько нам тут идти-то? – испугался Чарли. – Или если будут, но не в ту сторону? А если правда военные и спросят, чего мы тут ночами шаримся, что им отвечать-то? Еще посчитают за террористов или шпионов каких-нибудь! Может, надо до утра подождать, грибниками назовемся?

Предприимчивы и осторожны они, иностранные полицейские.

– Мы лишний раз высовываться не будем, если вдруг целая автоколонна – то в лес и уйдем. А вот если одиночная попутка, то тут нам форма даже на руку – сами прикинемся военными, скажем, что от своих отстали.

– И я тоже? – Айрин с сомнением покосилась на свой цивилизный гардероб. Надо было и ее переодеть при возможности, но представляю, с каким пылом она бы заартачилась. Так и ходит во всем черном, словно очень мускулистая вампирша. – Солдат Джейн в самоволке? Сара Коннор? Эта, как ее – Старбакс? Мейсон, если скажешь «Лара Крофт», я тебе в глаз двину.

Ну, скажет тоже. Для Лары ей штаны на метр подрезать придется.

– Квенту пишет жизнь. Выбери, что тебе ближе – хоть гражданский специалист, хоть очередной перезапуск Терминатора, хоть приبلудившаяся Покахонтас. Какая тебе вообще разница, кем называться? Мы не станем связываться ни с кем интеллектуальным настолько, чтобы заподозрить неправду.

Вряд ли это будет так уж трудно – от избытка мозгов люди в наше время в лесную глушь не забираются. А те, кто забрался или, напротив, так и не выбрался, да еще и по ночам катается – тех только ленивый не заболтает.

Мы произвели краткую рокировку рюкзаками. Я забрал тот, в котором ленты для пулемета, магазины к нему же и «бенелли» в боковом креплении. Мик со своим так и не расставался, а тот, что мы привезли из дома, набитый хранительскими питательными брикетами и их же здоровенными револьверами, перешел к рыжему. Осталось не нарваться ни на какие приключения до тех пор, пока мы снова

не воссоединимся. Фон Хендман махнул рукой и направился в густой перелесок рядом с дорогой. Эльф понуро поволокся за ним, а рыжий верзила вдруг забуксовал, пытливо буравя меня недоумевающими багровыми лупетками. Типа, как это понимать, начальник? Наивный он, в отличие от скорбного многим неприятным опытом Фирзаила. Невдомек ему, как в мире, именуемом цивилизованным, реагируют на франкен-существ и тарзанов. Да и откуда ему, если сам он из тех удивительных краев, куда не летят самолеты и не едут поезда? Правда, однажды я его уже обнаружил в камере, откуда извлек, сам не зная зачем, но ничему его тот случай не научил. Как бы ему объяснять: дело, мол, вовсе не в том, что папочка тебя больше не любит?

– Слушай, Фирзаил, а ты на их языке не говоришь? – поинтересовался я с некоторым запозданием.

– На чьем? Их? – эльф сделал круглые глаза. – Нет, не говорю и вряд ли смогу. Он у них, как бы сказать, сильно другой, только отчасти фонетический.

– То есть, может быть, он у нас не совсем немой, а просто говорит иначе?

– Э... нет, пожалуй, если бы он хоть как-то пытался говорить, мы бы это заметили. Я не знаю, почему он молчит, но он именно молчит.

– А можно как-то довести до него мысль? Я видел, ты с каким-то там Магом играл в переглядки и вроде бы даже данными обменивался.

– Это Маг со мной обменивался. Их нативная способность.

– Как бы то ни было, надо до него донести, что он должен с вами сидеть и ждать, потому что если он вырвется и вприпрыжку за нами понесется, это может оказаться совсем некстати.

Эльф насупился, и ослиные уши его, вынырнувшие из-под миковой кепки, зашелестели в явном знаменовании неудовольствия.

– И эту чрезвычайно важную обязанность надо возложить именно на меня, не так ли? Мало того, что я пошел в ваш мир, а не в свой собственный, хотя там непочатый край дел, и готов помогать в том, в чем вы сами никогда не преуспеете... Теперь вы еще хотите, чтобы именно я работал для вас переводчиком, а то еще и нянькой для каждого вашего питомца с ограниченными способностями?

Если так смотреть, то он прав. Но если смотреть иначе...

– В свой мир ты не сунулся, потому что там восставший плебс таких, как ты, на воротах вешает, – не растерялся Мик. – А с нами пошел, сам же признался, потому, что сгоряча полез в друзья. Вот и получай все, что друзьям причитается. Тоже мне, страдалец. Да я сам бы этого паренька уговорил, но у меня все к рукоприкладству сводится, а если он мне даст сдачи – тебе же придется меня и с елки снимать, и бульоном отпаивать.

– Кыш! – не очень уверенно предложил рыжему Чарли

и сделал неуверенный жест рукой, словно бы отгоняя надоедливую муху. – Фу! Пошел! Место!

– Отстань от него! – внезапно взвилась Айрин. – Что ж вы творите-то? Один безобидный дурачок и вокруг него – толпа злобных идиотов! Иди, иди с ними, вернемся мы за тобой!

Не иначе как материнский инстинкт прорезался.

В конечном счете до рыжего, кажется, дошел смысл послания. Напоследок огорчив меня жалобным взглядом, он развернулся и поволокся за Миком. Даже сильно сгорбился, словно от обиды, но при его габаритах выглядеть подавленно никому бы не удалось. Уффф. Все хорошо, что хорошо кончается, но я в уме уже рассчитывал на него как на полноценную боевую единицу, и как бы не пришлось эти планы пересмотреть. Если не найдем способа быстро доносить друг до друга свои мысли и передавать команды – от него в бою будут одни проблемы, хоть бы он и был в четыре раза прочнее и сильнее любого человека. Надо будет хотя бы базовым жестам его как-то научить – «стой», «иди за мной», «залечь», «врежь-ка вон тому гаду своей большой дубиной». И впрямь дубиной, очень уж боязно давать огнестрел тому, кому и «прекратить огонь» не скамандуешь.

– Мик, ты обещал ему имя придумать! – крикнул я вдогонку уходящим в лесок.

– Я помню, – откликнулся фон и исчез за деревьями.

Вот и хорошо, что помнит. Я оглядел оставшихся. Выглядели они так себе. Лучше бы вожденная попутка объяви-

лась побыстрее, а то пойдут стертые ноги, нытье, жалобы, а там и до конфликтов недалеко.

– На самый всякий случай – наша базовая легенда, предназначенная исключительно для гражданских. Звучит так: «это секретная информация». Повторите.

– Это секретная информация, – с обреченным вздохом повторила Айрин.

– Это секретная информация! – Чарли завернул с куда большим энтузиазмом, выделив «секретную» и даже чуть ли не каблуками прищелкнул.

– Если все же не отвергнемся от военных, предоставьте разговаривать мне. Если вдруг выйдет так, что нас разделят, главное не раскисайте. Мы ни в чем не виноваты. По крайней мере они не знают, в чем мы могли провиниться, и если сами не расскажем – узнать наши секреты им неоткуда. Претензии к нам могут быть только двух видов – почему вооружены автоматическим оружием и, возможно, почему нарушаем комендантский час, если вдруг его успели ввести. Ну, виноваты, да. Пускай сдают по инстанциям. Проводить дознания военные не уполномочены. Даже если мы им не понравимся, сами они с нами поделаться ничего не решатся. Должны будут запросить командование, связаться с гражданскими службами, если только кому-то вообще есть до нас дело. Разберемся, все-таки тут Канада, а не бельгийское Конго.

– А если пытаться будут? – голос Чарли дрогнул.

Хосспади. Откуда и берутся такие фантазии? Начитался

про Абу Грейп или поднять планку аж до эксперимента Милгрэма?

– Не будут. Не умеют. Людей, которые умеют пытаться, не так много, чтобы они в каждой жопе мира груши околачивали. В самом худшем случае, если тут все хуже некуда, сплошное военное положение, запрут до выяснения. Виза здесь не нужна, документы предъявить нет проблем. Винтовки, если что, вам дал я, вы даже и не знаете, что они из запрещенного списка. С тобой все быстро выяснится, у тебя значок совершенно настоящий, дающий плюс сто к доверию.

– А у меня нет значка! Только права, – Айрин выгребла что-то из карманов и панически принялась в этом чем-то копаться, сиюсья опознать в темноте. – И еще куча карточек, которые не факт что работают. Со мной что будет?

– У тебя сиськи, это куда посильнее значка. Тьфу на вас! Нас еще и не поймали. Да и на меня тьфу – еще даже не ловят! Я расписываю самые крайние из возможных осложнений, которые могут родиться только от союза отчаянного тупления с кошмарным невезением.

Чарли опасно сморщился. Вот уж прорезалась фантазия – в мешок не спрячешь.

– А что делать, если нас схватят и без разговоров расстреливать соберутся?

Айрин от таких перспектив тоже содрогнулась, словно пришел февраль и задул ей злобным муссоном в примечательное декольте.

– Да что ж вы такое читаете-то на ночь? Меня за всю жизнь расстрелять пытались всего дважды, причем оба раза настолько за дело, что даже обижаться неловко. Все с нами нормально будет. Мы пойдем по краешку дороги, машину увидим и услышим задолго до того, как из нее нас заметят. Если не понравится – в кусты. Если понравится – ловим. Вежливо ловим, без стрельбы. И вот еще что, если в машине будут разговоры – а куда без них, на ночной-то дороге всегда разбирает – будьте исключительно аккуратны, ладно? Помните легенду. Кстати, Айрин, ты говоришь по-французски?

– Теоретически. Могу запинаться, языковая практика более чем скромная.

– Все лучше, чем ничего. Чарли, тебя боюсь даже спрашивать, что ты помнишь из школьного курса.

– Un, Deux, Trois, – Чарли закатил глаза. – Petit pain avec du fromage... Papa rentre du travail sept heures et demie.

Говорили же в школе, что иногда неожиданно пригождаются самые странные знания, а мы не верили.

– Понятненько. Это я на всякий случай, тут не Квебек, где англоговорящих откровенно гнобят. Учтите, по легенде мы французского не понимаем. Будет преимущество, если вдруг нас захотят удивить.

– Ты ж обещал, что все нормально будет!

– Конечно, будет. Особенно если не расслабляться. Ну, чего, готовы идти? Может, есть вопросы?

– Да, – Чарли глубоко вздохнул и настороженно покосился в сторону Айрин. – Мейсон, что такое «метросексуал»?

Гляньте-ка, а его задело.

– Человек, который дробит в подземке.

– Quelle horreur! – ахнул Чарли и первым двинулся на дорогу.

2

Я уже начал подозревать, что нам сегодня не повезет, когда наконец далеко за спиной послышался рокот двигателя. Шли мы к тому времени битый час, и с учетом того, что шагать приходилось по ровному асфальту – довольно шустро, успели отмахать мили четыре. Чарли давно начал брюзжать и завидовать оставшимся, которые сидят себе на задницах ровно, пока он тут бьет ноги; Айрин завела нудную лекцию о пользе питья (увы, безалкогольного), да и мои ботинки начали напоминать о недостающей половине размера. Да, большие расстояния умиляют и внушают восторг, но попадание на подобные просторы без должной подготовки чревато многочисленными мелкими неприятностями.

Заслышав треск, я остановил группу и не без удовольствия растянулся на шоссе. Грязнее уже не стану, а приложить к полотну ухо до сих пор довольно эффективно. Ну вот, рокот мерный, вибрация далекая, слабая и плавная. Машина одна, было бы больше – гудело бы на разные тона, накладываясь друг на друга.

– Поспать прилег? – немедленно полезла в бутылку Айрин. – Подушку принести?

– Едет транспорт, – пояснил я сдержанно, ибо переругиваться с ней никаких сил не напасешься, а ведь еще неизвестно, что ждет впереди. – Предпочтительная модель по-

ведения – доброжелательное достоинство. Помним легенду, братья не бросаема, придерживаем фантастические истории для мемуаров.

– А если это деревенские хамы какие-нибудь?

– Смирись уже, столичная штучка. Хамы тоже люди.

– Тебе-то, может, все люди и братья, а вот попробовал бы оказаться эмансипированной азиатской женщиной в окружении деревенского быдла! – Айрин передернулась. Где она, интересно, набралась такого опыта? – Они почему-то считают, что все азиатки – японки, а все японки – порноактрисы. Может, для вас, мужланов, это и комплимент, а меня подобное отношение оскорбляет.

– Можешь назвать подряд три явления, которые тебя НЕ оскорбляют?

Айрин задумалась, а я нехотя собрал себя в кучу и поднялся на намятые ноги. Как я и подозревал, ее проблема не в том, что мир к ней жесток или как-то несправедлив, а только и исключительно в отношении. Небось кинь к ее ногам небо в алмазах и луну с вкраплениями чеддера – и то оскорбится. Посчитает, что то ли дешево покупают, то ли держат за феечку, неспособную содрать эту луну самостоятельно. Женщины, блин.

Машина появилась в поле зрения – сперва свет фар, потом обрисовался и силуэт. Без орудия на крыше, что не может не радовать. Громоздкая такая кабина. Ну да, тут такие края, что приплюснутые мазератти без надобности – мест-

ные ездят исключительно на пикапах либо внедорожниках. Я сделал пару шагов навстречу, отгородив своих спутников – чисто на всякий пожарный, вдруг они и посторонних людей начнут раздражать – и приветственно помахал обеими руками, демонстративно держа их подальше от висящего на груди пулемета. Еще бы решить, что делать, если они не захотят останавливаться, а предпочтут подло, но мирно меня объехать? Мик бы остановил машину любым из пяти способов на выбор – правда, выбор так себе, все варианты как один включают его неподъемный башмак и тупые травмы у водителя. Я же не настолько крут, чтобы штурмовать подобные металлические чудища с одним лишь залихватским «кия!», а стрелять в незнакомых людей – самый что ни на есть моветон.

Но ничего, пронесло. Ночные ездки повели себя в высшей степени отзывчиво, тут же скинули скорость и остановились, не докатив до меня какую-то пару ярдов. Могучая морда фордовского пикапа в слабом обратном отблеске фар дружелюбно оскалилась решеткой радиатора. Из кабины в обе стороны высунулись две физиономии настолько близкие по духу, что я чуть не прослезился – широченные бородатые ряхи в одинаковых бейсболках. Тот, что за рулем, лет сорока, просто упитанный, как кабанчик у заботливого хозяина, штурман же очевидно старше, с длинной седой бородищей, и уже откровенно жирный, словно подсел на те коварные хранительские сухпаи. Обожаю толстых – они обычно

добрые, ибо ни бегать, ни драться, ни даже толком укрыться от пуль не способны. А вон в кузове за кабиной еще двое появились – тоже не так чтоб пушинки. Это, наверно, их младшенькие. Кабина, как я погляжу, двухдверная, с одним посадочным рядом, так что молодежь по всем правилам субординации едет на задворках.

– Добрый вечер, джентльмены! – всегда полезно быть вежливым. Даже если в итоге это окажется неуместным, по крайней мере сам себя сможешь поздравить с тем, что не утратил достоинства так уж с разбегу. Будут меня еще упрекать в том, что я неспособен начинать разговор иначе как со «Слышь, козлина!». – Не подбросите ли нас в сторону Джипсумвилля? Мы тут слегка отбились от своих.

Толстяки из кабины переглянулись.

– Военные, что ли? – уточнил старший участливо. В этих краях еще не забыта традиция, согласно которой разговоры ведет наиболее заслуженный. Это вам не интернет-форум, где авторитет тот, кто всех перекапсит.

– С нами гражданский специалист, – отвечал я ему в тон в той же доверительно-сочувственной манере. Вроде как и не соврал, ибо на вопрос формально не ответил, и пусть кинет в меня камень тот, кто не считает Айрин гражданским специалистом. Она очень, очень специальная девушка.

– О как, – солидно покивал бородач, и водитель его тоже затряс головой, демонстрируя полное понимание вопроса. Не понимаю я Айрин – ну как можно не любить эту пуб-

лику? Душа нараспашку, вместо мозгов смесь условных рефлексов и телевизионной пропаганды, попросишь попить – произвольно ключи от ранчо отдадут. И верят же, всему верят! – В Джипсумвилль, говорите? Мы-то сами в Виннипег, там вроде ваши стоят, верно же?

Айрин за спиной что-то пискнула, но от нее я отмахнулся. Добраться из Джипсумвилля в Виннипег вовсе не штука и чуть позже, без помощи этих обаятельных мордачей, а влетать с ходу в расположение этих неведомых «наших» мне что-то не улыбается. С них станется спросить, кто таков, и не удовлетвориться уклончивым «свой я, свой».

– Там другие части, а у нас конкретное задание в Джипсумвилле.

Опять переглянулись и перекинулись.

– Залезайте в кузов, – велел старший. – Крюк небольшой, пять минут. Доставим в лучшем виде.

– Премного вам обязаны. Эй, команда! В кузов марш!

Команда протрусила мимо меня. Один из младшеньких, что обретались в кузове, метнулся к заднему борту и откинул его для удобства погрузки. Старший же, разглядев проскочившую мимо кабины Айрин, вдруг цапнул меня за плечо мясистой лапицей в перчатке с обрезанными пальцами, подтянул к себе и просипел, выпучив изумленные глазки и деликатно подавив голос:

– Слышь, командир... это чо у тебя, шпионка?

Кажется, Айрин его таки расслышала, оглянулась на меня

панически. Ну да, странный вопрос, но нельзя же так психовать из-за каждой бесхитростной глупости. Иначе ни одного фильма не посмотришь без смирительной рубашки.

– Чегой-то она шпионка? – переспросил я, поддав слегонца недоуменного возмущения. – Откуда берутся такие мысли?

– Дык же она же... – седобородый параноик, мгновение помявшись, потянул пальцами в стороны уголки глаз.

– И чего? Думаешь, они все враги?

Повисла тягостная пауза, и я с неудовольствием отметил, что Айрин ее держит хуже всех – начинает неуклюже пошевеливать лопатками, видимо пытаюсь вытянуть винтовку, которую на марше задвинула за спину. Чарли, полезший было в кузов, застыл в неудобной позе – наполовину уже втянувшись, а наполовину еще болтаясь. Такое у него жизненное кредо, если вдуматься.

– Все не все, а вдруг?... – все так же туманно выразился бородач, виновато разводя руками. – Уточнить-то надо, а то мало ли.

– Это, – я на всякий случай повысил голос, чтобы Айрин прекратила свои экспромты. – Никакая не шпионка.

Поскольку большого доверия на лице бородача не читалось, пришлось поправиться.

– Ну, вернее, она действительно в некотором роде... но она *наша* шпионка. Дошло?

Доходило некоторое время, Айрин успела холодным по-

том облиться – даже в темноте это было заметно. Потом обширная ряшка старшего прояснилась, и он с виноватым видом исполнил фейспалм, даже гул пошел, словно в Колокол Независимости стукнули.

– Дошло, командир! – и, повысив голос, для Айрин. – Эй, барышня, не серчай! Времена такие, нервные, а так-то мы тебе очень признательны! Спасибо, это самое!

– Да я с удовольствием, – растерянно отозвалась та и, сцепившись за дружескую руку обитателя кузова, живенько туда вспорхнула. Я похлопал бдительного бородача по плечу, мол, без обид, так держать, и последним заскочил в кузов. Никаких удобств, но мы без претензий, посидим и на бортах, а всю середину занимала бесформенная груда ни пойми чего под облезлым брезентом.

– За что мне спасибо-то? – напряженным шепотом спросила Айрин, сцепившись в мое многострадальное плечо словно клещами.

– За твою работу, – ответил я в тех же интонациях и аккуратно присел на борт.

– За какую еще работу?

– Японской порноактрисой, как и заказывала.

Айрин тихо взвыла и спрятала лицо в ладонях. Забавная она, когда не бесит.

Пикап дернулся с места и ровненько пошел дальше по дороге. Эх, знать бы, что они такие покладистые окажутся, можно было бы и тех троих не терять по дороге. Их бы тоже

за наших шпионов выдали. Машина большая, кузов восьмифутовый, грузоподъемности еще и не на такую толпу хватит. Правда, штука посередине немного смущает, такое впечатление, что это куча чего-то нехорошего, очень сыпучая. Дело в целом отнюдь не преступное, но вряд ли в Виннипеге такая уж нужда в чужих отходах.

– Это у вас чего? – в порядке вежливого интереса обратился я к двоим кузовным аборигенам – одинаковым с лица увальням лет по шестнадцать. – Клад нашли, сдавать везете?

– А вот глянь, – откликнулся ближайший с откровенным удовольствием и отпихнул сапогом край брезента.

Мать моя профессор классической литературы, коим она и является, да это же птеродактиль! Буквально один в один как тот, что на нас налетел возле хранительской Цитадели. Та же самая длиннорылая костистая башка с пеликаньим зобом, та же мятая серая шкура, словно разлинованная в сеточку рудиментарной чешуей. Айрин кратко взвизгнула, из кабины донеслось довольное ржание. А Чарли чего молчит? Не выпал ли за борт? Нет, пока не выпал, сидит скрючившись, стойчески молчит, глядеть старается себе под ноги, только судорожные глотательные движения делает. Вообще он здорово возмужал за последнее время, скоро его можно будет даже в стрип-бар с собой брать.

– Как же, видали такую штуку, – не позволил я деревенщинам забить нам баки. – Дня третьего, кажется, верно же? Сам налетел, сам улетел, даже за оружие не успели схватить-

ся. А вы как справились?

– Поросят воровать повадился, – пояснил отрок важно. – Трех спер по ночам, прежде чем деда нас в караул поставил. Тут уж мы не сплеховали.

Ну да, ну да. Классическая стратагема номер четыре: Гаврила ждал в засаде птицу, Гаврила птицу подстрелил.

– Поросята еще остались?

– Последнего он как раз удавил, когда мы его прижучили.

Эх, братский народ, безмятежное племя. Вот на хрена было убивать зверушку, когда весь запас своей вредоносности она уже исчерпала? Или вот вопрос гораздо правильнее – зачем было ждать, пока все поросята кончатся?

– И как он на прочность, если, к примеру, с оленем сравнивать?

– Летает же, – признал паренек уныло. – Хреново летает, хуже чем утка, но все ж таки поди в него попади, когда порхает.

– Я попал, – прихвастнул второй. – Сразу попал, с первого выстрела. У меня двести семидесятый, с крыла сбил, но он еще потрепыхался. Батя бежал с марлином на медведя, да не успел – деда доколотил из тридцатки.

Мы все покивали, даже те, кто ни слова из этого заявления не понял. Лично мне вдруг показалось, что пулемет под скромный малоимпульсный патрон – далеко не идеальный выбор оружия. Нет, если вдруг попрут враждебные человеки – вот тут он раскроется, но птеродактиль этот несчастный,

явно не самый крупный и сильный из жителей Отстойника, потребовал значительно более серьезного калибра для упокоения. Надо бы хоть к дробовику пулевых патронов завести, а то появится та мумба, или гаракх, или еще какая кошмарная фантазия, а нам и возразить нечем. От мумбы, мне показалось, в прошлый раз моя картечь чуть ли не под прямым углом рикошетила. Ну ничего, на ее хитрую задницу у нас есть дед, беззаветный охотник с дюжиной ходок на африканское сафари и целым шкафом винтовок на большую пятерку.

– А в целом оно как? Часто такие скоты досаждают?

– Да не, – отозвался первый, который то ли думал быстрее, то ли вовсе не думал, а сразу говорил и потому успевал первым. – Иной раз бывает, но редко. Этот вот второй, кого мы в департамент везем.

– В какой департамент? Мясозаготовок?

– Да не. Какой-то такой есть в Виннипеге, специально по этому делу, на их вот счет, – юноша бесцеремонно наподдал птеродактилю здоровенным говнодавом. Попробовал бы так повольничать, пока тот еще летал! Уж на что я не пугливый, а когда такая штука на меня спикировала там, в Отстойнике, душа в пятки провалилась. А Чарли вовсе скатился с холма, пришлось его потом искать и выслушивать.

– А там их для музея собирают, что ли? Или по старой традиции платят за скальпы?

– Дык же на исследование. Если какой новый совсем, то

премию выписывают, а этот по всему новый, раньше про таких не слыхали.

– Мы еще на озерного нацеливаемся, но деда пока не решается, – добавил второй. – Очень уж, говорит, большой, не на удочку же его, а бомбами пускай те работают, которые умеют. А то себе же только поотрываем всякое...

– В озере большой живет? Несси?

– А кто его знает, как зовут, но лодки пару раз утаскивал, пока на воду выходить не запретили. Все равно многие ходят, но по краешку. Говорят, видели, как на островки выползает какое-то крупное, фотки в газетах печатали, но кроме хвоста там не видать ничего – может, он змея, а может, этот... игогондон.

Чем дальше, тем страньше. Уже и фотки в газетах печатают, и госучреждения премию выдают... а ведь это дело такое, требует организации, а в масштабах государства организовать хоть какой процесс – это дело отнюдь не недельное. Не напортачил ли наш дружище Эл с подсчетом времени, на которое нас задержали?

– Игуанодон в лесу жил, с деревьев кроны обгрызал, – подал слабый голос Чарли. Он у нас настоящий профессионал – если где уловил несправедливость, так в жизни не пройдет мимо, не поправив. – В воде плезиозавры, ихтиозавры, был лиоплевродон, но южнее. В этих широтах нотозавр разве что, но он не очень огромный, футов пятнадцать, и зубов в нем куда больше, чем хвоста.

Повисла неловкая пауза. Невысказанный вопрос «а ты откуда знаешь?» зазвучал на ультразвуковых частотах.

– Неделя динозавров по кабельному, – пояснил Барнет нехотя. – А чего такого? Они прикольные, к тому же вот как знал – теперь пригодится.

– А чем их бить, там тоже объясняли? – ядовито осведомилась Айрин.

– Тогда из всех инструментов одни дубины были. Или еще даже и дубин не было, точно не помню. А извело их кометой, кажется...

– Прямо по голове?

– Да не знаю я! Я эту часть уже не смотрел, куда-то переключился. Жалко мне их стало, да и все равно, если опять комета жახнет, то и нам достанется, разве нет?

– Они, вот эти, которые после Сотрясения появились, – мордастый парнишка потыкал пальцем в тушку птеродактиля, – Не все, но некоторые, солнца боятся, вы ж знаете? Из них дым валить начинает, шкура шелушится, язвами идет, потом вообще обугливаются, если на весь день на солнцепеке оставить.

Чарли недоуменно заморгал, а Айрин просто дернула плечами – она все переживала внезапную мутацию своей автобиографии. Подумаешь, какая важность! Многие люди ради того, чтобы попасть в телевизор, не только в игривом японском проне готовы сняться.

– Конечно же, знаем, – важно ответил я за всех. – Еще

они не выдерживают попадания в организм пепси-колы. Коку еще переживают, фанту вообще за милую душу, а вот от пепси моментально копытаются. Так что в другой раз налейте ее в ловушку, и стрелять не придется.

– А мы ее пьем! – подивились отроки хором.

– Так вы и на солнце не таете. У этих чушек совсем другая физиология. В нашем... – я понизил голос для значимости. – В нашем секретном ведомстве некоторых изучали. Самые изумительные результаты! Некоторых отпугивает заглавная тема из «доктора Кто», другие впадают в оцепенение при виде фиолетового, а еще есть здоровенные обезьяны, так с ними даже контакт можно наладить, если кормить и проявлять дружелюбие.

Закинем, так сказать, первый камень в фундамент легенды «дружественные инородцы». Не то чтобы эти парни выглядели способными разнести подобный слух по миру, но так вот пропаганда и рождается – тут сказал, там сказал, и через какое-то время, глядишь, все уже уверены в ничем не подтвержденной чуши. Вроде того, что страусы прячут голову в песок или что бананы растут на деревьях.

– Про обезьян мы читали, ага, – неожиданно признал тормознутый парнишка. – Это которые теперь помогают Зияния залатывать.

Тут уж даже Айрин высунула часть лица из плотно сжатых ладоней и покосилась в мою сторону. А Чарли прямо подпрыгнул на насесте. Да, я тоже удивился. Хоть Эл и го-

ворил, что со своей стороны они будут участвовать, но я совершенно не ждал столь широкомасштабного контакта, что о нем аж в канадской глубинке читают парни с умственным развитием енотов.

– И про других тоже читали, так что это не новости, – не отстал и шустрый малый. – Хотя деда сказал, что это все враки и на самом деле ничего такого нету.

– Обезьяны точно есть! – объявил Чарли решительно. – Да и других тоже видели.

Зияния, значит. Вот как в родном мире обозвали дыры в ткани мироздания, которые мы собираемся затыкать. Очень полезная информация, ведь ничто так не располагает к тебе собеседника, как владение актуальной терминологией.

– А где тут ближайшее локализованное, – Знай наших! Падите ниц и благоговейте, о лесные неучи! – Зияние?

Пали. Благоговеют.

– Какое-какое?

– Ну, чисто конкретное. К которому подойти можно на предмет испытания.

– А! Да вон за этим самым Джипсумвиллем как раз одно открылось, там сейчас его окружили со всех сторон и охраняют круглосуточно.

Как все удачно складывается-то, не сглазить бы. Вот мы к нему подберемся, изучим, закроем... заодно газеток почитаем, чтобы разобраться, под какими флагами обезьяны

штопают эти самые Зияния... и к этому движению примажемся. Если про него в газетах пишут, то скорее всего оно официально одобрено, так что на этой подножке мы и попробуем для начала прокатиться. В дальнейшем видно будет, до какой станции. Если тут дают премии за такие жалкие достижения, как тушка несчастной иномировой кряквы, то личный вклад в устранение Зияний, возможно, тоже вознаградить не откажутся?

Операцию по устранению Зияний обезьянами мы назовем «Обеззиянивание». Чтобы, так сказать, никто не догадался.

Приступ брюзжания с элементами декоративного фантазирования ON.

Видимо, очень уж меня вдохновила эта мысль и ее последующее развертывание, потому что все притихли, на меня посматривая с разной степенью озадаченности. Тут бы мне дать себе по шее, потому что точно знаю за природой паскудную манеру каждый раз, когда я даю волю воображению, меня обламывать. Реально, каждый раз, когда дело вроде бы в шляпе и никуда из нее деться не может – оказывается, что нет, может-таки. Думается мне, это какая-то разновидность древнего искусства сглаза. Не знаю, от кого унаследовал или, может, где подцепил, но работает без исключений. Вот что себе вообразишь, того и не получится. Очень обидно бывает, когда с девицами... а уж бои наперед планировать я во все не рискую, потому что если просчитать и учесть все возможные хорошие варианты, то их можно сразу считать про-

вальными. Так что приходится по наитию, не задумываясь, на «авось пронесет». Когда-то я поведал об этом феномене фон Хендману, он ничуть не удивился, зато испросил время на исследование темы и через несколько дней прочел доклад на тему. К стыду своему должен признаться, что задрях еще на вступительной части, где Мик увлеченно расписывал эффект синхронизации по Юнгу. В любом случае, знаю простой и дешевый способ подстраховаться от непрухи – не давать разгуляться воображению. Но иногда просто не удерживаешься, и тогда жизнь из ожидаемо прекрасной преобразается в неожиданно интересную.

Вот ехали мы так, я без удержу замечтался о том, как мы тут все неприятности за пару недель забором, сорвем со всего мира аплодисменты и сможем уйти на покой, пожизненно всем обеспеченные. Избавлюсь наконец от фона. Он, зараза, утверждает, что я без него пропаду. С одной стороны, явная клевета – я и сам умею по телефону пиццу заказывать. С другой – я ведь и правда перестану отрываться от дивана, если он не будет учинять всякое, что надо кому-то расхлебывать. Но тут уж мы чего-нибудь придумаем. Куплю себе гектаров так сотню в этих самых краях, построю душевный домик. Как спаситель мира, потребую исключительного к себе отношения в части семейного права, дабы завести четырех жен – одну гениальную, одну хозяйственную, одну любимую и одну запасную. Предвижу большой конкурс на все эти роли, особенно на последнюю. Хотя, если вдуматься, на нее

как раз должно быть меньше всего кандидатур, потому что самый большой квалификационный ценз – чтобы уметь заменить каждую из трех, надо обладать немалыми талантами во всех областях. Вот от них, от жен, и буду постоянно куда-нибудь сбегать, чтобы не терять форму.

Приступ брюзжания OFF.

Славно так замечтался и чуть не пропустил поворот на грунтовку, куда пикап свернул, тяжело колыхнув бортами. Пришлось ловить Чарли – он впервые в жизни был в машине без ремня безопасности и беспечно этим пренебрег. Ну, теперь будет знать, что на поворотах надо быть поаккуратнее, особенно с внешнего борта.

– Тут мили четыре будет, мы вас до постов довезем, – гаркнул из кабины седобородый деда. – Там уж вы сами, нету у нас времени с пропусками возиться!

Посты? Пропуска? Видать, серьезно прогнило что-то в датском королевстве, что такие страшные слова употребляются. Отродясь здесь не водилось никаких постов, кроме разве что праздно шатающихся стариканов с сигаретами, которых вредные бабки изгоняют курить на улицу.

– Если до утра тушку не доставить, под солнце попадет, попортится, – виновато пояснил шустрый внучок. – А там у них шаз начнется – тут заполни, там подпишись, а если бланка нету, то к местному голове идти, будить среди ночи. Вы уж сами дальше.

– Без проблем, приятель, и так благодарны по самое не ба-

луйся, – заверил я его, продолжая между делом мотать на ус. Значит, к местному голове. Это типа мэра который, что ли? Я даже не знал, что он там есть. Вот полицейский офис видел, там два человека обычно толкутся. Вообще-то чаще даже в закускойной, чем в офисе. Ладно, дед-то должен знать, к кому там по каким вопросам. Разберемся.

Впереди замаячил огонек. Это не фары, это вроде бы стационарный фонарь. Я слегка отклонился с борта, чтобы разглядеть его получше. Дело шло к рассвету, сумрак потихоньку перетекал в разреженную полуосвещенность, так что пост разглядеть удалось – это оказался небольшой трейлер с вывешенной над ним лампой. Стоял трейлер прямо посреди дороги, наполовину ее перегородив; чтобы его объехать, пришлось бы притереться к другому краю грунтовки, а такой существенной машине, как этот форд или тот же хамви – еще и прилично заехать на обочину. Неспроста так поставили, действительно контролируют подъезд к городу. Хоть и не наглухо заткнули, но и задурно не проскочишь.

Из трейлера выбрался пожилой сухопарый мужичок с охотничьей винтовкой за плечом, остановился перед своим хозяйством и, прикрыв глаза рукой от света фар, другой рукой посигналил – мол, тормози. Наш ездовой бородач охотно дал по тормозам, отчего нас всех в кузове качнуло, и Чарли с беззвучным визгом причастился туши бедного птеродактиля, а Айрин осчастливила ближайшего отрока, навалившись на него завидным своим бюстом. Ну, блин, а я тут в очереди

маюсь. По крайней мере, пацан расцвел, как фиалка, даже в темноте подсветился, а Айрин напротив зашипела коброй и поспешно отпихнулась.

– Доброй ночи, босс! – начал я спешно, пока никто другой не перебил. – Вот вас-то нам и надо!

Перепрыгнул, тяжело гроыхнув снаряжением и неосмотрительно вызвав вспышку боли в намятых ботинками ступнях, через борт. Мужичок хлопал блеклыми глазками из-под руки. Незнакомый какой дяденька, что опять же отнесем в копилку странностей – тут и в лучшие-то времена жило человек триста от силы, я думал, что каждого знаю если не по имени, то в лицо уж точно. Кстати, вот еще интересно – если доверять топографическому чутью, а оно у меня дай бог всякому, до самого поселка отсюда еще с полмили. Не слишком ли далеко мужичок выбрался?

Пока Айрин и Чарли выбирались из кузова, я успел от души попрощаться за руку с дедой и, видимо, батей – какие, надо сказать, красочные позывные у этих хороших людей с большими животами, бородами и сердцами. Верите или нет, но несмотря на весь мой цинизм и склонность к злословию я бы совершенно не возражал, чтобы они были моими соседями, когда я осяду тут со своими четырьмя женами. Буду приглашать их на праздники и сам к ним навещать. Правда, поросята у них дохнут, как я погляжу, ну да за ними разве уследишь. Уж всяко лучше держать в соседях такую бесхитростную соль земли, чем каких-нибудь музыкантов,

юристов или, не приведи судьба, эмансипированных восточных женщин.

Выгрузив десант, форд дал задний ход и шустро убыл в обратном направлении. Парень из кузова долго еще махал нам, но Айрин от него сразу и бесповоротно отвернулась. Снежная королева, да и только. Да у нее те еще комплексы – прямо даже неожиданные для девицы, привыкшей щеголять по сцене в ничего не скрывающем купальнике.

– Кто такие и с какой целью? – сипло полюбопытствовал страж поселка.

– Секретная информация! – выпалил Чарли, которому эта фраза давно уже жгла горло. Интересно, а ляпнуть такое маме ему хватит пороху?

– Я внук Тедди Мейсона, – пояснил я, делая попытку задвинуть сержанта себе за спину. – Так что для начала мы желаем его повидать, а дальше будет видно.

Мужичок уставился на меня непонимающе.

– Тедди Мейсона?

– Именно. Да, я знаю, что он выглядит моложе своих лет, а я старше своих, но тем не менее именно...

– Я таких не знаю.

Вот так номер. Причем не похоже, что врет, лишь бы вернуть.

– Я тебя тоже не знаю. Ты тут, небось, недавно?

– Ну, да, но вроде со всеми уже успел... погоди минутку, – мужичок шарахнулся к своему трейлеру, открыл дверь

и скрылся внутри.

Да-с, вот и начинаются сложности. Интересно, а могла приключиться ошибка, по итогам которой нас высыпали не в тот мир? Озеро такое же, хайвей такой же, был свой Форд, на заводе имени которого делают пикапы сто пятидесятой серии и свой Браунинг, сваявший точно такой же пулемет М2, а вот Тедди Мейсона нету. Что стремно, потому что если нет деда, то нет и отца, и меня тоже нет, а я вот он, сиротка неприкаяный. Ох, попадись мне этот Эл еще раз, я уж не посмотрю на разницу в силах, такого ему пропишу за небрежность... Он, правда, в два раза меня больше и прибьет как муху, но хоть мучаться не придется.

Мужичок вернулся, а за ним еще один – дрябленький такой, со сна всклокоченный, в очках. Уже лучше, этого я знаю – местный, программист, удаленно работает, а то городская жизнь ему, видите ли, все нервы измотала. Как его звать-то? Билл? Боб? Брюс? Не помню. Всегда старался обходить работников умственного труда седьмой дорогой. Помню только, что он в этом поселке единственный, кто в кафе с ноутбуком ходит.

Этот новый персонаж тоже, кажется, меня признал – по крайней мере, после того, как снял и протер подолом рубахи очки.

– Я тебя знаю, – изрек он безмерно удивленным тоном, словно своими руками закатал в асфальт всех, кого когда-либо знал. – Ты сын мистера Мейсона, да?

– Здешнего мистера Мейсона я внук, вряд ли ты отца моего знаешь, он тут редко бывает. Так что, формальности окончены? Можно нам пройти, или вы деда сюда посреди ночи будете вытаскивать, чтобы удостовериться?

Билл-Боб-Брюс неловко переступил с ноги на ногу.

– Тут такое дело...

– Какое дело? – так, что-то мне это совсем не нравится, аж шерсть на загривке дыбом начала подниматься. – Боб, а ну хорош мяться, а то лося пробью!

– Ты потише давай! – вскинулся первый мужичок и даже за ремень винтовки своей машинально схватился, но вовремя осознал, что у него там всего лишь болтовой винчестер, а у меня игрушки заметно более интересные. Да в запале они мне и не понадобятся, чтобы скомкать их с Бобом в один плотный шар и выбить им страйк вон по тем соснам в отдалении.

– Мистер Мейсон, то есть Тедди, то есть Теодор Мейсон погиб, – доложил Боб, словно ныряя в пропасть. – Еще прошлой зимой.

Меня выморозило. Какой еще прошлой зимой? Прошлой зимой он был жив-здоров, в апреле мне звонил, приглашал на медведя... а я как раз в Бразилии был посреди муторной, но хорошо оплаченной операции... но это точно он был... разве что только...

– Боб, а какое сейчас число?

Боб озадаченно шмыгнул носом.

– Я Берни. Сегодня двадцать третье... уже двадцать четвертое мая. Две тысячи тринадцатого года.

– Тринадцатого?!

Да чтоб тебя, Эл, криворожий ты сукин сын! Это у тебя называется неделей?! Мне ведь не приснилось, он говорил – неделя, правда?! И как же это неделя превратилась в десять долбанных месяцев???

Кажется, мне надо присесть.

Молодцом, дед, подколот так подколот.

Десять месяцев.

Погиб прошлой зимой.

Да как же так-то, мать вашу?! Это ж дед! Уж на что мы в семье все крепкие, двумя топорами не убьешь, но этот-то вообще железный... был.

Или все-таки не был?

Или чаша сия не минует даже железных дровосеков?

– Когда после Сотрясения стали появляться чудовища, – бубнил тем временем над ухом Боб... то есть, как его, Берни. – И народ стал перемещаться с юга, где вообще все плохо, к нам сюда, на север, тут стали образовываться отряды самообороны... вот то, что сейчас мы называем боевым ополчением... Теодор был в самом центре, у него и опыт, и навыки, он тут сперва чуть ли не в одиночку организовал оборону. А потом, когда народу больше стало, и официальное законодательство подтянулось, и отряды удалось укомплектовать, и снабжение оружием наладилось, тогда уже от обороны пе-

решили к чистке территории. Вот тогда зимой он и погиб. Пошел с группой на поиски потерявшихся в снегопаде, и там какое-то новое чудище набросилось. Со старыми-то он бы не попался, а тут... четверо сразу погибли, а он тоже... его ранило сперва, а от монстра они отбились, но живым его доставить не смогли.

– Ладно, ладно, – упс, кажется, у меня голос скрутился на ноль процентов. Откашлялся, проглотил застрявший было в горле комок. – Ладно, Берни, хорошо, я тебя понял. Дед погиб. Будем считать, хорошо устроился, старый засранец, вот так минуя Альцгеймера в народные герои... Все там будем и ему еще выскажем. Проехали. Можем мы пройти в поселок и дух перевести?

Да уж, перевести хотелось бы. Потому что сказать «проехали» легко, а вот реально проехать так просто не получится. Надо будет присесть на продавленный дедовский диван, добыть из-под него резервный пузырь скотча – хотя последние двадцать лет, после смерти бабки, дед и жил один, никем не гоним, но от привычки прятать бутылку так и не избавился – и отдышаться по-человечески. Нет, я видел, как люди умирают, в том числе хорошие, в том числе прямо на руках, но дед... И невовремя-то как!

Оглянулся. Чарли сочувственно похлопал меня по плечу... до него еще не дошло, что хоть полбеды чисто мои, но остальные пол – наши общие. И перед мамой ему придется отчитываться не за недельный загул, а за годичную само-

волку. Если еще есть перед кем. Она, конечно, такая тетка, что с ней никакие чудовища не рискнут связываться, но... скажем так, неожиданный дедов фортель подорвал мою веру в жизнестойкость человечества. Айрин, с другой стороны, смотрела широко распахнутыми глазами и что-то беззвучно бормотала – не то молитву, не то, может, список дел, которые придется спешно доделывать после такого капитального прогула.

– Тут такое дело, – Берни нервно захрустел пальцами. – Как я сказал, на север переехало много людей – ну, из тех, кого Сотрясение, или бомбежки, или война согнали с места... Так что все наши сообщества – ну, вот как наше, в здешних краях, где уже и не перенаселенный юг Канады, но еще и не глушь – сильно разрослись, принимая новоприбывших. Мы активно строимся, но и существующий жилой фонд...

– Ты пытаешься сказать, что дедов дом кому-то уже отдали?

– Не сразу, конечно, – Берни вскинул руки в защитном жесте и даже почему-то замотал головой, словно решительно отрицая сей вполне очевидный факт. – Сперва, разумеется, наш комендант связался с родственниками Теодора... то есть попытался, и даже, кажется, кого-то нашел из его детей...

Уж наверное, кого-то нашел. У деда детей было трое – мой отец и две дочери. Старшая фермерствует со своим мужем к югу от границы, в Вайоминге, младшая в Эдмонтоне,

в Альберте, главврачом в какой-то тамошней клинике – их-то найти несложно. Не то что мой шибко секретный папенька и его имбецил-сыночек, которому уже мало все время находиться просто за границей страны, и он повадился лазить откровенно за грань мира.

Начинаю представлять, как меня перекрутит, когда я наконец переведу дух и осмыслю два вполне четких положения: если бы я сразу послал Айрин, Эла и доброжелательного к ним фон Хендмана, мир бы спокойно загибался своим ходом безо всяких там Сотрясений, Зияний и неведомых зимних монстров; а если бы я, уже влезши в эту историю, повел себя чуть иначе – например, не попал бы на вечер исторического зачтения заклинания и последовавший за ним сеанс стазиса – то мог бы быть здесь и в нужный момент прикрыть старого хрыча, который наверняка полез героизмовать, несмотря на все свои артриты и ревматизмы.

Ладно, хватит... пока. Сделанного не воротишь, а рефлексия, депрессия и прочие ксии – привилегия тех, кто может себе их позволить. Нам такая роскошь не по карману, знай полощи лапами, пока под ними комок масла не почувствуешь. Не хочешь за себя – будешь за этих, которые на шею сели и ножки свесили.

– ... Но во владение в указанный срок вступить никто не пожелал, потому дом был признан общественным жилым фондом вплоть до окончания действия военного положения, – стеснительно закончил Берни. – Впрочем, это сле-

дует обсудить с комендантом, думаю, он пойдет навстречу.

– И все имущество вот так взяли и конфисковали?

– Нет, конечно же нет! Личные вещи перевезли на склад, ключ можно получить опять же у коменданта. Машина... я не знаю, у семьи, которая въехала в дом, машины свои, и вообще машин сейчас больше, чем надо... с тех пор, как поодиночке ездить перестали, много лишних появилось.

– Так мы пройдем?

– Да, конечно, – Берни оглянулся на напарника в ожидании возражений, но тот благоразумно прикинулся ветошью. – Идите, навестите коменданта... Ты его должен знать, Деннис Гламберг, раньше служил в конной полиции.

Да, Денниса я помню. В полиции он служил, еще когда я был мелким дитем, несколько лет назад вышел на пенсию, но продолжал тут болтаться, следя уже не столько за порядком (тут и кражи-то ни одной не было годов с восьмидесятых, когда ваш покорный ступил на преступный путь, слямзив в магазине конфету), сколько за общей невозмутимостью общинной жизни. Вот надо же, а на старости лет выслужился аж до коменданта, что бы это ни значило. Ладно, найдем и побеседуем, спросим его, глядя в душу кристально честными глазами – почему, мол, ты не помер, как надо, как положено тебе по ранжиру? Почему в хозяйстве, порученном твоей заботе, четыре неведомых ополченца и ископаемый человек-скала гибнут, а ты их имущество разбазариваешь? К черту дом, хотя хотелось бы иметь базу, но ладно, без са-

мого деда это так... четыре стены, что-нибудь взамен придумаем... а вот что мне кровь из носу необходимо, так это разжиться автомобилем (дедовский более чем подойдет) и, пожалуй, сгрузить куда-нибудь своих спутников. Прокачусь за остальными – часок в блаженной тишине туда, часок обратно – за это время новости переварятся. Была идея внять гласу логики и Фирзаила и вовсе не возвращаться, а подобрать их и на волю, в пампасы... Но в свете новых данных – пропущенный год и военное положение – позарез необходимо где-то присосаться к информационному колодцу и разобраться, что сейчас в мире творится и на какой стадии запуска дела. Год не неделя, за это время могли и ракеты долететь и строй мира смениться, недаром же Берни помянул потоки беженцев. Да и Зияние тут удобно рядом, оказывается. Думаю, что маленькое канадское сообщество можно признать меньшим злом в сравнении как с большим городом, так и с изолированной от всего мира хижинкой.

Я обогнул трейлер и зашагал в сторону поселка. А он и правда разросся, да еще как – немалое количество словно бы игрушечных быстросборных домиков довольно беспорядочно пристроилось к ранее тщательно вымеренному сообществу. Как бы не вдвое вырос старый добрый Джипсумвилль, и это я его только с одной стороны вижу – а не исключено, что он и в прочие раздался.

– Офис коменданта открывается в семь утра, – в спину мне сообщил безымянный напарник Берни. – Серое, застек-

ленное офисное здание напротив почты. Сейчас там закрыто. И это, сочувствую вашей утрате.

– Ты как, Мейсон? – прогундел в спину Чарли, спешно семенящий следом за мной, и вдогонку снова поколотил по плечу одеревенелой ладошкой. Наверное, решил, что с первого раза не дошло.

– В порядке.

Что ему еще сказать? Переживу. Мы, люди, такие сволочи – всегда все переживаем.

– Что теперь делать будем?

– Где ты был только что? Теперь будем искать коменданта.

– Мужик сказал, что офис с семи открыт, а сейчас... не знаю, сколько сейчас, часы не ходят, но пока что глухая ночь.

– Да, Чарли, твоя наблюдательность делает тебе честь. Но мы не будем вести себя, как робкие просители. Вместо того, чтобы томиться в прихожей комендантского офиса, мы нахально навестим коменданта на дому. Как ты можешь знать, будучи опытным сотрудником системы, наилучший способ вести с ней дела – рвать шаблон. Чиновники от такой манеры поведения теряются, а растерянный контрагент – половина успеха.

Помню я дом Денниса, он как раз напротив их полицейского поста. Можно было бы подумать, что подобное соседство нам не на руку, но сдается мне, что полиция в этом обновленном мировом порядке не главный источ-

ник неудобств. СВАТ в каждой деревне держать не будешь, а обычные патрульные бледненько смотрятся на фоне пресловутых армейских автоколонн. В крайнем случае пускай местные правохранители присоединяются к беседе. Лично я никаких преступлений не планирую, и надеюсь, что коменданту Деннису хватит ума меня не провоцировать.

– Десять месяцев! – сдавленно простонала позади Айрин. – Да как же это так-то? Я же всего на пару дней из дома вышла! Свадьбу босса пропустила, а это хамство! А квартира? У меня ведь аренда! А работа? А этот парень, который ко мне в фейсбуке клеился? А маму в больницу должны были положить в августе!

– Сперва парень, потом мама?

Айрин демонстрирует совсем ей не присущую пацанскую логику черного гетто. Ей внезапно братаны стали дороже баб. Это от растерянности, наверное.

– Маму постоянно в больницу кладут, – Айрин тягостно вздохнула. – У нее вечно то сердце тепается, то в легких хрипит, то синдром беспокойных ног... Каждый раз, как один врач диагностирует ипохондрию, находится пять других, готовых без устали искать другие болезни. А парень, который квалифицированно рассуждает о системе Ментцера, на дороге не валяется.

– Ты уверена, что это не Мик тебя разводил? А то он много страшных слов знает.

Пауза на обдумывание.

– Если честно, уже не уверена. Спасибо, немного полегчало.

Вот и славненько. Что-то мне подсказывает, что в конечном счете дух просветленья так нас забомбит чудными открытиями, что все мы разрыдаемся. Хорошо, если не все сразу. Будет занятно, если дольше всех продержится Чарли. Впрочем, не хотел бы я вместо него выходить на контакт с его грозной матушкой.

А вот и дом Денниса, насколько я помню. Белый штaketный забор в лучших традициях золотого века. Клумбы с цветочками... Кажется, пеларгония, она же аленький цветочек. Интересный выбор. Не мне, но в принципе. В маленьком панельном здании полицейского офиса напротив светится тусклая лампочка, но туда нам не надо.

Калитку я аккуратно, без лишнего цинизма сместил, поднялся на крылечко и безо всякого стеснения принялся лупошить кулаком в дверь.

3

Первым на стук явился не обитатель дома, а полицейский из конторы напротив. Прибыл он тут же, благо ему только за дверь выскочить, фуражку в спешке забыл, зато прихватил штурмовой карабин. То ли наш местный С8, то ли соседский М4, впотьмах не разобрать, да и хрен редьки не слаще. Впрямь тут все посуровело и нахохлилось, в штатном режиме им ничего, кроме пистолета да баллончика с перцовым спреем, не полагается.

– Могу я помочь? – окликнул констебль нашу дружную компанию слегка дрогнувшим голосом. Еще бы, мы и сами не по-детски затоварены, начнешь таким сгоряча помогать – как бы чего ни вышло.

– Спасибо, констебль, мы справляемся, – отвечивал я, не отвлекаясь.

– Я капрал, – похвастался констебль нервно.

– Ай, молодца. Но нам нужен комендант.

– Приемные часы в комендатуре с семи утра...

– Вы совершенно не правы, капрал, – я развернулся к нему, чем, кажется, напугал еще больше. Да, пулеметы людей нервируют – даже тех, кто давно привык, что мимо постоянно шастают вооруженные винтовками аборигены. – Служба управления гарнизоном не может быть ограничена формальными приемными часами. Это открывало бы

неограниченные возможности для саботажа в часы неприемлемые, а также ставило бы под угрозу оперативность решения важнейших вопросов безопасности.

Капрал нахмурился. Кажется, методика оглушения с разбега на нем не сработала. Надо было, как любит Мик, с локтя добавить.

– Каких еще вопросов?

– С одним из которых я спешу ознакомить коменданта Гламберга.

– А вы вообще кто такие? Кто вас впустил в сообщество?

Это вам не деревенский уклонист, для которого пулемет да камуфляжные пятна – уже достаточные признаки военного. Капрал, похоже, быстренько различил в нас лица отнюдь не юридические. Не то чтобы я претендовал, но вообще-то оно гораздо проще, когда собеседник тебя заочно уважает как часть великой силы.

Тут, однако, щелкнул замок на двери и на крыльцо явился собственно комендант. Лысый, усатый, опузыревший к старости, в широченных семейных трусах в клеточку и некогда белой футболке. Как ни удивительно – без дробовика или там хотя бы бейсбольной биты. Хорошо, видимо, устроился, раз даже посреди сплошных безобразий ничего не опасается. Впрочем, глаза заплывшие. Еще бы – когда в дверь молотятся среди ночи, даже писателем-фантастом не надо быть, чтобы навоображать себе худшего.

– Что опять стряслось? – завопил Деннис с порога, раз-

глядев перед собой целую делегацию. – Я вам говорил гнездо не трогать!

– Это мы еще обсудим, – пообещал я автоматически. Не трогать гнезда иногда бывает за гранью моей выдержки. – Мы по другому поводу. Узнаешь меня?

Гламберг близоруко прищурился, пошарил рукой за косяком, и над крылечком зажглась лампочка. Настала моя очередь жмуриться.

– Ты Джеральд, мейсонов внук, – идентифицировал меня комендант практически без промедления. – Только седой бородой оброс. Хотя чему тут удивляться...

Когда это я успел? Потер физиономию – надо же, и правда... не так чтобы настоящая борода, как у тех толстых, но и простой небритостью это уже не назовешь. На всякий случай обернулся к Чарли. Гляньте-ка, и он начал зарастать по всему периметру физиономии, на подбородке уже даже колечки виться начали.

Ладно, к этому еще вернемся. Все равно надо будет постричься, отхватить этот хвост, которому только из лени и позволяется существовать, заодно и с бородой разберемся.

– Именно я и есть. Мне тут на входе любезно сообщили, что дед мой, оказывается, под твоим чутким руководством...

Деннис насупился.

– Ничего не под моим. Я ему сто раз... – он осекся и обреченно махнул рукой. – Ладно, чего там. Есть война, есть потери. Тебе, кстати, пытались сообщить – по всем телефо-

нам, что в контактных данных нашли, по электронке писали, но ни ответа ни привета, так что давай-ка тут без сцен.

– Лады, давай, хотя подробности я бы все-таки хотел услышать.

– Вот прямо сейчас, в четыре часа ночи?

– Это терпит, просто предупредил. А прямо сейчас, в четыре часа ночи, мне нужен автомобиль и место, где я могу оставить этих двоих на несколько часов, пока сам съезжу за остальными.

– За какими еще остальными? – Деннис потряс головой. – Ты извини, но я спал только что, а ты не очень-то понятно изъясняешься.

– Все в порядке, сэр? – это бдительный капрал о себе напомнил.

– Да вот не знаю пока, – комендант развел руками. – Ничего понять не могу. Автомобиль мы, конечно, найти можем, но для начала я должен понять, для каких таких целей и чем нам это может грозить. Стало быть, тебе надо прежде всего зарегистрироваться как прибывшему, заполнить запрос на все необходимое...

– Или ты просто покажешь мне, где стоит машина Тедди, что будет гораздо быстрее и сэкономит прорву бумаги.

За спиной у Денниса послышалось шелестение, в одном из проемов появилась его жена – раздобревшая тетка со всклокоченными седыми патлами, в легкомысленном садовом халатике. Любопытно ей, видите ли. Комендант по-

морщился, потеснил меня и сам вышел на крыльцо, а дверь за собой прикрыл.

– Дело тут такое...

Эта фраза у меня начинает вызывать нехорошие предчувствия.

– Машину-то я тебе, допустим, отдам без вопросов, – Деннис поежился, обхватив себя волосатыми ручищами. – Мы ее на баланс комендатуры приняли, как резерв, но применения ей особо нет. У каждого, кто к делу пристраивается, своя не хуже.

Похоже на правду. Дед никогда автолюбителем не был, относился к этому делу крайне настороженно и безо всякого фанатизма – это у нас семейное. Первый его автомобиль, допотопный джип, дожил с бесконечными ремонтами до начала девяностых, когда доломался уже окончательно, и дед со стонами и руганью разорился на новенький шевроле LUV. Тогда, отмечу, новенький, а за минувшие двадцать лет успешный обносится до комфортного деду состояния с проседающими рессорами, мятыми бамперами, облупленной краской и тревожным постукиванием при переключении передач. Даже начни Деннис продавать его с аукциона, едва ли цены лота выбрались бы за пределы скромной трехзначной суммы.

– Я однозначно слышу какое-то «но».

– Ты за границей, что ли, был, когда это все началось?

– Трудно даже описать, как далеко.

– Так вот, у нас теперь такие правила, для того и комендатура создана в каждом населенном пункте: каждый прибывший должен быть зарегистрирован, а если куда-то уезжает – то указать цель отбытия, а когда приедет туда – там отметить и так далее. Это чтобы людей найти можно было, понял?

– Не очень. А если я не хочу, чтобы меня нашли?

– Вот когда все устаканится, тогда и будешь жене своей рассказывать, чего ты там не хочешь. А сейчас так вот: прибыл – отметься. Очень, надо сказать, многим помогает найти потерявшихся родственников, ибо с постоянного места жительства множество народу сорвалось, а база единая от Аляски и до самой Мексики. Актуальный адрес там указывается, способ связи, заодно там же пометки есть, доступные согласно уровню допуска. Даже труп, пардон, опознать можно, поскольку туда и отпечатки при возможности заносятся, и зубная формула, и какие-то днк-маркеры. Так вот, это моя работа, так что давай-ка я ее буду делать, а ты мне мешать не будешь.

Капрал за моей спиной одобрительно закашлялся. Знай, мол, наших.

– Мейсон, мне надо маме позвонить срочно! – заканючил за спиной Чарли.

Вот уж новость так новость. Ладно, не буду прикидываться циничнее, чем необходимо. Позвонить маме – правильное стремление. Я бы и сам так сделал, и еще сделаю, но сей-

час у меня есть куда более очевидные задачи. А то мама как трубку снимет, так чего-нибудь скажет. А когда она что-то начинает говорить, то не останавливается, пока ее не переключит из говорительного состояния какое-нибудь экстраординарное событие. Говорят, на ее лекциях даже глубокие специалисты прибалдевают. Но они хоть за идею страдают, а я иной раз неосторожно спрошу, не новая ли на ней шляпка – и уноси готовенького. Лет десять тому, когда она читала лекции в своей альма матер в Беркли и потому частенько меня навещала, будучи поблизости, я научился спать с открытыми глазами и издавать храп, похожий на одобрительное поддакивание, чтобы только избегать конфликтов и глубокой эмоциональной перегрузки ненужными сведениями.

– Давай компромисс, а? Я оставлю вот этих двоих, пусть они за себя и за меня все заявления напишут, мамам своим позвонят и все такое, а мне ты отдашь таки машину и через пару часов я сюда вернусь уже в полной готовности к сотрудничеству.

Деннис мучительно призадумался, завалив голову на плечо.

– Через пару часов?

– Если ничего по дороге не случится. Ну, а случится, так и отметишь – он уехал в ночь на газонокосилке, там где-то и искать. В ночи. Если не боязно.

Комендант со вздохом махнул рукой.

– Ладно. Погоди, штаны надену, и пойдем в офис... там

и компьютер со всеми базами, и кофеварка хорошая, и ключи от всего царства. Да, а вы к нам как, на постоянное или...

– Лично я нет, у меня кое-какие проекты по этим... Зияниям, так что надо будет на ваше местное взглянуть, не удастся ли его как-то схлопнуть. Есть варианты, но пока что больше теоретические. А эти двое домой хотят, а живут они далековато... впрочем, дашь им родственников поискать, может, они тоже уже где-то неподалеку.

Деннис осмотрел сироток, причем при виде Айрин его лицо значительно напряглось, прямо как у того толстяка. Да чего она им всем покоя не дает? Корейские террористы успели отличиться? Потом суровый комендантский взор волей-неволей притянули те магниты, которые вызывающе распирала майку нарушительницы спокойствия, и он смягчился до умеренно-настороженного состояния. Я же говорю – сильнее полицейского жетона даже в фоновом режиме.

– А вы вот, дамочка...

– Это не шпионка и даже не дамочка, – перебил я коменданта, пока он не начал угнетать бедняжку беспочвенными подозрениями. – Это доктор Кумико Сакагучи-сан. Очень важный человек в нашем деле – ну, этом, научно-исследовательском. С ней придется общаться через меня, она по-английски ни бельмеса.

– Хм. А не мог я ее где-то...

– Не надо ее осуждать. Она была молода, и ей нужны были деньги.

Деннис неопределенно хмыкнул и скрылся за дверью. Доктор Сакагучи-сан выждала, пока она замкнется, и отвесила мне весомую оплеуху. Капрал заливисто хихикнул. Очевидно, ему показалось, что я это заслужил. Не нравлюсь я людям, ничего в этом нового.

– Пулемет сдать придется, – заметил капрал не без зло-радства.

Ага, щаз. Спешу и падаю.

– Это потому, что я черный?

– Ты не черный, – моментально внес поправку Чарли. – Это я черный.

– Вот блин. Расизм на новом уровне. Это потому, что мой друг черный?

– Вообще некруто, брат, – насупился Барнет и погрозил капралу пальцем. Способность все на свете истолковывать как наезд на цвет кожи у него в генах.

– По нынешним законам допускается открытое ношение оружия из свободной и ограниченной категорий, и списки скорректированы соответственно военному положению, но запрещенная категория все еще существует. Правда, сильно поредела, но пулеметы из нее пока что не выбрались, – капрал сам себе удовлетворенно кивнул – надо же, ни разу не сбился. – Их свободная продажа на территории провинции Манитоба пока не одобрена. Только для проведения санкционированных боевых операций подобное оружие может быть выдано гражданскому под ответственность

уполномоченного специалиста.

Очень сложно сказал. Надо попросить бумажку, по которой он этот текст заучивал, мне надо глазами прочесть, чтобы усвоить. Конечно, я с самого начала знал, что пулемет – не та штука, с какой можно появляться в приличном обществе, но начал было расслабляться, когда стало ясно, что тут ситуация напряженная и приходится от чудовищ отстреливаться. Неужели темные силы бдительно следят, чтобы никто не отстреливался слишком эффективно? Или чтобы выжидали реально крутейшие, способные обойтись ножом и берданкой? Такой себе тактикал-дарвинизм.

– А может, я и есть специалист на задании.

– Какой инстанции? – не поверил подозрительный капрал.

– Скажи ему, Чарли.

Чарли изумленно разул глаза, но вовремя спохватился и ответил с пафосом:

– Это секретная информация.

– Вот когда рассекретите, тогда и обсудим, – отрезал капрал злорадно.

Какой неприятный субъект. Совершенно не ведется на экивоки. Сам Чарли уже давно бы купился. Или нет. За что-то его ведь держали в полиции долгие годы, даже поощряли не раз, и нет вины работодателя в том, что вне службы он слегка дурковат.

– А с чего такие строгости? Можно подумать, пулемет так уж страшнее современной винтовки. То есть, пожалуй, да,

но в наших-то условиях, когда динозавры по ночам летают, разве до мелочей?

– Если честно, я не уверен, – признал капрал и смущенно потер загривок. – Полагаю, главным образом это из-за тех южных парней. Начальство, так сказать, приняло во внимание и решило не допустить... Да какая разница? Скажи спасибо, что уголовная ответственность за ношение отменили. Еще полгода назад не только пулемет отобрали бы, но и десятку за неправомочное владение...

Еще южные парни какие-то. Этак и мозг растопырится, пытаюсь собрать разрозненные клочья информации в одну кучу. Интересно, насколько южные? Отсюда куда ни плюнь – везде юг. Из Северной Дакоты? Из Мексики? Если брать еще дальше на юг, то так и до папаши докопаться недолго. Если это из-за его художеств меня тут в оборот берут, я буду решительно, хотя и запоздало, требовать эмансипации.

– Птеродактиль не динозавр, – вставил Чарли скромно, но в пылу диспута замечен не был и досадливо потупился.

– Так мы-то не южные! – ответил я капралу в сердцах, хотя вряд ли смог бы чем-то этот довод подтвердить. Калифорния – это все-таки сильно на юге, хоть откуда замеряй. – А чем я буду защищаться, если на меня какая-нибудь скотина нападет?

– Будешь сдавать – требуй у коменданта замены, – посоветовал капрал добросердечно. – У нас давно уже не принято ходить вовсе без оружия. Есть свой оружейник, снабжает

боевое ополчение винтовками в счет государственных дотаций, и небольшой арсенал из армейских запасов.

– Боевое ополчение? А какое еще есть?

– Вы издалека, что ли? Есть гражданское. Вот эти парни, мимо которых вы проходили на въезде. Ну, смотри, – капрал растопырил пальцы и принялся по ним считать. – Есть мобилизованные, так? Это которые в армию, на фронт, во вспомогательные части и во все прочие...

На фронт? НА ФРОНТ? Да что тут творится-то?! С кем наша безнадежно миролюбивая Канада могла задраться, да еще так, что фронт открыт и на него людей мобилизуют???

– ...А остальные, кто пока не мобилизован, по возрасту или по каким еще причинам, те все считаются гражданским ополчением, – продолжил капрал, очевидно не замечая моего замешательства. – Мужчины от шестнадцати и до упора, пока дееспособен, женщины по желанию, хотя сейчас вроде собираются и их обязать. Все должны сдать квалификационные нормы по обращению с оружием, хотя бы с охотничьим, и его держать при себе на случай тревоги. Чтобы, если вдруг на соседей нападут, не ждать помощи, а самостоятельно отбиться или хотя бы продержаться. У кого своего оружия нет, комендатура выдает из запасов. Сейчас уже не так строго, установлены защитные порядки, отработаны тревожные схемы, да и страху поубавилось. А поначалу, когда чудовища только начали появляться и никаких мер против них не было, кроме как в панике отстреляться, за укло-

нение от ополченских обязанностей могли и оштрафовать, и на общественные работы сослать.

Ничего себе удар по менталитету нации, привыкшей если не быть, то по крайней мере считать себя свободной.

– А потом начало формироваться боевое ополчение – это те, кто раньше служил или еще откуда-нибудь имеет необходимые навыки. Им и оружие выдают уже серьезное, с армейских складов, и выплаты назначают, в общем – что-то вроде национальной гвардии в масштабах населенного пункта. Они тренируются, инструктажи регулярно проходят, они же в патрули ходят и на вылазки, если где-то требуется. Короче, самая квалифицированная ударная сила гражданского населения.

– Но пулеметы даже им нельзя?

Капрал призадумался, пожал плечами.

– По-моему, нет. Никогда не видел, чтобы пользовались. Да нам тут зачем? Мы же с людьми не воюем, верно? А на чудовищ каждый стремится взять калибр побольше, чтобы валить с гарантией.

Верно, была и у меня такая мысль. А дед вовсе не признавал автоматического оружия, считал праздным баловством и преступным доминированием технологий над величайшим капиталом человека – навыками. Уже и то чудно, что не с копьем охотился.

Впрочем, отвлекаюсь я от самых основных вопросов. А их все прибавляется. Фронт, значит, открыт. Южные парни на-

саждают идиосинкразию на пулеметы. Неужели Канада задралась со Штатами? Так держать, покажем им, что бесплатное здравоохранение и кленовый сироп дорогого стоят! Мне, с одной стороны, должно быть неловко, ведь имею причины быть сразу за обе стороны, но с другой – неловкости не ощущается. Я всегда умел абстрагироваться от того, что «должен бы». К тому же Голливуд, единственная вечная ценность на балансе наших южных соседей, окончательно вошел в штопор, погрязнув в безразборной экранизации комиксов. Его раздолбав, еще и одолжение миру сделаешь.

Но надо все же разобраться в вопросе. А то так закричишь «Ура, в атаку!» и увлечешь за собой толпу на штурм Нью-Йорка, а потом окажется, что ты ошибся с противником, это какое-нибудь Монако под шумок решило оттяпать себе нашу Новую Шотландию. Будет очень неловко. Тем более что упомянуты были некие единые базы резидентов от Аляски до Мексики, а вести подобный учет совместно с враждебной страной как-то совсем странно.

Комендант вернулся в штанах и шляпе, на ходу напяливая поверх майки клетчатый пиджак. Совсем он не военный какой-то, словно бы слово «комендант» изменило свое значение с тех пор, как я его выучил. Ах, нет, вот он задержался и извлек из-за косяка широкую кожаную портупею со здоровенным револьвером в кобуре. Такие на Аляске в большой моде, от медведей отмахиваться. Шарахнул в медведя – его пулей в одну сторону укатывает, тебя отдачей в другую, так

и не встретитесь. В нашей-то Канаде с короткостволом всегда было гораздо жестче, но вот нате – при нужде быстро подстроились.

– Пошли, – вздохнул Деннис. – Только по пути меня внимательно слушайте, чтобы потом не было обид и удивлений.

Мы пристроились за ним, а капрал, махнув вослед рукой, вернулся на свой пост через дорогу. Может, комендант еще и не вспомнит про пулемет?

– Откуда, говорите, вы приехали?

– Мы не говорили, – ответил я честно.

– Секретная информация! – опытно добавил Чарли.

– От кого секретная? От коменданта? – недобро удивился Гламберг и даже не поленился развернуться к нам, дабы посверлить суровым взглядом. От Чарли, кажется, полетели мелкие ошметки замешательства, но он себя проявил в лучшем виде и не согнулся. – А ну как вы террористы, бандиты, мятежники?

Вот еще замечательное слово – мятежники. Так и знал, что без мятежей в тяжелые времена не обходится.

– Мы же не скрываем, кто мы. Проверь на здоровье в рамках этих своих баз и уровня допуска. У тебя есть документы, Чарли?

– У меня есть жетон с идентификационными данными, права, пропуск в бассейн, абонемент в планетарий...

– А у вас, доктор Сарутоби?

– Разве не Сакагучи? – хмуро удивилась Айрин.

– Уже, видимо, нет, если только у тебя нет документов именно на это имя.

– Права, кредитки и ключ-карта от офиса. Есть еще про-карта IFBB, но она даже без фотографии.

– Думаю, на первый раз достаточно. А вот откуда мы, ко-манданте – это вопрос уже совсем другой и, подозреваю, не на твою зарплату. Без обид.

– Без обид, – согласился Деннис и снова зыркнул на Ай-рин с подозрением. – Так что, все-таки знаете английский, дамочка?

– Я родилась в Сан-Франциско у отца и матери, которые тоже родились в Сан-Франциско, – отрубила Айрин с неприятными истеричными нотками. – Все мои дальние предки покинули Корею еще до того, как она распалась на Северную и Южную, а сама я там никогда не была и не собиралась. Самый страшный приступ политической сознательности, кото-рый со мной когда-либо был – подростком я ходила с отцом на демонстрацию против войны в Заливе, и то в основном ради того, чтобы не оставаться дома с чокнутой бабушкой. Я не знакома ни с какими радикалами, не умею варить взрыв-чатку и совершенно не понимаю, почему все подозревают меня в шпионаже!

– То есть да, она знает английский, Деннис. Лучше, чем многие из нас. Это была шутка, насчет доктора. Я просто люблю, когда она молчит.

– И я могу это понять, – признал комендант и возобно-

вил свое неспешное движение к офису. – Ладно, не хотите – как хотите, полномочий вас допрашивать у меня нет, в наше время многие пропадают надолго, прежде чем снова прибиться к обществу. Но вы, по крайней мере, в курсе общих событий?

Чувствую тут зыбкую почву. Очень хочется сказать «нет» и получить полный обзор всех минувших событий, но не оставляет ощущение, что все эти государственные служащие в той или иной степени особисты. То есть работают скорее на систему, чем на благо человека. Ты ему накидаешь фрагментов, из которых он сложит должную мозаику, занесет ее в свою базу, даже не со зла, а просто отработывая инструкции. А потом глядь – и уже тебя приглашают на неформальную, для начала, беседу с неприметными людьми в дешевых костюмах.

Интересно, удастся ли выдумать приличную отмазку для ничегонезнания? Были в плену у Хезболлы, с мешками на головах? Заблудились в лесах Нунавута, не успевали выйти до вечера – решили перезимовать? Пили вглухую? Мы все знаем, но расскажи все равно, потому что мы из очень важной конторы и инспектируем тебя на предмет поручения тебе важной миссии? Даже не смешно как-то.

Чуждому сомнений Барнету тем временем надоело ждать, пока я переберу варианты, и он жалобно ответил:

– Мы чего-то совсем понимать перестали, что творится. Там все было в порядке, а тут уже совсем непонятно. Можно

нам с самого начала и как для глухих?

Деннис снова притормозил и уставился на него недоверчиво. Чарли и глазом не моргнул – смотрел с трогательной надеждой.

– Вы знаете, что идет война с Китаем? – спросил комендант наконец, отмерив предел глупости на глазок и, как по мне, сильно нас недооценив в этом плане.

Вот уж чего совсем не ожидал, ибо где Китай, а где Канада. Чего им от нас надо? А нам от них чего? А война на чьей территории? Китайцев вон сколько – хватит ли даже канадских просторов, чтобы их всех позакапывать? Как вообще могло получиться, что война между развитыми державами в статусе «идет», когда по всем прогнозам должна бы быть «шла до первого применения ядерного арсенала, и теперь ни Канады, ни Китая на картах нет»? Эх, что за жизнь – каждый новый ответ вместо того, чтобы заполнить информационный вакуум, вызывает целый ряд новых вопросов.

– А чего на меня-то опять тарашиться? – вновь обиделась Айрин. – Я не китайка! Даже близко не была! Ни одного китайца лично не знаю! Дальше Японии никогда не забиралась.

– Это я уже понял, – мягко успокоил ее комендант. – Просто внешность... архетип... Что и говорить, набирайся терпения, девушка. Предрассудки – твари живучие. Уже то хорошо, что у нас тут народ спокойный и рассудительный, а то вот в Штатах и погромы бывали поначалу... и до сих

пор иногда. Даже и не разбирались – китайцы там, корейцы, японцы. Злобное быдло оно и есть злобное быдло, лишь бы на ком сорваться. Но ты не бойся, у нас до такого никогда не доходит.

Да уж, интересные новости. В Штатах китайские погромы – значит, и они тоже с Китаем в контрах? Так-то я слышал краем уха, что очень уж Китай мощно развивается и армии у них больше, чем населения во всем мире, но чтобы сразу с двумя... вернее – чтобы сразу *минимум* с двумя крупными странами схлестнуться? Это резвость на пороге маразма. Может, они еще с кем-то в союзе? С русскими теми же? В принципе, от тех можно ожидать. Наши общественные деятели последнего поколения с достойным лучшим применением энтузиазмом пытаются их шпынять, пинать, плевать... что значит – студийные теоретики, за гонорарами жизнь забывшие. Вывести бы их по одному вот сюда, в канадскую глубинку, и предложить опробовать такое поведение на дрыхнувшем медведе. Давно мечтаю продать такую концепцию релити-шоу, даже послал письмо на CBS, но мне ответили, что Раш Лимбо или Джон Маккейн на такое не подпишутся, а проект с безымянными участниками уже описан вездесущим Стивеном Кингом в «Бегущем человеке», и вроде там все плохо кончилось.

– Вот уж счастья-то привалило, – упавшим голосом пролепетала бедняжка Айрин, видимо так и представив себе остаток жизни тут, в Канаде, под защитой бдительного Денниса

и верного ему боевого ополчения. Ну а чего? Бывают судьбы и похуже. Я могу взять ее к себе – не запасной женой, конечно, и вообще не на роль со словами, но все-таки. Пусть поддерживает балкон – это как раз подчеркнет все ее обалденно рельефные достоинства. – А в других краях с этим сейчас как, не разрулилось? Мне бы домой все-таки.

– И мне, – поддержал Чарли. – Как там в Калифорнии? Мы слышали, что там все хорошо, целы все, не пострадали.

– Калифорния, как все западное побережье, как раз под китайцами, – доложил Гламберг, подпустив в голос казенной скорби. – Вашингтон, Орегон, Калифорния и наша Британская Колумбия. На Мексику их не хватило, а от Аляски их отбили, как ни странно, русские.

Ай да медведи!

– Китайцев отбили, а сами заняли?

– Сам-то как думаешь? Впрочем, это вы лучше почитайте в сети, я подробностями не интересуюсь, тут со своими делами бы справиться. Но вот Калифорния эта ваша плотно под китайцами, они там чуть ли не основной плацдарм развернули.

– А жители? – взвыл Чарли.

– А что – жители? Как при всякой войне, сынок, кто-то в эвакуацию на восток, а после того, как Штаты развалились, еще и к нам на север, а кто-то и на месте остался. Это ж не тупое кино, где захватчики сразу мирное население на костры волокут, а спасают страну заблудившиеся бойскауты. Китай

тоже гаагские конвенции чтит, с гражданским населением воевать не должен.

И никто под шумок не обратил внимание на то, что Штаты развалились. Bravo, блин! Пришла беда – отвори ворота. Надо этот вопрос внимательно проштудировать. Вдруг образовалось такое государство, в котором и обосноваться не стыдно?

– У меня мама там, и еще родственники, – сетовал Чарли, спотыкаясь. – Правда, у нас и на восточном побережье есть родня, может, туда выбрались. Дядюшка Лоренс – он деловой, он бы не застрял...

Да уж, представляю себе дядюшку Лоренса в зале китайского судьи. «Ваша честь, вот я черный!» – «Ха, а я желтый. Отклонено!».

– Мейсон, как такое могло случиться? Ведь тот парень сказал, что в Калифорнии все в порядке! Наврал, получается?

– Может, и наврал. А может, тогда все и было в порядке, это уже потом случилось. Вы тут присядьте у гостеприимного коменданта, почитайте сводки событий, пока я за Миком смогаюсь. Потом перескажете своими словами.

– Мы пришли, – Деннис вытащил из кармана связку ключей и сунулся к замку на двери одноэтажного приземистого здания с большими окнами. – Вот моя комендатура.

Вообще не впечатлила. За рейнджерский пост или ветеринарную клинику можно было бы принять оный оплот само-

обороны, если стандарты не слишком высокие. Так-то я бывал в одной парикмахерской для пуделей, и чуть было не попросил там политического убежища, до того там фонтаны шикарные. А тут – казенные панели, темные дешевые окна, изнутри занавешенные полотнами жалюзи, замок простой врезной вместо козырного электронного с биометрическими датчиками, и никакой охраны. Поверьте парню, который повидал больше комендатур в сложных регионах, чем приличных людей: они обычно выглядят даже близко не так. Либо имеет место терминологическая путаница, вроде того, как в социальных сетях принято обзывать друзьями малознакомых подлиз, либо тут пафосно начали изобретать самокат с нуля и к необходимости круглосуточного дежурства местным деятелям предстоит приходиться методом проб, ошибок и катастрофических обломов.

– И ночью даже дежурного офицера нет? – уточнил я на всякий случай.

– Я бы и рад посадить и дежурного, и заместителя, и ночного сторожа, но людей на все эти должности не напасешься, – комендант вздохнул и сокрушенно махнул свободной рукой. – То есть народу-то у нас полным-полно, с тех пор, как люди сюда повадились перебираться. Уже давно за тысячу перевалило. А вот подобрать человека на такую должность оказалось просто никак. Которые и взялись бы, хоть бы и от отчаяния, тем квалификации не хватает, а у кого квалификация есть – тех отрывают с руками на работу более

завидную. Так что с пастырями проблемно, одни, простите, овечьи стада.

– И чем же у вас овцы занимаются?

– Если честно, то на значительную часть ничем. Люди, которые были при деле, с места срываться не торопятся. Большинство предприятий как работало, так и работает... мало ли, что война, жизнь-то продолжается. К тому же с мобилизацией немало рабочих мест освободилось, вот их там и занимают. А тут у нас оседают в основном те, кто без места в жизни остался. Фермы у нас давно укомплектованы. Чтобы на жизнь заработать, многие вступают в расчистные бригады, там особого опыта не нужно, а после Сотрясения столько всего осталось порушенного, что этой работы надолго хватит. Многие малые предприятия по программе государственных субсидий на поддержание отечественной экономики открывают новые производственные мощности, в частности в наших краях. В Виннипег многие ездят искать работу, другие большие города далековато. Некоторым и того не надо, регистрируются как потерявшие работу, живут на гуманитарной помощи в ожидании, когда подвернется что-нибудь такое, типа неба в алмазах.

Замок наконец щелкнул, и Деннис провел нас внутрь обширного помещения. Зальчик с несколькими офисными столами, на которых установлены компьютеры, небольшая трибуна с исчерченной доской, пустой ресепшн, несколько дверей в задней стене. Видавшие виды диванчики под стенами,

здоровенная хромированная кофе-машина в уголке. Рядом подносы для выпечки, к сожалению пустые. Однако с крошками, что внушает некоторые надежды. Под потолком с легким гудением зажгли лампы дневного света.

– Эта работа, – продолжал бубнить себе под нос комендант, – Только что называется громко, а на самом деле удовольствие ниже среднего. Платят скромно, отчитываться приходится каждую неделю за любую мелочь, а ответственность вся на тебе. Люди с куда большей готовностью просто отстоят свою ночь в карауле за ополченский паек – тоже, кстати, моя работа их туда определять – и пару раз в месяц по тревоге поднимутся, чем будут всей этой бюрократией изо дня в день заниматься. Ведь правда же, бумажная волокита, никуда от нее не денешься. То есть это раньше была бы бумажная, а сейчас по большей части электронная. Это занеси в базу, это поправь, это измени, прими запросы, пробей, выдай результаты...

– У тебя что, и оператора для таких целей нет?

– Есть, конечно, двух девчонок взял именно на эти компьютерные дела, а то сил моих нету от заката до рассвета искать потерянных племянников. Но они от звонка до звонка, и то под присмотром – пока там специальная комиссия их допуск к базе оформит, я вынужден их под своим логином запускать и стоять над душой, чтобы налево никакая информация не утекала.

– А что, такая уж секретная информация – где чей пле-

мянник?

Гламберг помялся, измышляя подходящий ответ, и наконец просто отмахнулся – мол, не мучь меня, народ, ох, не спрашивай. Видимо, действительно секретная. И то сказать, племянники бывают разные.

– Вы, ребята, не стесняйтесь – вон на кофе налегайте, если кто знает, как управлять этим реактором, а я пока займусь оформлением.

– Ты мне ключи от машины дай и занимайся. И от склада заодно, где дедовы вещи, там надо кое-что прихватить.

– И то верно, – Деннис ткнулся в одну из дверей на заднем плане. За ней оказался кабинет, заставленный стеллажами с коробками – что-то вроде камеры хранения вещдоков. Комендант туда протиснулся и прикрыл за собой дверь.

Остались мы одни. Айрин сунулась к кофеварке и начала щелкать кнопками. Неловко как-то стоять ошарашенными такими новостями. Типа, вы прикиньте, Плутон-то больше не планета, а в Калифорнии теперь китайцы заправляют. Теперь Юньфат точно получит Оскара. Может, если бы дали по добру, то и без военной экспансии как-нибудь обошлось бы?

– Мама будет в шоке, – нарушил тишину Чарли. – Мейсон, что я ей должен сказать?

– А это так уж важно?

– Ну, как же... мама все-таки. Врать нехорошо, да и вряд ли получится.

– Я имею в виду, можешь сказать правду, но вряд ли она поверит. Так что подумай, во что она поверить сможет. Думаю, уже того факта, что ты жив и готов вернуться через год, ей на какое-то время хватит для полного счастья. Но в любом случае я буду признателен, если ты поменьше будешь упоминать меня. А то я ее боюсь.

– Можно подумать, я не боюсь. И ты не забывай, что исчезли мы прямо из твоего дома, так что совсем без упоминаний вряд ли обойдется.

– А ты скажи, что я героически погиб, защищая мир от вторжения. Был стоптан злыми китайцами.

Есть у моей склонности к сглазу, наверное, и положительные стороны. Представил такую злую судьбу – считай, от нее подстраховался.

Деннис вернулся с ключом, к которому приделана была большая пластиковая бирка с номером «12».

– Это от склада, – пояснил он. – Склад отсюда направо, выстроен прямо впритирку к 513-й трассе. Там сейчас никого, но на здании должна вывеска гореть. От машины ключей не нашел, значит, они прямо в ней. Казенные машины стоят в ангаре рядом с автосервисом. Знаешь, где это?

– Угу.

– Вот там и забирай. И да, пулемет оставь. Не положено. Не пронесло.

– Эй, мне без него боязно. Можно, хотя бы пока не вернусь, при себе подержу? А то, если получится все с местным

Зиянием, мы и задерживаться тут не будем, а на беспокойных дорогах с пулеметом куда уютнее.

– Джеральд, сынок, – эге, сынок-то сынок, а взгляд как посуровел! Видать, не миновали его сложности отцов и детей. А я не Айрин, взгляду зацепиться не за что, чтобы отвлечь от исполнения долга. – Я с тобой не торгуюсь. Вот вздумаешь тут у нас остаться и вступить в боевое ополчение – тогда, пожалуй, и поторговаться можно, хотя все равно очень вряд ли я тебе разрешу такую опасную и совершенно ненужную игрушку. Просто сам не имею права, понимаешь? Сейчас так формулируется один из пунктов, описывающих запрещенное оружие: отсутствие режима «один нажим – один выстрел» и ленточное питание, то есть условно бесконечный боезапас. И не надо мне фокусов с отсеканием по одному выстрелу. Если хочешь, могу выдать тебе винтовку, самозарядную с армейским магазином или даже военного образца – вас, Мейсонов, сложно заподозрить в неумении с ними обращаться. То же самое удовольствие, но в рамках закона. Хотя все эти автоматические игрушки, по мне, сплошной перевод патронов.

Эх, эх. Даже пострелять не успел, как уже отобрали. Ну, не драться ж с дураками кочергою, тем более что они, вполне возможно, вовсе и не такие дураки. Я бы и сам на его месте предпочел не иметь под боком непроверенного архаровца с излишней огневой мощью. Они же не знают, что я как раз это хорошо умею. Или, наоборот, как раз догадываются

и не видят никакой гарантии, что это против них не обернется. Подниму еще народное восстание, захвачу закусочную и остановку автобуса из Виннипега, как немногие здешние ценности, и провозглашу себя узурпатором. Вообще-то повернуть такое можно и безо всякого пулемета, пару раз сделали на недорогой «бис». А пулемета мне просто жалко. Из него в меня почти в упор стреляли... а убится в итоге сам стрелок, собственной рикошетной пулей. Эдакий проклятый меч, где еще такой сыщешь.

– А если, чисто гипотетически, я того... заартачусь?

– Тогда я, чисто гипотетически, вынужден буду об этом сообщить по линии военной полиции со всеми доступными приметами и наводками. И будешь ты объясняться уже с другими людьми, которые ни к тебе, ни даже к твоему деду, царствие ему небесное, симпатии не испытывают. Первым не будешь. Нынче с законами стало даже, пожалуй, получше, чем раньше – не в пример строже и проще.

Ладно. Убедил. Я стащил пулемет с груди, выпутался из ремня. Нет, знаете, я тоже побуду со своей стороны вредным и ремень не отдам. Отстегнул его от антабок и плюхнул оружие на конторку. И ленту из короба не поленился выудить, будет время – повыдергаю патроны из звеньев. Рюкзак снял, но тоже сдавать не стал – демонстративно передал Чарли. Там патроны, а патроны – ценность. И дробовик вынул из бокового рюкзачного крепления. Авось за те несколько минут, что я буду добираться до дедовского арсенала, на ме-

ня никакой гарах не позарится.

– Винтовку все равно возьму, – предупредил я коменданта. – Заготовлявай. Кому перевод патронов, а кому и сплошная польза. Вот вернусь и сразу востребую.

Востребую и, скорее всего, отдам Чарли. А у него заберу фалку, она не гламурная, но заметно солиднее нынешних армейских карабинов.

– Мистер комендант, а сотовая связь у вас работает? – поинтересовался изнывающий Чарли.

– Время от времени, очень нестабильно – комендант сгреб пулемет за ручку для переноски и куда-то поволок. – Поломки ретрансляторов, какие были, давным-давно восстановили, но что-то сбивает сигналы. Говорят, Зияния что-то такое излучают... Вот есть нормальный проводной телефон, если нужно. Не поручусь и за те края, куда собираетесь звонить. Где-то так и не наладили, где-то операторы свернули свои сети, где-то армейцы глушат – китайские или даже наши.

Приступ брюзжания ON.

Вот и ладненько. Надо будет, когда все соберемся, попробовать разобраться с нашими заглохшими мобильниками – если симки уцелели, то новые аппараты раздобыть. Если не уцелело ничего, нужно все в комплекте. Интересно, а нет у них тут планов по внедрению военного коммунизма? Чтобы от каждого по способностям и каждому по потребностям? Нет, наверное, с этим надо было как раз в Калифорнию, к китайцам. А капиталистическая модель грозит

оказаться неудобной: у меня наличными памятные двести баксов, у остальных и того нет, а выцыганить что-то у этого ушлого коменданта вряд ли получится. Я дедово завещание видел, когда он в него поправки вносил. Все, что в банке, отходит теткам, потому что дед всегда считал, что мужику деньги не должны быть интересны. Лицо, коему для комфортного выживания нужно что-то помимо винтовки и леса под боком, не суть мужчина – с такой установкой Тедди Мейсон отрубил на свете свои девяносто лет и ни разу не столкнулся с непримиримым противоречием. Мне, как единственному из многих внуков, кто худо-бедно вписывался в его стандарты, дед отписал свою коллекцию охотничьего снаряжения. Намного лучше, чем ничего, но слегка однобоко. В лесу можно отсидеться, а вот крупных дел не наде-лаешь.

Вообще-то у меня есть собственный счет в Royal Bank of Canada – не сильно пухлый, заведенный без прикладных нужд, исключительно в целях диверсификации капитала и на правах закоса под личный пенсионный фонд, но такая беда – вся информация по нему где-то там, в покинутом доме, под маленькими, но многочисленными китайскими задницами. Еще, кажется, номер счета должен быть в телефоне, но если его не удастся реанимировать, то и тут с концами. Можно съездить в любой город, где есть филиал банка, и там восстановить доступ, но это ж сколько геморроя! И то, кстати, если под шумок от всех этих Сотрясений, Зияний и втор-

жений банки не полопались, как насосавшиеся пиявки. Эту картину я попытался представить себе в подробностях – чтобы, опять же, ее сглазить и найти банк процветающим и начислившим мне невиданные проценты. Не очень преуспел, но хотя бы баллы за попытку заработал.

Приступ брюзжания OFF, но ненадолго.

Пока я размышлял, ноги сами собой вынесли из офиса. Автосервис тут всегда был один-единственный, да и того слишком много, идти до него буквально пять минут, тут вообще все рядом. Рассветает уже, вот и люди, кажется, просыпаться начали – кое-где в окнах зажигаются огоньки. Так и не скажешь, что кругом война и апокалипсис!

Новый приступ брюзжания ON.

Невольно забрела мысль – а что делать, если Зияние Фирзаилу не поддастся? Пойти предложить правительству свои услуги на контрактной основе? Да нужен я им, как собаке пятая нога. Как любит поучительно повторять отец, сколь бы важным ты себя ни считал, но в сравнении с массивной государственной машиной ты всегда не более чем букашка, а с букашками не торгуются. Это для всяких очень специальных агентств ты можешь при определенных условиях представлять интерес как независимый подрядчик, а для армии есть только две опции – или ты в строю и шагаешь в ногу, или ты даром не нужен. А если бы я хотел шагать, то давно бы уже шагал, тем более что именно к этому отец меня и подводил. Для него всегда все было просто: да, служба бывает дерьмо-

вой, но дерьмовым бывает все, а тут тебе по крайней мере дадут сверху цель, назначат долг, честное и стойкое исполнение коего принесет радость и чуть ли не блаженство. Жуи, глотай и гордись, что когда миру придет неминуемый казнец, это случится не потому, что ты приказов не выполнял. Эдакое самурайство с хером, переложённым в левую штанину на манер современного общества, с буквой устава вместо ценностей духа. Будучи в ту пору пареньком впечатлительным, я этой идеей проникся и правда собирался по достижении восемнадцати лет податься на военную службу, даже строил планы карьерного роста, но, видимо, уже тогда склонен был к сглазу...

Отвратил меня от этой идеи, что странно и символично, все тот же отец. Будучи кадровым военным инструктором, он наезжал домой временами (тщательно выбирая моменты, когда не было риска напороться на бывшую жену) и меня во время таких визитов держал при себе, надеясь выстругать свое понимание достойного наследника из того, что осталось от культурных материнских вливаний. Однажды его догнала секретная новость о том, что оставленную им группу затребовал местный генерал для выполнения... толком не знаю, что там была за операция. Вышла просто бойня, и все, кого отец тренировал, погибли буквально ни за понюшку табаку. Мне очень хорошо запомнилось, как отец заметался по дому, обрывал телефон, сперва требуя от своего начальства вмешаться, потом упрашивая хотя бы разрешить ему

принять участие, ведь он, легендарный вояка, мог бы что-то сделать, как-то переломить ситуацию, если уж людей не жалко, то хоть сухого и безумно тупого разгрома не допустить... а ответ ему был со всех сторон один – не твое дело, ничье вообще, их страна, их генералы, их солдаты. Наш удел помогать, согласно договору от такого-то. Твое дело учить, ты за это зарплату получаешь. А вмешиваться в их игры никому не надо. Если уж сами они больше, чем в результате, заинтересованы в создании прецедента, по поводу которого можно всласть помаячить на голубых экранах, то это их полное право. Да и разве не во всех армиях так? – после втолковывал отцу его старый армейский приятель, завернувший на огонек. Действующие и штабные, стихи и проза, лед и пламень. Чем выше штабной офицер в командной цепочке, тем дальше он от острия атаки и тем меньше ему дела до мелких окопных частностей и больше – до очередного звания. А уж генералу зачастую и результат-то не так важен, как очередной орден за попытку, президентское рукопожатие или просто сохранение лица, чтобы никто ничего не подумал. Может, и не все такие, но с тех пор, как генералы перестали ходить в бой в одном строю с солдатами, интересы их закономерно разошлись. Но мы-то, слышь, не забыли свое место в этой схеме, скажи? Нам дают приказ, мы его того. Судьба, типа, наша такая, горькая и славная. Наливай, чего мнешься.

Я сидел тогда в углу, всеми забытый, смотрел, как два суровых воина глушат самогон, от которого волосы завиваются

по всему телу, и все пытался понять: как же они ухитряются находить достоинство в том, чтобы бесконечно выполнять приказы, которые не считают ни верными, ни законными, ни нужными? Тогда как-то само собой и пришло понимание, что не хочу я идти в регулярную армию, потому что рано или поздно придется идти и подыхать не за то, во что веришь или что будет правильно, а за новое место на парковке для очередного выслужившегося долбоящера. Может, я просто вредный от природы или не добрал патриотизма (наверное, его весь подчистую выгребли политики – которого ни послушай, всякий в лепешку расшибается во имя страны), но вот нет, не дождетесь. Так что вместо того, чтобы отправиться в военное училище к гордости отца и ужасу матери, я сделал финт ушами, огорошивший обоих – выехал сюда, на историческую родину, и вступил в канадскую армию. Не потому, что в ней служить лучше, а хладнокровно рассудив, что из нее будет проще уйти, не завязнув по отцовскому примеру в быту кадрового военного. Собственно, сперва хотел все проигнорировать это дело и идти напрямую в контракторы, но пару раз треснулся лбом о насмешки бывалых и осознал, что запись о службе в резюме – не прихоть, но необходимость. Вместо минимальных трех лет застрял на пять, в основном по причине косности системы – приспичило дослужиться до мастер-капрала, а для этого, помимо выдающихся заслуг, за коими дело не стало, нужно было два года проносить капральские нашивки. Зато прошел такую ку-

чу полезных курсов, что по сию пору хватает с избытком. В частном секторе, как оказалось, тоже не до высокой идеологии, но по крайней мере нет испорченного телефона между принявшим заказ и отправленным его исполнять. И можно периодически помодничать, отказываясь от работы, которая ни уму ни сердцу. Второй раз, конечно, уже не позовут, но всегда найдутся другие. И если не гнаться за старомодным пониманием карьеры как непрерывного стажа вылизывания платежеспособных задниц, то никакой беды в этом не ощущается.

Отец так до сих пор и не понял, чем это мне отношение переломило. Он в тот раз нарезался наповал – отшибло всю память. А мне вот нет. Кстати, много лет спустя, во время очередного пикантного экзерсиса, я познакомился с людьми, чей менталитет удивительно напомнил мне этих универсальных солдат с их удовлетворением от выполнения дерьмовых приказов. Есть такая, знаете ли (да знаете!), субкультура БДСМ, и фигурирующие в ней «нижние», представляющие в компоте букву М – один в один эти самые герои войны. Дополнительное сходство придает то, что в повседневной жизни большинство этих нижних – люди прекрасно развитые, успешные, обладающие выдающимися способностями. И да, получают совершенно реальное удовольствие от выполнения неприятных приказов. Вопреки визуальной брутальности сих развлечений, люди там водились дружелюбные, охотно приводили научные обоснования, с припле-

тением гормонов, энкефалинов, нейропептидов всяких. Каюсь, не смог толком сосредоточиться на матчасти, все время отвлекался на сиськи. Что характерно, ни в одну из предлагаемых данной дисциплиной ипостасей меня так и не затащило – видимо, энкефалинов мне тоже природой недосыпано. Сообщить отцу о подобном открытии я не решился, он насчет любых вольностей довольно консервативен и чуть что хватается за винтовку. А вообще надо бы. Письмом, например, с безопасной дистанции. Может, на старости лет наконец войдет со своим либидо в контакт вместо вооруженного конфликта.

Приступ брюзжания OFF.

Вот, между тем, и искомый ангар. Темновато тут. Зато не заперто – еще один повод любить канадскую периферию. Здесь держать можно двери открытыми, что надежней любого замка. Огляделся, нашел выключатель.

В ангаре выстроилось с полдюжины автомобилей. Тут и пара полноценных грузовиков, и один совсем неуместный низкий приземистый корвет... может, его одолжить? Нет, пока не время. Вот окажется, что толку от нас никакого, тут-то я в него прыгну и дуну в Монреаль. А пока – вот он, дедовский шевроле. Здоровенный, мордастый, крашенный в строгий асфальт, но с тех пор облупившийся, с кабиной в четыре двери, смонтированными по всей ее длине подножками по обе стороны и кузовом, небрежно накрытым горбом брезента. Дверь? Не заперто. Ключи? Над зеркалом. Ну, в самом

деле, Деннис, кто ж тебе будет бланки заполнять, когда можно просто взять и ехать?

Сел, повернул ключ. Стартер чухнул и на этом выступление прекратил. Вот же зараза, если он тут с зимы стоит, то я с ним сейчас намучаюсь. Мика под рукой нет, а то он любит машины толкать. И не только машины. Крутанул еще раз, мысленно призвав на помощь известную мать... ура, затарахтело! Видимо, все-таки не давали застояться. В баке больше половины, а ехать мне меньше сотни миль в одну сторону – хватит за глаза. Когда вернемся, поскребем по сусякам на предмет заправки.

Теперь поехали на склад, а то задняя полочка тоскливо пуста. Мы туда пристроим что-нибудь слобойное, чтобы уж никакому врагу не захотелось с нами встречаться. Правда, слобойи довольно немилосердны и к самому стрелку, а удастся ли привить благородные навыки стрельбы нашему рыжему Гераклу, пока неизвестно. Мне так вовсе показалось, что он на меня обиделся, когда я его покинул. Но не будем излишне мнительны. Может, он уже все забыл. А может, снова продается за вкусняшку. Кстати, надо бы прихватить с собой чего-нибудь такого, вроде чипсов или сэндвичей, а то Мик опять нажрется гиперкалорийных батончиков и начнет буйнить. Ткнул на выезде стволom высунутого из кабины дробовика в выключатель на стене ангара, двери задвигать вовсе поленился. Раз уж тут столько халявщиков, пусть им будет чем заняться. Вообще странно оно как-то,

что за интерес местным принимать такие толпы беженцев, не стремящихся ничем заниматься? Хотят сделать из Джипсумвилля новую столицу мира? Да вряд ли это получится с контингентом, бьющим баклуши. Наверное, это врожденное канадское дружелюбие не позволяет сказать: а ну валите куда-нибудь еще, где вам будут рады. Или государственные дотации на прием лоботрясов заманчивые? Опять же какой-то местный доброхотский колорит. Я много времени провел в африканских странах, где идут бесконечные локальные войны и население вынуждено мигрировать, спасая свои шкуры. Чего греха таить – эти самые беженцы крайне редко стремятся полноценно устроиться там, докуда дображили, предпочитая пританцовывать в тенечке в знак своей неисчерпаемой самобытности, пока не приедут белые миссионеры и не оделят их гуманитарной помощью. Но мне всегда казалось, что это тамошняя африканская специфика, потому как и те, кто остается на месте, редко бывали замечены в поведении более содержательном. И уж точно тамошних беженцев не принимают как родных и не расселяют по домам чужих дедов, героически павших на службе отечеству.

Да что ж меня все никак не отпустит-то? Старый он уже был, ему девяносто еще когда стукнуло, и красное мясо трескал без меры вставными зубами, и трубкой дымил, как паровоз, и на охоте зачастую по два-три дня пропадал, после чего неделями ковылял вопросительным знаком, неотрывно держась за поясницу. Прямо ходячая инструкция, каким

не должен быть здоровый образ жизни. Мы с ним трижды прощались, когда у него то сердечный приступ, то гипотермия, то подраненный кабан на бивни взял, но всегда же вылезал, старый черт!

Отцепиться бы уже от него как-нибудь, а? Не дело это – пытаться работать, когда в голову лезут контрпродуктивные мысли, нытье и сожаления. Надо сосредотачиваться на достижении простых и очевидных целей и вот так, от флажка до флажка, по шажочку... называется ходьба, доступно почти каждому.

На дороге перед машиной появился уныло бредущий мужичок с садовой тачкой. Я вежливо притормозил, мужичок, не уделив мне внимания, прохромал мимо к ближайшему газону, выудил из тачки палку и ткнул ею куда-то в заросли. Выудил палку обратно с драным пакетом, стряхнул его с палки в тачку и потащился дальше. Мусорщик. Тут появилась нужда в мусорщике. Тут, в пасторальнейшем поселении, где никто и никогда не бросал никакой дряни мимо урны! По моему, комендант со своими обязанностями не очень справляется. На его месте я бы быстро навел порядок. Не знаю ни одной родины, которую не спасли бы массовые расстрелы.

До склада добрался, еще не успев вдоволь навозмушаться. Склад оказался свежей постройки, раньше его тут не было – длинное сборное помещение с общей крышей и несколькими рядами ячеек-хранилищ шириной в десять футов и глубиной около двадцати. Вот в такой объем и вписывается на-

следие человека. Впрочем, если сейчас меня склонит пролетающий мимо птеродактиль, то материала и на такое помещение не останется.

Машину я, презрев правила, не стал бросать снаружи, а заехал на ней прямо в широкий проход между рядами камер и остановил кузовом как раз к искомой двенадцатой. Вылез, глушить двигатель не стал – я ненадолго, а с него станется обратно не завестись. С нашим везением только по грибы. Снял навесной замок, уже успевший тронуться ржавчинкой. Ну, что у нас тут?

Места и впрямь хватило с избытком. Большие и разные картонные коробки, несколько длинных деревянных ящиков вдоль стен. Мебель никто и не подумал приобщить к личному имуществу, и спасибо. Я бы тут намучился, кантуя неподъемные диваны и кресла ручной и далеко не самой тонкой работы местного столяра столетней давности, который из всех возможных стилей предпочитал монументализм. Старинный телевизор, огромный и пузатый как аквариум, бывший предметом большой дедовской гордости еще до тех пор, как он начал обзаводиться потомством. Нет уж, обойдусь. Это я и подниму-то с трудом, не говоря уже о том, что включать его в сеть следует через очень специальный трансформатор, которым и самим можно, как кистенем, глушить бегемотов.

Книги, которые я перечитал в детстве от корки до корки, увязанные в плотные стопки. Много хороших, надо при-

знать, на все времена и безо всякой претензии, в отличие от маминых джойсов и спенсеров. По сути, это все для меня и было заведено. Дед к литературе относился с подозрением, как и положено кондовой глухоманной деревенщине. Хэмингуэя держал полное собрание, но в основном из лирических воспоминаний, как однажды с ним подрался. А за упоминание постмодернизма от него можно было и по шее выхватить. Может, Фирзаила посадить на классику? Ему полезно будет узнать, по ком у нас тут звонит колокол. Ладно, пока не к спеху, будет нужно – еще раз заскочим.

Коробка с фотографиями, уложенными плотной стопкой. Даже переворачивать не буду, некогда сентиментальничать. Коробка с рукописями – или, вернее, широким ассортиментом тетрадей и пачек исписанной бумаги. Наследие моего прадеда, русского офицера, которого я сам не застал – он писал мемуары на неудобоваримых языках, причем английский хоть и знал, но полагал для своих целей малопригодным. Пускай фон попробует почитать, лично мне в последнее время боязно стало за внутричерепное давление, нагнетаемое избытком информации. Коробка с дедовскими курительными трубками. Среди них попадаются и дорогушие, в основном дареные. Мне ни к чему, да и образ жизни для них надо иметь соответствующий. Это сигаретку можно затянуть на бегу, а с трубкой как расчехлишься, так на час к месту приколочен. Коробка с бабкиными побрякушками – никогда в нее не лазил и сейчас не собираюсь. Шляпы. Вот

мой слауч с одним обвислым, а вторым загнутым к тулье полем. Вообще надо бы озаботиться касками для всей компании, но лучше взять то, что есть – не от пули, так хоть от солнечного удара. Забрал шляпу, нахлобучил. Для моих инородцев тут, впрочем, ничего нету – у одного башка слишком уж крупная, а у второго, наоборот, мелкая. Вот разве что дедовскую полевую кепку для Мика прихватить? Будет повод его пристрелить, если потеряет. Взял, закинул в кузов пикапа, не покидая комнатки.

Походные рюкзаки. Два больших туристических, с анатомической подвеской – мы с фоном ходили в тренировочный поход на неделю. Три разнокалиберных поменьше, включая отцовский тропический, привезенный из Вьетнама. В одном из больших – туго спеленутая палатка. О ней воспоминания самые неприятные – она всю жизнь продувалась и протекала, но дед упорно отказывался ее менять. Я ведь ему привозил новую, хорошую, но тут ее не вижу. Неужели выкинул? Ну, как бы то ни было, а на эту я не позарюсь, так что ее на груди коробок, а рюкзаки в кузов. Не хочу сейчас думать, какой пригодится больше, возьму все, а там определимся.

Дальше дело пошло веселее, поскольку нашлась одежда. Отцовский охотничий комплект легко опозналса по текстуре – он у нас один горячий поклонник мультикама. Для наших здешних зеленых лесов выбор, пожалуй, странноватый, но у него свои причины – когда тебя постоянно швыряет по миру, привыкаешь подбирать варианты более-менее

универсальные. Да и в лес он, как мне всегда казалось, ходит больше для души, воздухом подышать, никакого охотничьего азарта. Может, когда выйдет в отставку и затоскует по атакам и по смертям... а пока так, за компанию. Вот этот костюмчик я и прихвачу для нашего рыжего приятеля, должен налезть. Оранжевый охотничий жилет пускай останется на месте. Захочет обозначиться – пускай просто куртку задерет и пузо покажет, оно примерно такое же светоотражающее. Ботинки отцовские меньше моих, так что никому не пригодятся. А вот и мои вещички, которые я тут держу на случай, когда вдруг судьба неожиданно занесет. Жаль, совсем детские вещи давно повыкидывали,годились бы для эльфа.

Нашел неприметные маршрутные штаны с обилием карманов, пару футболок, пару курток – одну в том же кадпатовском окрасе, вторую в обычном хаки. Самое главное – стоптанные кроссовки, которые я всегда предпочитал тяжеленным берцам. Сразу и переоделся, а то костюм, снятый сдохлого парня – это, поверьте мне, вовсе не мило, все время такое чувство, что по телу незнакомые блохи бегают. А вторую куртку и футболку прихвачу для Мика, а то он своим гавайским обликом будет внушать встречным мысли неподобающие. Нам оно не надо. Самим встречным тем более.

От натертых ног сразу пришло горячее спасибо, и трофейные бейтсы я с наслаждением запулил в дальний угол каморки. Вот, так жить уже можно! Заодно стащил наплечную ко-

буру (старомоден я, да и пистолет ношу не современный легковесный, чтобы позволить ему перекашивать пояс) и тоже забросил в кузов. Все равно с разгрузкой ее толком не надеть. Пистолет пока пришлось запихать под ремень. Возьму еще дедовскую длинную штормовку, если ей подвернуть рукава – сойдет Фирзаилу за плащ-палатку. Его собственная роба разве что на неделе высокой моды шока не вызовет.

Несколько ножей, сваленных в отдельную коробку, я вынес в кузов прямо в ней. Там разберемся, какой для чего, ножу всегда применение найдется. В другой коробке нашлись все три дедовских револьвера – он почти сорок лет проработал геологом, им подобные штуки положены чуть ли не штатным расписанием. Самый старый – еще прадедовский веблей МК6 четыреста пятьдесят пятого калибра, прошедший Первую Мировую, моя первая и любимая игрушка. Для ребенка он был, конечно, неудобно велик и непомерно тяжел, да и, само собой, не заряжен, но удовольствия доставил просто море. Потом двадцать седьмой смит-вессон, вставший на вахту после дедова возвращения со Второй и оттрубивший почти тридцать лет, и последним в восьмидесятых годах появился ругер редхок. Первые два, хоть и выглядят ухоженными, довольно сильно изношены, а последний почти новый, из него и стрелять-то почти не пришлось – дед вскоре после его покупки вышел на пенсию, утратив привилегию, и дальше по лесам шастал исключительно с винтовкой, как все нормальные люди. Взять? А зачем? Рыжего нам есть, чем

оснастить, а мне и так неплохо. Нет, лишнего нам не надо. Это старый рюкзак можно выбросить, если деть будет некуда, а такая хорошая вещь пусть лучше в сохранности лежит.

Бинокль, старенький бушнелловский, безо всяких новомодных дрючек типа лазерного дальномерения, по степени потертости и качеству картинки – такое впечатление, что из времен отцовской службы во Вьетнаме. Значительно лучше, чем ничего, хотя вот его заменить придется при первой же возможности на что-нибудь поновее, с просветленными линзами и конской светосилой. Ситуации, в которых хороший бинокль ценнее любой винтовки, далеко не редкость. Это даже не в кузов, а в кабину, со всей осторожностью.

Ну вот и остались у меня неразобранными только большие оружейные ящики, самое, так сказать, вкусненькое. Сейчас я...

...сейчас я убью кого-нибудь, ответственного за сохранение таких важных вещей. Или просто кого-нибудь, кто подвернется под руку.

Два помповых дробовика двенадцатого калибра. Один двадцатого, на нем я стрелять учился. Одна, две, три, четыре винтовки. Три из них – времен второй мировой: немецкий восьмимиллиметровый маузер, путем немалых ухищрений вывезенный дедом при возвращении из Европы, наш местный «росс» с затвором прямого хода и местного же разлива энфилд №4. Им всем лет по семьдесят. Патроны под них еще выпускаются, но нет никакой гарантии, что первым же

выстрелом не разорвет уставший за годы ожидания ствол. И четвертая – словно в насмешку оставленный сэвидж в калибре 22—250 со скромной малократной оптикой. Достойная находка для того, кто собирается идти священной войной на хорьков и сусликов.

Вот вы, значит, как.

Невзирая на волну негодования, которая быстро и энергично поднималась в душе, ворота ячейки я аккуратно запер. Залез в кабину. Сделал глубокий вздох. Спокойно, Мейсон, спокойно. Не заводись. Вряд ли тут что-то пропадает с концами. Сейчас поедем, зададим пару наводящих вопросов, что-нибудь да отыщется.

Сдал назад, царапнув гипсокартонную стенку склада. Так вам и надо, ворюгам, я еще вернусь с гранатометом, если Мик его до тех пор не использует.

К тому моменту, как я добрался до комендатуры и выскочил на тротуар, успел немного отдышаться и успокоиться, так что дверь по-цивильному открыл, вместо того чтобы выбить вместе с рамой. И обратился к Деннису, чья лысина поблескивала за дальним столом рядом с курчавой макушкой Чарли, почти вежливо:

– Дяденька комендант, а вот вы не в курсе, какая (какая-то) (кем-то) (куда-то) (что-то) (еще и такая) (кто-то) (что-то) эти (какие-то) (кого-то), в смысле (кого-то), то есть, тьфу, винтовки?

А хорошо у них тут, знаете. Кофейком вкусно пахнет. Ай-

рин на диванчике как раз прихлебывала из небольшой фаянсовой чашечки. Красивая она, когда молчит и не дергается. При моем эпичном появлении она поперхнулась, выпучила глаза и, не удержавшись, с треском извергла мощный кофейный фонтан прямо перед собой, забрызгав конференц-зал аж до середины. Знаю, знаю, я неотразим.

Деннис укоризненно покачал головой.

– Ты б хоть девушки постеснялся, что ли.

– Девушка может мне... – ладно, постесняюсь запоздало. Прикинемся вменяемым, пока он не встал в отпорную стойку. – Много чего хорошего мне может сделать девушка, но на данный момент меня все же больше занимает озвученный вопрос. У вас тут что, отменили частную собственность? Куда делись винтовки, Деннис?

– Сам себе можешь всякого хорошего, – не преминула откликнуться девушка, кокетливо погружая нос в чашку.

– Нет, не отменили. Но кое на какие жертвы ради общего блага пришлось пойти всем, и Тедди, кстати, совершенно против этого не возражал.

– Вот не надо мне рассказывать, что старый бродяга проникся идеей добра и любви и раздал свою любимую коллекцию страждущим.

– Нет, конечно. Да и нужды не было. Пока он был с нами, он своим оружием сам распоряжался. Сам выбирал нужное, сам другим одалживал, когда надо. А вот после того, как его не стало, а наследники, желающие вступить во владение,

не объявились, я принял его вещи на баланс комендатуры. Чему применения не нашлось – то пошло на склад, а оружие, которое может нам тут пригодиться – в наш городской арсенал. У меня тут все по пунктам расписано, – Гламберг пошелестел бумагами на столе и вытащил один из листков. – Что, кому, куда. Как знал, что прибежишь всклокоченный, распечатал заранее. Можешь ознакомиться, можешь даже заявку написать на получение из арсенала обратно в частную собственность, имеешь право, но я тебе сразу отказ выдам, предупреждаю честно. Можешь обжаловать в Комиссии по Военному Положению, но будет одна морока.

– Почему это отказ?

– Да потому что приоритеты. Ты вот один... или не один, но тебя немного, да и черт тебя знает, кто ты такой – оставаться не собираешься, а к кому в конечном счете приберешься, это вилами на воде писано. Может, в бандиты подашься или вот как те парни, – Деннис очень выразительно махнул рукой, – Тоже бросишься отделять очередной кусок земли под свою личную конституцию. А у меня здесь больше тысячи человек, их защищать приходится от таких напастей, про какие в учебниках не пишут. Так что для меня как божий день ясно, что серьезное оружие нужнее в городском арсенале для общественных нужд, чем у тебя в багажнике для твоих частных. Это нечестно, согласен, но за людей я отвечаю, так что пусть будет нечестно, зато население в безопасности.

Приступ брызжания ака крик души ON.

Вот скажи мне, ты, кто мне такую судьбу прописывает – что за отношение к герою? Разве у популярных авторов не иначе? Разве их герои вынуждены мыкаться, отвоевывая то, что их по праву? Разве им не должны доставаться по поводу и без награды и бонусы, премии за каждого подстреленного, благодарности за каждого перееханного, одобрение за каждого стукнутого? Разве не находят они во вскрытых записках предметы исключительно нужные, отличного качества, в идеальном состоянии и люксовой комплектации? Разве представители грозных силовых и правительственных инстанций, которые не заведомые враги, не строятся к ним в очередь, дабы предложить без стеснения пользоваться их ресурсами, взамен же взыскую лишь чисто условной лояльности? Да и напарники героям разве не для того даются, чтобы поддерживать их метким огнем и отточенными навыками? Почему именно мне достались вот эти недотепы и нытики, которые на меня тарашатся с гадливыми ухмылками типа «ну что, съел»?

Приступ брюзжания OFF.

Пошли вы все. Сироту каждый норовит обидеть.

– Дай сюда, – потребовал я мстительно и выхватил у Дениса предложенный листок. Дежа вю. А что же я вспомню? Усмешку на гадком чиновном лице, свою неуклюжую спешку и глупую ярость в конце... И Федры не увижу. Какой такой Федры? Расиновской? Читал, не торкнуло. Откуда и зачем все это в башку лезет?!

– На здоровье, – откликнулся комендант издевательски ровным голосом и вернулся к прерванной беседе с Чарли. Тот ему, оказывается, перечислял своих родственников для поиска. Чтоб ты надорвался на такой работе, Деннис, тем более что это вполне реально – у мамыши Барнет сестер на целый церковный хор. И все толстые.

Листок, как оказалось, и впрямь содержал полный перечень всего, чего я не досчитался в на складе. Может, и не пропало ничего, кто их знает. Считать ли пропавшим то, что формально не потеряно, но не может быть немедленно получено?

Две винтовки триста восьмого калибра. Изъяты в пользу гражданского ополчения. Ну допустим. Решение разумное – патрон стандартный, с одних армейских складов им можно всю страну снабдить, даже не обращаясь к бесконечному коммерческому ряду. Лично я бы на них и не позарился – в этом калибре штурмовые винтовки интереснее болтовых охотничьих. Тридцать-ноль шесть, туда же. Пускай, на оленей я все равно не собирался. Винтовка двести двадцать третьего калибра – выделена для обучения начинающих. Разумно.

– Винтовка моссберг двадцать второго калибра, – зачитал я вслух. – Не подумай, что мне жалко, но что значит «ориентирована на нужды специального назначения»? Расстите спецназ с детского сада?

– Очень тихая, совершенно без отдачи, – охотно пояснил

Деннис. Кажется, мое проклятие начало сбываться, перечисление модельного ряда тетушек Барнет потихоньку лишало его кислорода. – На короткой дистанции точная. Очень много патронов. Очень дешевых. Все вместе – просто конфетка.

– И кого вы из нее стреляете? Крысы?

– Пойдут крысы – и их постреляем. А пока была всего одна оказия – через Зияние вывалилась целая лавина слизняков. Здоровых таких, ну, как для слизня-то, – Деннис показал мясистую ладонь. – Вот таких примерно. Мерзкие – жуть, и как-то добрались до крайних домов. Так вот их этими двадцать вторыми три дня выкуривали, очень их славно разрывало и лопало. Ну и так, по случаю, всякая мелочь иногда шмыгает – из нормального калибра ты весь поселок переполошишь, а этой чпокнул аккуратно и радуйся.

Отболтался, расхититель. Ладно, смотрю дальше. Винтовка калибра триста винчестер магнум, с оптическим прицелом Меопта, передана боевому ополчению в качестве эрзац-снайперской. Допустим. Да бог с ними, с этими разнообразными, я в них все равно не так чтобы хорошо разобрался, мне бы судьбу серьезных калибров прояснить.

Вот, пожалуйста: винтовка Ругер в калибре.416 Rigby. С такой уже и на слона можно, небось и гаракху она покажется неприятной. Куда делась? Передана на усиление патрульной группы боевого ополчения. Семидесятый винчестер калибра.375 Н&Н. Опять специальное назначение. То же по слизнякам? Большие должны быть слизняки, поболь-

ше коровы. Пятьсот пятый гиббс – специальное назначение. Шутят они, что ли? Уэзерби Марк V в четыреста шестидесятом – угадайте с одного раза.

– Много у вас, как я погляжу, специальных назначений, – заметил я негодуя. – Скажи честно, из этих специально назначенных хоть кто-нибудь пробовал стрелять гиббсом? Это ж плечо вдребезги, если не так взяться.

Деннис хмыкнул.

– У нас тут, знаешь, не Токио какое-нибудь. Люди крепкие, у многих охотничьего опыта больше, чем ты на свете живешь. А когда на тебя налетает скотина размером с грузовик, одним-единственным плечом пожертвовать бывает за счастье. Гранатометов-то нам армейцы не дают, да и стрелять иногда приходится в городе, аккуратность требуется.

– И много таких налетает?

– Пока всего несколько раз, но нам хватило. Пройдись, как рассветет, по окрестностям, погляди на два дома, которые одна животина снесла до фундамента. Теперь все эти слоновьи погребели у нас в арсенале наготове. А в руки их без нужды я не выдаю, не волнуйся. Вот когда вопрос безопасности будет так или иначе решен окончательно, сможешь их забрать в целостности и сохранности.

Когда вопрос будет решен, они мне, пожалуй, уже и не понадобятся.

– Хоть пулемет пока верни! Если бы я знал, что винтовок не найду, хрен бы отдал.

– И не проси. Я же не из вредности! Такие нынешние правила военного положения, меня с должности снимут, если кто-нибудь в Комиссию стукнет, и пойдем вместе на принудительные работы. Могу из арсенала штурмовую винтовку выдать, как обещал. Могу, ладно уж, одну из этих, со спецназначения от сердца оторвать. Надо оно тебе? Своего плеча не жалко?

Нет, своего не жалко, тем более что я не для себя, я все продумываю, чем наш рыжий БТР оснастить. Свинтил бы крупнокалиберный пулемет с армейского хамви, но вишь ты какое дело – все равно же отберут.

– Можешь мою взять, – Айрин пихнула винтовку, прислоненную рядом к стеночке. У нее ГЗ6, укороченная и с куцатым полуторным оптическим прицелом, пережившим даже Отстойник. Совсем неплохая игрушка... но, если готовиться к худшему, именно что игрушка. – Я отсюда пока что никуда двигаться не собираюсь.

– Или мою, – поддержал Чарли бездумно.

– А вот твою и возьму. На всякий случай. Давай патроны.

Я забрал у Барнета фалку, распихал два запасных магазина по брючным карманам и, напоследок посмотрев на Денниса взором, должным означать немой укор, направился на выход. Прямо передо мной дверь распахнулась, и в нее протиснулась пухленькая девица с обильной гривой криво подстриженных разноцветных волос и большущим, аппетитно пахнущим сдобой пакетом в охапке. Первая приятная встреча

за долгое время. И девчонка тоже ничего.

– Булочки? – спросилось как-то само собой.

– Круассаны, – так же машинально пискнула в ответ девица. Симпатичная такая, с ресницами и прочим одобряемым мною инвентарем, включая сильно близорукие голубые глаза. Плохое зрение встречных не порок, особенно когда ты так выглядишь, что нормально видящий человек инстинктивно шарахается. Даже причудливая окраска волос, от темнящего у корней через полный радужный спектр до подозрительно розового на концах, впечатления не испортила. Впрочем, целый пакет круассанов хоть кого симпатичным сделает.

– Пойдет.

Я сцапал пакет, который носительница отдала безропотно, и хлопнул за собой дверь. За ней раздались запоздалые звуки возмущения, но как бы не так. Запоздало сообразил, что хватать надо было не пакет, а всю девицу, но не возвращаться же теперь, испортив всякое впечатление. Вот вам, блин, виндикация. Будете знать, как мое наследство разбазаривать.

Приступ брюзжания сразу ON.

К тому моменту, как я добрался до места, где наш отряд разделился, солнце высунулось из-за озера примерно наполовину. Хоть эта славная традиция осталась без изменений. Но вот света с собой наше бессменное светило притащило отнюдь не полную норму – словно бы где-то между ним и многострадальной нашей планеткой вставили гигантский фотохромный фильтр. Видно-то оно видно, и желания включить фары не появилось, и все же мозг упорно отказывался принять существующую картинку как данность. Один-единственный раз я видел подобное – когда мы однажды ввязались в довольно неуклюжую перестрелку в самый разгар солнечного затмения. Позорище вышло еще то. Цели из-за ухудшившейся видимости воспринимались как находящиеся гораздо дальше, чем на самом деле, и в результате на протяжении пары минут две группы сосредоточенных идиотов посылали пули над головами друг друга. После чего в полном взаимном согласии оставили это неблагодарное дело и разбежались, безмолвно договорившись больше никогда не встречаться и не вспоминать об этом позорном казусе. Но сейчас это может оказаться (и, скорее всего, окажется) одним из необратимых последствий нашего долгожданного апокалипсиса. Ой, как нехорошо-то. Если только не окажется-

ся, что это дефект, свойственный конкретно рассвету (видывал в разных краях и такие странности), как бы не пришлось по-новой учиться стрелять.

От мрачных мыслей отвлекал одуряющий запах свежей выпечки. За всей этой суетой уже и забыл, когда ел нормально. Не утерпел до воссоединения, выудил круассан – большой, мягкий, еще горячий. Пекарня тут всегда была, но не помню, чтобы выдавала такие вкусности, а то бы я сюда приезжал почаще. Дома у нас с этим уныло, тем более что я обычно сплю до тех пор, пока свежая утренняя выпечка не зачерствеет, а Мик упорно предпочитает вкусному странное. Откусил сразу половину. Ух ты, еще и с шоколадной пастой внутри. Вот и зрелая мысль – если с намеченной деятельностью не заладится, буду подсиживать Денниса и баллотироваться в коменданты. Лениость моя велика, но если ему каждое утро такой пакет доставляют, я как-нибудь ее пересилю. Наведу порядок, пресеку расхищения, развешаю на столбах тех, кто мусорит. Соберу себе личную гвардию из девиц приятной наружности, введу голые вторники. Халвщиков из сообщества повыгоню либо заставлю заниматься общественно полезным трудом – например, возводить заборы, обтягивать их колючей проволокой и подводить к ним электричество. Кто совсем безрукий, будет заряжать аккумуляторы, накручивая педали динамо-машины. Хотя Британская Колумбия, где по словам Гламберга обосновались силы вторжения, довольно далеко отсюда, но не стоит недооце-

нивать стремительность выпускников Шао-Линя. Кроме того, как подсказывает практика, в объятom войной государстве внешний враг – далеко не самый опасный. Пока в стране хватает ресурсов на поддержание стабильности, она сохраняет цивилизованный облик и даже признаки благополучия, но как только расходы на ведение боевых действий поглотят открытые резервы и начнут выжирать в бюджете дыры, начиная, само собой, с программ социальной направленности, стратегически наименее ценных... В любом случае, забор под напряжением никогда еще не вредил. Вот превратится поток подлежащих обустройству культурных беженцев в неудержимый вал оголодавших и озлобленных люмпенов – тут-то он и пригодится.

Приступ брюзжания на какое-то время OFF.

Кажется, как раз доехал, где-то здесь мы с компанией разбежались. Вон с того холма я разглядывал проезжающую колонну... забыл спросить Гламберга, что это за ребята тут по ночам катаются. Да много всего спросить забыл, или не успел, или даже не додумался. Слишком много удивительного появилось в мире, чтобы быстро ориентироваться.

Пикап я приткнул к обочине и для начала постучал по клаксону, вспугнув ревушим гудком стаю птичек из ближайшего леса. Посидел, подождал. Покидать машину решительно не хотелось. Это у других все как у людей, а у меня и тут сопрут, даром что глухомань. Нет людей – угонят йети, пришельцы из Отстойника, чрезвычайно развившиеся мест-

ные бобры и еноты... Тем более барахла полный багажник – не ахти какого ценного, но больше-то и нет ничего, и неизвестно, будет ли. Вот не могли эти трое сесть на пенек в двух шагах от дороги!

Видимо, не могли. Надо было это специально оговаривать – мол, шаг в сторону считается попыткой к бегству, прыжок на месте провокацией. Ищи их теперь.

Двигатель пришлось выключить. Найду я этих путешественников, никуда не денутся, а если пикап опять не захочет заводиться – будут его толкать хоть бы и до самого поселка. Из багажника забрал рюкзачок средних размеров, затолкал в него набранную для контингента одежду и вождеденный пакет с круассанами. Пришлось проявить чудеса выдержки, чтобы все самому не схомячить. Дробовик тащить поленился, оставил в кабине, а вот винтовку взял, откинул приклад, проверил патрон в патроннике и закинул за плечо.

Следы долго искать не пришлось. Наш крупный рыжий приятель весом не уступает небольшому трактору, так что следы от его шлепанцев на мягкой лесной почве остались надолго. По ним я забрел в перелесок, обнаружив место временного привала как раз там, где ему и надлежало быть – в двух минутах от шоссе, достаточно глубоко, чтобы деревья прикрыли от проезжающих, и достаточно близко, чтобы быстро вернуться. Тут они присели, вот отпечаток капитальной обезьяньей задницы под большим кедром, в двух шагах на вылезшем из земли корне сидел Мик, после него остались

три глубоких следа: от ботинок и поставленного между ними автоматного приклада. От эльфа не осталось ничего, он бы и пляжный песок не продавил. Сейчас окажется, что подул ветерок и его сдуло, а остальные два разгильдяя до сих пор его ловят. По крайней мере, следы уводили со стоянки прямо на восток, в сторону озера. И в сторону той самой пещеры с порталом, через которую мы сюда выбрались. Уж не собрались ли они дезертировать, будучи смущены... чем? Представить, что может смутить фон Хендмана, я не смог. Вот эльф вполне мог и передумать ходить у нас в друзьях, соскучиться по дому. Не могу его осуждать, первое впечатление совсем не задалось.

Как бы то ни было, а идти за ними следом придется. Я на всякий случай снял винтовку с плеча, навернул ремень на левый локоть, чтобы создать упор, и припустился по четким и глубоким колеям обезьяньих следов. Невзирая на нешуточные габариты и широкий, размашистый шаг, намекающий на торопливость, двигался он легко и непринужденно, никаких поломанных веток и сбитых деревьев за собой не оставляя. Тамошние их леса я повидал только мельком, но вполне возможно, что в их краях подобная аккуратность сама собой прививается, как жизненно необходимая.

Минут через пятнадцать лесок кончился, и я выскочил на открытое пространство. Следы вели дальше на восток, где уже виднелось поблескивающее зеркало озера – на первый взгляд, очень далеко, на пределе зрения, но я не зря припом-

нил, что в потускневшем мире подобные критерии не очень точны. Может быть, до него полмили, хотя в нормальный солнечный день видно было бы гораздо дальше.

Перестав опасаться столкновений с деревьями, я перешел на легкую экономичную трусцу и довольно скоро был вознагражден за старания, обнаружив своих потеряшек. Как ни странно, первым на глаза попался эльф. Я его сперва принял за дистрофичную старушку в тоскливом сером платье, потерянно мнущуюся на краю обрывистого берега. Того гляди сиганет с кручи, отчавшись дожидаться из похода своего викинга. На мое приближение Фирзаил внимания не обратил. Зря их народу приписывают небывалую наблюдательность – я уже мог рывком до него добраться и по уху щелкнуть, когда эльф изволил меня заметить. Видок у него был откровенно пришибленный. Ну и ладно, хотя бы живой и даже в сознании. У ног его валялось отрядное имущество – два рюкзака, гранатомет и «калашников» с пулеметным бубном. И остальной персонал нашелся, даже больше, чем надо – внизу, у воды, рядом с наполовину вытащенной на песчаную отмель зодиаковской надувной лодкой приличных размеров. Ни дня без приключений, да? Трое новоприбывших, облаченные в штормовки и зюйдвестки, с понурым видом сидели рядком на берегу, подальше от воды. Наш обезьян со своей придурковато-дружелюбной ухмылкой восседал на корточках между ними и лодкой, резких движений не делая, но каким-то образом не оставляя сомнений, что оторвать голову

любому нарушителю спокойствия ему не в тягость. Мик обнаружился в самой лодке, хотя что там делал, я так и не понял. Кажется, примеривался к ведру с наживкой, и я боюсь даже предполагать, с какой целью.

– И чем это вы тут занимаетесь? – спросил я грозно.

Рыжий заулыбался уже персонально мне. Надо бы все-таки освоить его язык. Хотя бы несколько слов, желательно обидных, чтобы сбить с него эту блаженную гримасу. Раздражает невероятно – такое впечатление, что он секрет счастья знает и нарочно не делится.

– Защищаемся, – исчерпывающе ответил фон.

– Зачем вас вообще сюда понесло? Я где сказал ждать?

– Мелкому парню поплохело, а воды мы заранее набрать не догадались. Вот и пошли сюда, а тут на нас вот эти покусились.

– Мы не покушались! – каркнул один из троих унылых жалобно. – Мы на рыбалку вышли, а к берегу приняли, чтобы поздороваться и спросить, не надо ли чего.

– А потом стали тыкать в нас оружием.

– Потому что этого увидели и перепугались! Думали, он чудовище с той стороны.

Если не углубляться в разбирательство, что есть чудовище и чем оно отлично от иных видов существ, понять этих деятелей можно. Куда сложнее понять, за каким чертом они принялись высаживаться на берег, вместо того чтобы пристрелить это самое чудовище с безопасной дистанции. Боль-

шая наивность, обернувшаяся самым неприятным образом.

И что с ними теперь делать?

– Он не чудовище, он правильный чувак. Это прояснили?

– Очень даже четко, – прогудел другой рыбак, задрав ко мне физиономию, украшенную здоровущим кровоподтеком. – И драться было вообще необязательно. Мог бы просто сказать, что свой. Мало ли, что волосатый, мы бы поняли!

– А мог бы, с другой стороны, и насмерть прибить.

– Да это не он! Это вон тот!

Мик довольно ослабился. Да, фонарь славный, как раз в его стиле. Когда-нибудь разработают новую отрасль криминалистики – кулакоскопию, и она подтвердит, что по синяку отлично можно распознать поставившего его автора.

– Его вы тоже за чудовище с той стороны приняли?

– Сперва нет, а теперь уж и не знаю, – пострадавший демонстративно пощупал морду и преувеличенно ахнул. – Слышь, друг, ты им скажи, чтоб лодку вернули! Она одна у нас, нам рыбу ловить надо, как без нее?

– Ты глянь, Мейсон, – Мик нагнулся и поднял из-под ног длиннющее ружье, не ружье – но какое-то примитивных обводов громадное пуляло с магазином, примкнутым сверху. – Вот с чем нынче рыбу ловят.

– Это не рыбу! – загалдели рыбаки хором. – Это от плавучего гада!

– А ну молчать! – скомандовал фон. Видимо, предварительную воспитательную работу он уже успел провести – гал-

деж мигом стих. – Тоже мне, «от плавучего гада». А в меня из него зачем было целиться? Что во мне наводит на мысль о плавучести?

Мужики помялись, затем битый смущенно признался:

– У тебя базука. Мы ее прибрать к рукам подумали... опять же на того плавучего гада. Он, скот ненавистный, обалдеть какой огромный, на него и «бойса», того гляди, не хватает, тем более в нем всего два патрона.

А, так вот это что за монструозное уродище – противотанковое ружье времен Второй Мировой. Не узнал, богатым будет. Может, отобрать для рыжего? Да ну, ради двух патронов не стоит карму портить.

– Базуку мы вам не отдадим, – постановил я, устав мяться. – Самим пригодится. Лодку забирайте, но имейте в виду, вам в этот раз крупно повезло. Случись я с ними, перестрелял бы вас прежде, чем вы свою бандуру развернете. Мик, вынь из нее патроны от греха и положи отдельно.

– Уже, – фон пнул ведро, в котором копался, когда я пришел. – Все тут.

– Вот и ладно. Встречу на Эльбе объявляю закрытой. Залезайте сюда, а вы, морские волки, валите на свой промысел. И имейте в виду, что этот наш рыжий и ему подобные, какого бы цвета ни были – друзья человечества. Таких не стрелять надо, а подкармливать при случае.

Мужики с великим облегчением подобрались с песка и полезли в лодку, а я переключил внимание на эльфа.

– Тебе, говорят, плохо стало?

– Я сделал открытие, которое нарушило мое эмоциональное равновесие, – ответил Фирзаил скучным голосом. Наверное, так нарушило, что еще не восстановился.

– И что это за открытие? Запоздало проникся интересом к большим сиськам?

– Я ведь упоминал, что мой мир умирает, потому что истощил магический потенциал?

– Да, было что-то такое.

– Магическое Плетение, пронизывающее все сферы, в нем ослабло до крайности, – эльф театрально развел руками. Сдается мне, пока те двое внизу общались с местными, он в уме репетировал свое будущее выступление. – Вплоть до того, что им уже не мог воспользоваться каждый, хотя изначально, во времена незапамятные, магия была естественным фоном и для ее применения нужно было всего лишь родиться эльфом. К тому моменту, как я начал осваивать науки, только квалифицированный специалист мог нащупать истончившиеся нити Плетения и использовать их для создания заклятий. Потому, когда я впервые переступил границу мира и оказался там... – опять неопределенный, но вполне понятный жест, – я был просто поражен мощью и отзывчивостью волокон Междумирья. Это было грандиозное ощущение, и мысль о том, что моя родина по сравнению с ним в бедственном положении, немало меня мучила. Но теперь, когда я оказался здесь, в вашем мире...

Фирзаил закатил глаза и взял драматическую паузу. И держал ее, держал и держал, пока Мик не выкарабкался из-под обрыва. Я даже начал прикидывать, не окончен ли уже рассказ. А чего? Мало ли, что он без ярко выраженного конца. Нынче и авторы, и издательства, и кинопродюсеры – все страсть как любят открытые финалы. Или хотя бы странные, в духе Гайнакса.

– ...Я внезапно понял, что значит «гораздо, гораздо, несравненно хуже», – выпалил эльф стремительно, словно опасаясь, что мы на него набросимся и заткнем рот носками, пока не выболтал всю правду. – Счастье ваше, что вы не способны воспринимать Плетение так, как я! Потому что тут оно не то что ослаблено, а низведено до практически полного небытия!

– Не было такого, – немедленно возразил Мик. – Ничего мы не низводили... и не укрощали. Так всегда было.

– Да какая мне разница, было ли так всегда или стало только теперь? Поймите простую вещь: я специалист по магическому искусству, единственная причина, по которой я здесь нахожусь – это намерение решить при помощи доступных мне навыков некоторые из проблем этого мира. Но мои навыки полностью, подчистую, абсолютно неработоспособны без соответствующей среды, то есть этого самого магического Плетения! И что хуже всего – без доступа к Плетению я даже не могу этот мир покинуть, ведь мне нечем активировать портал или открыть собственный переход!

Мы с Миком переглянулись. Надо же, как этого худосочного зацепило, он хлипкие свои ручки заламывать начал. Обезьян тоже вылез из-под откоса и присоединился к группе, но от его дежурной лыбы хмурый день светлее не стал. Наверное, мало тренируется.

– А как же все остальные порталы открывают? – поинтересовался я.

– Какие остальные? – эльф недоуменно захлопал глазками.

– Нормальные остальные. Все, кто из нашего мира туда лазил, если верить рассказам Эла, чуть ли не с начала времен. Да и сам он нам фокусы показывал, огонек зажигал прямо в воздухе. Как это можно без вашего плетения?

– Ну, огонек! – Фирзаил негодуяще фыркнул, словно я прервал лекцию по квантовой физике вопросом насчет таблицы умножения. – Для огоньков много не надо.

Он проделал неприятный прядущий жест своими паучьими пальчиками, и внезапно на краю обрыва с тихим шипением возник костер. Не крохотная, сравнимая со спичечным огоньком вспышка, какими нас забавлял Хранитель, а здоровенный клуб пламени футов трех в диаметре, моментально обугливший траву и вызвавший возбужденный галдеж снизу, с отчаливающей от берега лодки. Бедолаги, наверное, решили, что мы в них из гранатомета шарахнули.

– Огонь – это базовая реакция окисления, исполняется любым недоучкой на одном, самом захудалом волокне, –

снисходительно объяснился эльф, еле заметным щелчком пальцев в пространство ликвидировав безобразие. – Сделайте одолжение, траву затопчите. Но как открывают порталы? Действительно, я не подумал о прецедентах... это операция сама по себе несложная, но минимум на четырех волокнах в трех или более тональностях, а здесь сейчас я больше двух сразу не могу...

Видимо, лица у нас были не слишком понимающие, так что Фирзаил нервно потряс кулачками.

– Представьте себе, что магическое плетение – это... ну, пусть это будет вода, вот как в этом море.

– Это озеро.

– Называйте как вам угодно. Мой мир когда-то был полон насыщенного плетения... сам мог считаться водоемом – как, должно быть, и ваш, ибо базовые их структуры подобны. Но теперь мой мир подобен пересыхающей луже, и чтобы добыть глоток воды, приходится поползать на животе по земле. Однако всегда можно найти впадину и, проявив терпение и изобретательность, нацедить из нее сколько нужно. Ваш же мир... возьмите тряпку, намочите ее в озере, а потом несколько часов выкручивайте. Для того, чтобы сотворить воздействие, вам нужно выжать несколько капель воды. Наверное, где-то в глубине тряпки еще осталось немного. Но моих сил, чтобы ее выжать, просто не хватает.

Хорошо объяснил, образно. Но что теперь? Мы бы, может, и расчувствовались и отпустили его на все четыре стороны,

но куда он пойдет, если к себе вернуться все равно не способен? Не бросать же его тут одного, даже если он бесполезен? Тем более что видали мы ребят и более бесполезных – этот по крайней мере огни бодро зажигает, а если его слегка подучить актерскому делу по школе Чехова, можно будет на Бродвей пристроить. Не уверен, что общественность охотно променяет на такого заморыша образ Хью Джекмана, но есть ведь и другие роли. Зловещие викторианские дворецкие, престарелые гоблины, уродливые мутанты из пораженных радиацией пустошей.

– Нашел о чем париться, – заявил и Мик, который обычно мыслит в том же ключе. – Я тебе так скажу: главное в драку связаться, а там видно будет. Вот окажешься перед дырой в мироздании, так и сам не успеешь понять, откуда что выжалось.

– Если меня не сожрет то, что оттуда вылезет! Ведь единственный известный мне способ самозащиты тоже, как можно догадаться, магический.

– А вот это предоставь нам. В плетениях мы не сильны, но морды сворачивать умеем безо всякой магии.

Не то чтобы решили проблему, но пока хватит и того, что эльф самоубийства не затеял. Станется с него. Эти нервные тощие, вопреки жизнелюбивым толстякам, постоянно ищут какой-нибудь дурацкий повод всем вокруг жизнь осложнить. Плетение, видите ли, у нас пересохшее. Тоже мне, нашел трагедию.

Лучший способ отвлечься? Правильно, пожрать.

– Раздобыл немножко вкусенького, – объявил я, закрывая тему, и стащил со спины рюкзак. – Налетайте, и пошли к дороге. Машину раздобыл, ребят пристроил, новостей таких наслушался, что они пока что не желают в общую картину утрамбовываться. Прикинь, Мик, прошла не неделя, а десять месяцев!

Фон выудил из пакета круассан, запихнул целиком в пасть и легкомысленно пожал плечами. Он за временем вообще особо не следит. За квартиру ему платить не надо, у его однокомнатной халупы в Сан-Франциско аренда фиксированная, так что автоплатежи и без гвоздей, а когда куда выдвигаться – всегда Мейсон помнит.

– Ничего удивительного в этом нет, – меланхолично сообщил эльф. Он тоже достал круассан, но смотрел на него с подозрением – тут понюхает, там присмотрится, и на его сероватой физиономии все отчетливее проступало оскорбительно-брезгливое выражение. Словно дохлую крысу ему дали или, скажем, говно на палочке. – Мы ведь отправлялись не из соотнесенного яруса.

– Объяснись-ка?

Фирзаил сморщился уже как чернослив – то ли от моей тупости, то ли от подношения. Да что ему не так? Вкуснейшая же штука!

– Право же, объяснить это... трудно. Потому что с одной стороны – предельно просто и понятно даже самому прими-

тивному... а с другой стороны, вы и на самого примитивно-го не со всякой стороны... Время – практически единственный однонаправленный вектор во Вселенной, и течение его однородно для каждой группы миров. Междумирье из его течения исключено в силу своей уникальной позиции – вне времени, вне пространства, вне всего. Однако время относительное есть даже в нем, войдя в него и выйдя обратно, ты всегда выйдешь позже, чем вошел. Простите, я чувствую себя лишенным разума проповедником, вещающим для при-морских валунов, меня это сбивает с мысли.

– Ты не ругайся, ты объясни, почему время растянулось.

Обезьян предубежденностью эльфа не страдал – он таскал круассаны один за другим, закидывал в рот и перемалывал с откровенным удовольствием. А ведь на него и правда не напасешься. Так что, пока Фирзаил собирался с мыслями, я убрал похудевший пакет из-под носа рыжего, вытряхнул из рюкзака ком одежды, подобрал мультикамовский набор и сунул ему в руки. Главное, чтобы догадался надеть, а не жрать. Впрочем, при всей своей благости на умственно отсталого он не похож – должен разобраться.

– Время не растягивалось, – в голосе эльфа прорезалось подлинное отчаяние. – Оно вообще не способно... в высшей степени ригидно... не путайте меня! Условность течения времени в Отстойнике обусловила четкую зависимость в соотношении внешнего временного потока с позицией относительно слинкованного уровня. Если войти и выйти, вре-

мении вовне пройдет ровно столько, сколько почувствуешь. Если вести себя неосмотрительно, есть риск попасть в зоны с аномальным течением времени – бывают такие узлы, упрятанные, так сказать, с лицевой поверхности вышивки на изнанку. Бывают случаи, когда после многих субъективных лет там обитатель плана возвращался к себе и обнаруживал, что прошло несколько минут с его ухода, и обратные, когда несколько часов там оборачивались годами вовне. Переход между ярусами Междумирья сам по себе не является гарантией потери времени, если пользоваться им надлежаще. Но в нашем конкретном случае мы *вышли в ваш исходный мир* из другого яруса, слинкованного на другие миры с другим порядком течения времени. Как оказалось, с порядком более интенсивным. Логично, что финальный переход выбросил нас гораздо дальше по временной шкале, чем ожидалось.

– Ничего не понял, – пожаловался Мик.

А до меня вроде бы дошло, хотя не рискну уточнять, опасаясь спровоцировать у эльфа инсульт. Теорема Пифагора. Из мира в Отстойник – катет, из яруса Отстойника в другой ярус – катет, а вот между концами катетов длинная гипотенуза.

– А вот прямо там ты не мог этого объяснить? Чтобы мы не таким окольным путем выбирались, а нормальным, не теряя времени?

– Я бы непременно постарался, если бы только допускал

мысль, что вы настолько некомпетентны! Мне и в голову не приходило, что высокоразвитые существа могут не знать таких элементарных вещей.

Вроде и высокоразвитыми назвал, а все равно обидно как-то получилось.

Рыжий вновь огрел меня по плечу – к счастью, на этот раз по левому, еще не отбитому в хлам. Указал на озеро. Мужички на лодке, хотя и начинали отваливать на веслах, при виде нашего фейрверка решили прибавить ходу и запустили тархтүчий движок, доселе мертвым грузом болтавшийся у них на корме. Теперь их тащило бодро и энергично, они заметно осмелели и даже, кажется, норовили показать нам обидные конструкции из пальцев – накрыла, стало быть, эйфория от просвистевшей мимо пули. Да и ладно, плевать на них, вот разве что при следующей встрече Мик им снова воспитательных лещей выпишет. Но рожа обезьяна ощутимо напряглась, даже вечная ухмылка превратилась в опасный оскал, хотя ничего предосудительного...

Сонар у него, что ли, встроенный?

Я до последнего момента не понимал, на что он указывает. Лодка вдруг споткнулась, словно налетев на полной скорости на риф, зарылась носом в совершенно гладкую воду и высоко вскинула корму с трещащим мотором. На краткий миг вместо ровного звука бурлящей воды завыл раздираемый лопастями воздух, а потом лодка плавно ушла под воду, словно уродливый лифт, вызванный на дно. Знаем мы такие лодки,

утянуть накачаные воздухом баллоны напрямую под воду – задача нетривиальная, хоть бы и тонну груза ей к носу прицепи и брось за борт – она еще долгонько будет бултыхаться на поверхности. А тут канула с концами, только по воде пошли круги, затем вырвался гигантский пузырь воздуха, очевидно, из лопнувших баллонов. Затем лодка вернулась. То, что ее утащило на глубину, разжало хватку, и теряющая форму посуда выбросилась на поверхность, подлетев в воздух на несколько ярдов. Передней части у лодки уже не было – висели одни неопрятные лохмотья, как будто огромная пасть выгрызла нос за один мощный азартный укус. С лодкой вылетел из воды и один из злополучных рыбачков. В верхней точке полета он отцепился от снастей, за которые дотоле судорожно хватался, пролетел еще футов на пять вверх и без звука рухнул обратно на воду. Ни собраться, ни даже завопить не успел, кажется, был уже без сознания. О поверхность воды его шмякнуло плашмя с таким звуком, что стало ясно: вдребезги. Вода, если на нее вот так плашмя, потверже бетона покажется... бррр.

Остальные двое даже и на поверхности не появлялись, зато из глубины неспешно всплыл и принялся расплзаться внушительный кровавый клуб.

Елки-палки. Прокормили семьи, нечего сказать. Надо тех толстых предупредить, чтобы деду слушались беспрекословно и не залупались на этого озерного, по крайней мере пока их радиоактивный паук не покусает.

Мик сразу нырнул за «армбрустом», лихо его подцепил и забуксовал, озадаченный его конструкцией. То-то и оно, из такой штуки не всякий еще выстрелит, надо разбираться в устройстве. Да и в кого стрелять? Прямо в воду? На поверхности ничего, кроме тяжело брякнувшейся изорванной лодки, не наблюдалось – капитан Немо свое дело знал туго, поднимать перископ не торопился. Сложно мне поверить, что это могло сотворить живое существо, даже после того, как мои представления о возможностях живых существ были безжалостно расширены.

– Есть желающие, гм, попытаться извлечь пострадавшего? – поинтересовался я через силу, скорее для того, чтобы нарушить зловещую тишину. Кто-то тут порывался мир спасти, вот она и хорошая точка для старта. Заодно и потенциальных самоубийц выявим.

– Не стоило им пользоваться грохочущей частью, – безучастно откомментировал эльф. Его, кажется, произошедшее ни в коей мере не впечатлило. – Многие крупные хищники болезненно реагируют на добычу, которая слишком активно себя обозначает. Это я сообщаю на тот случай, если вы и этого не знали.

– И насколько крупным может быть такой хищник? – уточнил Мик встревоженно.

– Я не ксенобиолог, если позволите. Существа, населяющие Междумирье, весьма разнообразны, не связаны общими биологическими признаками и соответственно не огра-

ничены какими-либо фундаментальными законами происхождения видов. Бескрайний континуум может себе позволить бесконечное количество непересекающихся экосистем. Разумеется, самые большие из обитателей Междумирья попросту не способны протиснуться через пробои пространства. А у многих во Внешних Мирах возникнут дополнительные сложности. Например, в этом мире с его деградировавшей магосферой не способны выжить те, чьи тела помимо стандартного анатомического устройства подкреплены магической компонентой. Летучие, например, по методу левитации. Хотя вот плавучие, сдаётся мне, устроились неплохо, буквально как... гм... как рыба в воде. Не знаю, однако, сколько сможет выдержать тело экстраординарного размера без магических скрепов, ведь физика и биология неумолимы.

Ох он и трепло. Куда там в актеры – надо его в политики пристраивать. Долго, сочно и с искренней вовлеченностью рассказывать о том, насколько ты ничего не знаешь – в их среде навык чрезвычайно востребованный.

– Очевидно, что в данном случае существо ограничено размерами водоема, – закончил Фирзаил лекцию очевидным выводом. – Но, насколько я вижу, это мало помогает сделать выводы, так как практически не ограничивает допускаемых вариантов.

– А просто «не знаю» сказать было не судьба?

– В культурных слоях, к которым я близок, подобное по-

ведение расценивается как крайняя и ничем не извинимая грубость. Когда твоим мнением интересуются, ты должен ответить наиболее полно и информативно.

– Теперь понятно, почему вы войну за написание буквы профукали. Если разведчики в такой манере докладываются, о какой оперативности может идти речь?

– Вообще-то в подобной манере докладывались разведчики обеих сторон, и причины, по которым одна из сторон одерживает верх в военном конфликте, в нашей истории крайне редко связаны с оперативностью. Только дикие звери берут, – эльф со значением указал пальчиком на озеро, – лихим наскоком. Существа цивилизованные ведут свои партии вдумчиво и всесторонне осмотрительно.

– А если бы ты шустро не завопил, что ты друг, я бы тебя еще там прикончил.

– Справедливо. И мне давно уже кажется, что эта поспешность ныне выходит мне, как у вас почему-то говорят, боком. Смерть – необратимый и трагичный финал, особенно для лишнего необходимости умирать, но выражение «участь хуже смерти» внезапно открылось передо мною в жутких подробностях.

Это он еще миковой стряпни не пробовал. Ничего, закалим длинноухого, разоведем инстинкты и рефлексy, вернется на историческую родину таким мачо-эльфом, что все ушастые девахи его будут. Или нет. Может, у них там как раз такие рассуждатели считаются за наиболее завидную партию?

У нас тоже есть такая доктрина, под условным названием «зануде проще уступить, чем отказать».

– Оно оттуда до нас не доберется? – продолжал между тем Мик. Совсем ему не идет такая настороженность. Он у нас обычно движущая сила всех необдуманных акций.

– Если это вопрос ко мне, то, – Фирзаил покосился на меня, тяжело вздохнул и с явным усилием выдавил: – Не знаю. Простите. Извините. Виноват.

– Может, тогда пойдем отсюда потихоньку? – внес я предложение.

– Да ты чего, Мейсон! А вдруг оно вылезет? Тут мы его и жахнем!

Ах, вот он чего стойку делает. Ну да, его хлебом не корми, дай с чем-нибудь новым подраться. Размеры его не смущают. У него свои понятия об адекватном поведении: не стыдно сбежать от превосходящего в силе противника, вопя в ужасе и сверкая пятками, но разойтись, хотя бы не попытавшись схлестнуться – признак потери боевого духа, что в боевых искусствах автоматически влечет за собой дисквалификацию.

– Мы не будем его жахать. Нам скорее всего не хватит одной гранаты. Да и ума немного надо проявить. К зиме его отловить – мяса на всю страну хватит.

– Он лодки ест. Не думаю, что на такой диете вкусные окорока нагуляет.

Обезьян снова потыкал меня в плечо. Да я ему на руки

мешки с ватой в конце концов надены, а то он меня инвалидом сделает! На этот раз он рапортовал о готовности – костюм надет, задание выполнено. Штаны оказались слегка тесноваты, хотя у отца ноги отнюдь не как соломинки, куртка в верхней части вовсе не сошлась – зацепилась только самая нижняя застежка на брюхе. Хорошо хоть, рукава широченные, не полопались сразу по всем швам. Собственную одежду, напоминающую не то рубище узника фашизма, не то заношенную пижаму, рыжий снимать не стал, так что из-под куртки торчала теперь небрежного покроя майка. Не скажу, что видок стал сколь-либо приличным, особенно учитывая огромную башку, отливающую в нынешнем приглушенном освещении багрянцем... Но, будем считать, сделан первый шаг на пути к новому имиджу. На голову при крайней нужде соорудим арафатку из скатерти или простыни. Руки вот еще... они тоже предосудительно красные, к тому же по самые костяшки заросшие плотным волосом. И ноги. Трудиться над тобой и трудиться, безымянный ты наш. Нет ли в окрестностях незанятых имиджмейкеров? Ох, это вряд ли, в такое непростое время они нарасхват будут – ведь каждому, кто постоянно светится на публике, придется удвоить усилия, чтобы бледным не выглядеть. Может, его хотя бы покрасить в масть, не вызывающую у окружающих политкорректного ступора? Или права была Айрин – его достаточно из самой Канады вывезти, чтобы по всему остальному миру в нем без малейших сомнений начали опознавать

местного выходца?

– Дьявольски красив, – признал я на всякий случай, пока он опять меня колотить не начал. – Вы тоже можете приодеться, господа диспутанты. Но давайте все-таки сперва отойдем подальше, а то вдруг этот водоплавающий все-таки на берег полезет. Собирайте вещи и двигаем.

Эльф так и не решился попробовать круассан – держал его в отставленной руке, словно потенциально опасное вещество. Пока парни разбирали мешки и вооружение, я поманил Фирзаила за собой и задал три самоочевидных вопроса:

– Чем тебя подобная еда не устраивает? Какая устроит? И если не устроит никакая, то сколько ты протянешь?

– Не надо на меня давить, – важно, с достоинством ответил эльф. – Я уже не раз вынужден был переориентироваться на незнакомые продукты питания, и никогда еще этот процесс не был безболезненным. Как минимум я всегда проводил анализ предлагаемой мне пищи при посредстве все того же магического плетения, к которому в данном случае доступа не имею. Так что пытаюсь определить продукт хотя бы теми органами чувств, которые еще функционируют.

– А на вкус не попробуешь?

– Вкус значения не имеет. Вещества, совершенно непригодные в пищу, способны быть чрезвычайно привлекательными на вкус. Я вижу, что вы едите это без колебаний, но то, что полезно вам, может быть непригодно, вредно или даже смертоносно для моей весьма деликатной системы пищева-

рения.

Вот как с ним дело иметь, а? Я и не подумал как-то, ангажируя его, о таких деталях. То есть мысль мелькнула, да и ушла, ибо самая жуткая из известных мне гастрономических девиаций – это веганство, а непереносимость лактозы Мик, например, до сих пор считает шуткой на троечку.

– Если это поможет, то это готовится из муки... зерен... из растертых или... гм.

Я почти уверен, что круассаны не растут на круассановом дереве, но как выясняется, и никакой серьезной альтернативы представить не могу.

– Я знаю, что такое выпечка, – уф, от сердца отлегло. – В обоих наших мирах этот принцип был разработан еще до того, как мы избрали разные пути эволюции. Меня куда больше волнует баланс микроэлементов и энергетическая ценность. Несоответствие жестким стандартам потребностей организма может привести к плачевным последствиям, например, увеличению инертной массы тела.

– Постой-ка. Ты что же это, всего-навсего о талии беспокоишься? Еще одна Айрин на мою голову?!

– Мое тело – мой храм.

Ах ты!... А с другой стороны, ну и ладно. Я-то боялся, что его с нашей кухни фатально пронесет, а он вон чего... за красоту радеет, если это так можно назвать. Пусть поиграется. Голод не тетка, как вцепится, живо отучит харчами перебирать.

До машины мы добрались без приключений, если не считать того, что эльф несколько раз застревал буквально на ровном месте, силясь выбрать наиболее уместный путь через чахлые кусты. Для представителя народа, который в нашем фольклоре считается безупречно изящным и элегантным, он слишком уж напоминал неуклюжую мешанину из связанных между собой палок и веток. Обезьян и тот оказался куда более эльфообразным – невзирая на размеры и вес, он непринужденно всюду вписывался, а где надо – там и порхал, дабы не повредить растения. Я уж хотел было поинтересоваться, все ли эльфы такие несуразные, но вовремя прикусил язык. Фирзаил же, чего доброго, начнет отвечать, а ответы его, как мы уже могли убедиться, при всей своей обстоятельности еще ни разу не содержали никаких поводов для оптимизма. Да и менее бракованных эльфов в окрестностях все равно заметно не было, а с этим хоть какой-то контакт уже налажился.

Машина нашлась ровно там, где была оставлена, и я наконец-то с облегчением перевел дух. Не то чтобы жизнь так уж откровенно налаживалась, но всегда приятно найти хоть что-нибудь там, откуда еще это не сперли.

– Итак? – обратился я к публике с подразумеваемым вопросом «готовы ли мы к решительному рывку в сторону социума, который того гляди может оказаться не готовым к нам».

– Чубакка! – выпалил Мик в ответ. Он всегда был масте-

ром меткого и остроумного ответа не на тот вопрос.

– Чего?

– Ты требовал имя придумать. Чубакка. Большой, волосатый, не разговаривает.

– Это не имя, это клише.

– Ты просто не любишь «Звездные войны».

Возразить нечего. Не люблю. Ни «войны», ни «путь», ни «врата», ни «крейсер Галактика», причем не любил даже оригинальные версии задолго до того, как их настиг неотвратимый девятый вал конъюнктурных продолжений и ремейков. Там, где восторженные чарли барнетты видели эпическую мегалодраму, сногшибательно яркие характеры и прямо даже секс-символы, мне в глаза бросались исключительно логические дырищи, безудержный пафос и неспособность элитных вражеских сил в упор подстрелить хотя бы того самого Чубакку. Чарли, помнится, повизгивал от переживаний за героев, а я, уже прошедший под дедовым руководством курс молодого стрелка, страстно хотел туда попасть, отобрать у косоного штурмовика бластер и показать, как это делается. Так что нет, никаких оммажей раскрученным франшизам в мою смену. Фетишистские культы поддерживать отказываюсь, особенно если в них даже буфера засветить не удосужились.

– Это все, на что ты способен?

– Не все, но лучшее. Не так уж просто выдумать приличное имя, тем более для парня с такой внешностью. Цезарь? Сунь Укун? Сорачи-сенсей?

– Работай дальше, и переоденься. Мы не цирк на выезде, мы серьезные специалисты, если вдруг спросят.

Фон натянул мою куртку без видимых для нее травм и даже, кажется, остался доволен. Да, тут не Калифорния, тут и летом редко возникает соблазн рукава закатать. Дедовская же штормовка на эльфа села даже не комично, а жалобно. Хотя дед никогда не был самым крупным в нашем семействе, а к старости еще и прилично усох, плечи его куртки оказались у Фирзаила на локтях, а пояс – в районе колен. Рукава свесились почти до самой земли, как у Пьеро из известной сказки. Красота – страшная сила. Надо будет таки посетить магазин, желательно детских товаров, а то он похож на трогательного сиротку из пропагандистской картины об ужасах войны.

– Насколько я успел узнать, тут уже действуют некие обезьяны, пытающиеся затыкать дыры или, как их тут называют, Зияния, – поделился я с коллективом.

– Обезьяны? – уточнил эльф озадаченно. – Маленькие хвостатые животные, живущие на деревьях? Боюсь спрашивать, чем они затыкают эти... Зияния.

– Я думаю, имеются в виду такие, как этот наш друг.

– О, хоссы. Да, эти вполне могут. Не берусь предсказать, насколько успешно, но многие из них способны оперировать магическими средствами в достаточной мере для таких задач. Может оказаться, что и ослабленное Плетение им нипочем, у них есть свои методы.

– И эти их Устои им не помешают? – Мик покосился на рыжего. – Или вы там у себя целую армию раскодировали?

– Я не имею к программе работы над Устоями никакого отношения, так что не знаю, сколько таких всего. Более того, я не имею понятия, как именно пресловутые Устои диктуют носителям поступать в конкретных ситуациях. Вполне вероятно, что попытки ликвидировать катастрофические последствия контакта вполне ими допускаются.

– Я об этом упомянул, чтобы объяснить ситуацию. Мы не будем ввязываться в плотное общение с лишними людьми. Но раз уж вы тут не единственные с той стороны, то не будем и подчеркнуто прятаться, понятно? Увидят так увидят. Если кто-нибудь попытается заострить на этом внимание, предоставь отвечать нам, делай вид, что нашего языка не понимаешь.

Фирзаил нервно хрустнул костяшками.

– Это так уж необходимо?

– Прикидываться ветошью?

– Нет, входить в открытый контакт с местным населением.

Я все же не хосс, даже если они уже наладили сообщение – во что мне, к слову, верится с трудом.

– Ты ж только что сказал, что это вполне возможно!

– Нет, я сказал, что они на это *фактически способны*. А что касается возможностей, то они складываются из способностей, склонностей, целей и намерений всех сторон-участников событий. Насколько ваши здешние власть

имушие готовы предоставить пришельцам из неведомой и, как я понимаю, отрицаемой в широких массах дали свободу маневра? Вам виднее. В нашем мире с этим определенно были бы проблемы, а ведь у нас нет большей части ваших сложностей, вызванных культурной раздробленностью. Насколько мне известно по одному поучительному случаю из моего собственного прошлого, зачастую у радеющих за безопасность найдется программа действий для нейтрализации непонятого, но программ для реабилитации не существует практически никогда. И мне менее всего хотелось бы провести свою потенциально бесконечную жизнь в профилактическом заключении просто потому, что на мой счет никто не компетентен принять решение.

Тотально прав. Учитывая количество навороченных уровней допуска к каждой государственной проблеме, особенно влияющей на национальную безопасность, таким непроверенным гастарбайтерам скорее выделяют комфортные номера-люкс в Гуантанамо. Правда, там таких не очень-то удержишь, но картину открытого сотрудничества представить не получается никак. Разве что волосатые бедолаги орудут своими иголками, штопая мироздание, а в спины им бдительно целятся все спецслужбы окрестных государств, чтоб чего-нибудь лишнего не учудили. А если моя мизантропия хоть на пять-десять процентов обоснована, то первым интересом наших силовиков к таким искусникам будет не умение их латать пространство, а годность для диверсионно-под-

рывной деятельности в отношении потенциальных стран-противников.

Да, надо первым же делом разобраться, что там за дела с этими обезьянами. Под чьей эгидой работают, чем конкретно заняты, какие, если что, расценки на подобный труд.

Столько уже этих первых дел набралось, что пора из их списка выделять новый – самые первые из первых.

– Я говорил, что я даже не хосс, – напомнил о себе Фирзал, теребя свои клоунские рукава. – Если они как-то и устроились, убедив или заставив с собой считаться, то я сильно сомневаюсь, что в этом мире отыщется еще хоть один эльф. Мне не хотелось бы пасть жертвой опасений, интриг или вполне закономерного любопытства. А лучший способ этого избежать – не привлекать к себе внимания. Я готов выполнить... или попытаться выполнить взятые на себя обязательства, но предпочел бы делать это втайне от публики, хотя бы для начала. Уверен, мы в состоянии отыскать разрыв реальности, рядом с которым не будет толпиться толпа местного населения.

– Ты можешь сам на такой разрыв навестись?

– Прямо сейчас не могу. Будь местное плетение хоть немного более насыщенным, я бы смог соорудить близкий аналог компаса, указывающего на очевидные приметы разрыва.

– Ну, а раз не можешь, то какие у нас варианты? Ездить концентрическими кругами, пока не наткнемся случайно?

Эльф бессильно пожал под своей плащ-палаткой плечами. Взгляд у него и впрямь был, как у теленка на бойне. И понять его можно, мы народ не самый приятный, даже те, кто официально в друзьях числится. Новых знакомств дешевле избегать. Но и у нас свободы маневра не так чтобы много. опробовать силы необходимо, и мне будет куда комфортнее, если прикрывать подход эльфа к снаряду буду не один я плюс два мордобитчика, а хотя бы несколько квалифицированных стрелков из деннисова боевого ополчения.

– Да не парься ты так, – Мик дружелюбно надвинул эльфа козырек на нос. – Не будем мы тебя палить без лишней необходимости. Вообще не будем из машины вытаскивать, пока не понадобится для дела. Может, ты прямо из кабины сможешь наколдовать все, что надо!

– Попрошу без фамильярностей, – Фирзаил испустил горестный вздох и отвернул козырек на затылок, отчего стал похож на сильно заморенного реппера. – На случай, если я не доживу до возможности укорить вас лично в ближайшем будущем, знайте, что эту затею я не одобряю и все, что со мной случится, ставлю в вину именно вам.

Да его можно в молоко окунать, чтобы кефир быстро получился. Стресс, понятное дело, но мог бы и пооптимистичнее на мир смотреть. Ведь что с ним ни происходит, а все еще жив, здоров, условно свободен и даже не потолстел, чего панически опасается.

– Меня устраивает, – подвел я итог. – Фирзаил – даю те-

бе слово, что мы не будем втравливать тебя в излишнее общение и уж точно не передадим в чужие руки ни при каких обстоятельствах, если только сам не сочтешь это лучшим для себя. Ты сидишь в машине, пока не будешь готов вылезти. Мик, ты садишься рядом с ним и прикрываешь от всего на свете, включая праздное любопытство окружающих. Постарайся и сам его привлекать поменьше. Ты... как же с тобой неловко без имени-то...

Рыжий энергично заморгал в знак готовности к услугам.

– Редфилд! – подал Мик очередную версию.

– Как бинокль?

– Сам ты как бинокль. Как Крис!

Крисов не знаю, за исключением оригинального пистолета-пулемета «Крисс», который тоже все больше по статейкам в профильной литературе, а бинокли неплохие, и «ред» удачно вписался в позывной. Если самому не понравится, может зайти к коменданту и заполнить заявку на смену фамилии. А пока пускай будет.

– Ты, Редфилд, видимо без комплексов, да и вряд ли сболтнешь что-нибудь неуместное, так что ты тогда за мной ходи.

Тем более что до него еще поди доведи, как это – *не* ходи следом. Надо будет в поселке найти какого-нибудь собаководо-любителя и выпросить, как питомцев обучают командам. Хотя бы самым простым – «сидеть», «ко мне», и особенно «прекрати меня колошматить». Как водится, первым же де-

лом. У нас все первым делом. Дела, которые можно отложить на вторую очередь, с тем же успехом можно оставить людям менее занятым и не пролюбившим десять чертовых месяцев за счет перепутанной станции отправления.

– Мешки в кузов, – я подал пример, перебросив свой опустевший рюкзак к остальному барахлу. – Гранатомет туда же, и брезентом прикройте. Им мы светить не будем, пулемет у меня уже изъяли местные власти. Мик, там кепка есть, для тебя прихвачена, и несколько ножей, если надо.

– Не особо, – фон небрежно отпихнул коробку. – Не наш метод.

Режим справки ON.

Когда мы с ним впервые познакомились, было нам лет по шестнадцать, и в нем тогда было не более половины от нынешней массы – глист глистом. Не помню уже с какой стати, но началась наша дружба с капитальной драки. Окончилась драка вничью, вернее, полиция нас растащила допрежь того, как определился победитель. Проникнуться друг к другу уважением мы успели и после этого знакомство продолжили уже в более созидательном русле, а вот итогами драки оба остались недовольны. Лично я, бывший в ту пору крупнее и уже малость поднахватывавшийся под отцовским руководством армейских бойцовых ухваток, понял наконец, почему у военных к такой крутой дисциплине, как рукопашная, развивается профессиональное презрение. Болезненно, даже когда побеждаешь, неуклюже, результат ниже плинту-

са. Если уж нельзя обойтись словами, то какой смысл переходить на кулаки, ведь это все равно ничего не решит? Уж либо не ссорься, либо решай вопрос радикально, чтобы быстро, четко и убедительнее некуда. Так что в дальнейшей своей программе обучения я произвел необходимые корректировки и раскидал время, прежде занимаемое рукопашным боем, между стрельбой и ножами. Складной нож в отличие от огнестрела можно иметь при себе почти всегда, и преимущество он дает более чем достаточное. Мик же выводы сделал совершенно обратные – посчитал, что если ты не в состоянии отпнуть каждого встречного, то это очевидный повод больше тренироваться, чтобы число таких неудачных попыток поуменьшилось. И пошел во все тяжкие – осваивать дисциплины, набирать массу и до бесконечности практиковаться. С тех пор, как отношения наши переросли в заветную дружбу, каждый из нас периодически пытается вернуть другого на близкий себе путь, но ни один заметно не преуспел. Мик до сих пор считает, что в бою оружие – удел того, кому позарез надо компенсировать отсутствие высокого мастерства. Я не спорю. Конечно, он с большой вероятностью меня отметелит – если застанет врасплох на пяточке, откуда некуда деться, без винтовки, пистолета и ножа, а такое возможно разве что в самолетном сортире над Атлантикой. Можно считать, двадцать лет потрачены на фанатичные тренировки не зря. А на практике мы считаем сложившимся стойкий паритет, и это позволяет нам оставаться друзьями.

Режим справки OFF.

Редфилд тоже уделил ножам мало внимания. Может, и он из этих, из апологетов чистого искусства? Или вовсе пацифист? Правда, он одной своей грузоподъемностью оправдывает занимаемое в отряде место, но у нас теперь есть машина. Кузов пикап больше, чем охалка Редфилда. А кого из них дороже прокормить, надо будет посчитать, когда узнаем нынешние цены на товары и услуги.

– Ты сюда залезай, – указал я ему на штурманское место. – А вы двое назад. Мик, еще раз обращаю твое внимание: ты отвечаешь за эльфа. Так что давай без эксцентрики.

– Да понял я. Драться не лезем, людей не сердим. Скучно с тобой, словно опять на задание выбрались. Как там Тедди?

– Уже никак.

– Упс, – Мик словно запнулся. – Блин. Хреново.

И на том спасибо, что в позу не встал и не начал читать душеспасительные лекции о лучших мирах и горести утрат. Он вообще-то может и периодически злоупотребляет, от случая к случаю. Но, к счастью, чувствует, когда случай не тот.

Эльфу, вопреки ожиданиям, в машине явно понравилось, и даже слегонца затхлый запахок не смутил. Начал акклиматизироваться? Скоро покурить запросит и по инерции отожмет бумажник? Редфилд со своей стороны сохранил непроницаемое жизнерадостно-дебильное выражение лица и тоже ни на что не пожаловался, хотя пикап под его задом слегка качнуло.

Мика же я придержал на перроне.

– Тебе вообще интересно, что в мире делается?

– Превдвжму вопрос с подвохом. Делается ли в нем что-нибудь хорошее?

– Делается много занимательного. Соединенные Штаты развалились, на континент вторглись Китай и Россия, причем, как я понял, по отдельности.

– Ожидаемо.

– Откуда это ожидаемо? Ты что, футурологом заделался?

– Да как сказать. Если грамотно дунуть, открывается третий глаз. Вот такого, чтобы лодки кушало, я не предвидел, а всякого внутриусобного сколько угодно. Что Китай на Штаты, что Штаты на Китай, что все вместе на Россию. На это, кстати, шансы были будь здоров – она большая, аппетитная и провокационно вялая, так что каждый век кто-нибудь, кого ничему не научил опыт предков, пытается ее помякать. Да это и без карт понятно было, в конце концов, что кто-нибудь на кого-нибудь сорвется. Империи воевать должны, без этого какие же они империи. Так чего, кто побеждает?

Этим вопросом я как-то не задавался. У некоторых все такое простое, черно-белое, кто-то должен побеждать. Вообще-то нет, вовсе не факт. Это для тех, через чью голову стороны перестреливаются, крайне важно поскорее решить вопрос – но на их мнение обычно всем положить. Люди, чьи интересы достойны учета, в таком положении не оказываются.

ся. Любой экономист на пальцах объяснит, что миллиардные убытки, которые страны несут каждый день войны, для кого-то оборачиваются миллиардными же прибылями, а от таких аргументов не отмахиваются.

– Там видно будет. Похоже, ты на своих приходах более осведомлен, чем я с реальными источниками. Что самое страшное тебе наглючилось?

– Актерам-геям разрешили номинироваться на Оскара в категории «лучшая актриса», и Мэтт Бомер получил сразу два.

– Ужас какой.

– Это еще половина ужаса. Полный ужас в том, что из-за этого в актерскую гильдию перестали принимать натуралов, ибо они потенциально вдвое менее оскароносны.

– То есть практически ничего не изменилось. Ужас в другом – чего такого должен был наиграть Мэтт Бомер, чтобы отхватить хоть один Оскар?

– Вот это от меня ускользнуло. Гамлета, или Горлума, или капитана Керка в очередном перезапуске, или... черт, а вот сейчас я и сам перепугаюсь. Может, поедем уже?

Может, и поедем. Сколько тут ни топчись, а много не вытопчешь.

Сел за руль, провернул ключ. Пикап вздрогнул, оживая. Надо же, не иначе как перед новыми пассажирами выделяется. Эльф за моим плечом обреченно вздохнул и, кажется, сполз с сиденья куда-то вниз. А что, тоже метод. Он мел-

кий, между сиденьями как сложится, никто его и не заметит.

Поехали обратно, к цивилизации.

5

Терпение есть прародитель прочих добродетелей. Они же, добродетели, не бегают за вами по всему миру, норовя вцепиться в задницу. Они порождаются созиданием, и не вдруг; в ожидании, пока они сформируются, разовьются и тебя догонят, терпением приходится запасаться от души.

Для того, чтобы часами мотаться в подпрыгивающем пикапе между точками А и Б, которые объединяет исключительно отсутствием в обеих чего-либо хорошего, терпение нужно поистине железное. А среди достоинств Мика его никогда не водилось. То есть, если подходить к вопросу стратегически, то он самый терпеливый из известных мне людей. Кто еще может похвастаться тем, что каждый божий день без усталости отжимается, приседает, скачет через скакалку, а потом еще домогается случайных встречных с целью развести их на спарринг? Тут у него проблем нет. Но вот в том, что касается терпения сиeminутного, в стиле «сядь и не рыпайся», у него потенциал гиперактивного тамагочи. Обычно это преодолевается путем вручения ему книжки, или планшета с фильмом, или сборника кроссвордов. На худой конец, сажаете его в самолете рядом с какой-нибудь болтливой бабулей, и проблема решена. Не бабулина, но она сама напросилась. Иначе просто изведет вопросами и, главное, ответами. На сей раз роль болтливой бабули досталась эльфу,

и справлялся он с ней на «отвали», поскольку страх столкновения с чуждым социумом его буквально парализовал.

– Вот у вас-то там, – теребил его Мик, заговорщицки подмигивая, от чего даже зеркало заднего вида содрогалось в конвульсиях. – Вы, эльфы, на таких железных конях не катаетесь, да? У вас, волшебного народца, наверняка телепортация?

– Обзывание народцем чрезвычайно оскорбительно, – гнул эльф в ответ из-за спинки моего кресла. – Уж по крайней мере титул нации мы заслужили. И против «волшебного» я тоже протестую. Мы, эльфы, столь же полноценный биологический вид, сколь и любой другой, а то, что у нас в обиходе некоторые элементы магии, так это не обошло еще ни одного народа на той или иной ступени развития. Разве у вас никогда не было шаманов, друидов, колдунов, ведьм?

– Бывали, а как же. Правда, в конечном счете повымерли – делайте выводы. Но ты с базара-то не съезжай! Умеешь телепортироваться?

– Нет.

– Вот просто нет, и все? Типа, это потому, что плетения нет? А будь плетение на месте, тут бы ты и фьюх?

– Нет, это потому, что телепортация в принципе невозможна, как и громадный процент ахинеи, которая в вашей культуре почему-то почитается чуть ли не основной областью применения магии.

– Это какой, например, ахинеи?

– Возведение дворцов, разрушение городов, бесследное уничтожение или, наоборот, создание из ничего объектов, обращение естественных природных процессов, абсолютная неуязвимость, отказ от удовлетворения необходимых жизненных потребностей, приворотные зелья...

– У вас что, алкоголя нет? – не удержался я. Бедолаги! Тяжко им, наверное, ежедневно друг с другом, зануда с занудой, да еще на трезвую голову.

– Видимо, нет – в том виде, в котором вы его понимаете.

– А я вот сам знал тетку, которая варила приворотные зелья, – не сдался Мик. – И вроде бы они даже работали.

– Чушь и профанация, – эльф презрительно то ли фыркнул, то ли чихнул. – Приворот возможен в виде заклинания, хотя ментальная магия во всех приличных сообществах почитается неэтичной. Не абсолютный приворот, не навсегда, но учитывая нестойкость гормональных всплесков практически ничем не хуже натурального влечения. Но в виде напитка? Не смешите мои сандалии.

– А что такого? Тетка упоминала биохимию мозга, возникновение связей на уровне подсознания с определенной сигнатурой, закладываемой в эликсир...

– Seriously, фон? – знаю, что лучше не влезать, да разве получится. – Деревенская бабка, промышляющая приворотами, знает слово «сигнатура»?

– Ничего она не деревенская, и не бабка, а тетка, причем вполне такая... – Мик кратким и характерным жестом обри-

совал, какая тетка, и вышло у него очень красочно, я даже начал завидовать. – Тетка абсолютно научная, две докторских и ездит на приусе. На эти самые исследования у нее был грант, что неожиданно, от военных. Так что не думаю, чтобы совсем уж оно не работало.

– Смотря что понимать под «совсем уж», – ядовито отозвался из-под кресла Фирзаил. Намекнуть ему, что ли, что вещающий из-под ног редко принимается всерьез? – Я легко себе представляю зелье, оглушающее мозг настолько, что его владелец ко всему миру становится дружелюбно настроен. Да вы и сами, насколько я успел заметить, таких зелий знатоки и опытные пользователи. А вот создать связь между двумя конкретными индивидами? На чем основана пресловутая сигнатура? На персональном коде ДНК субъекта? Так он в рамках биологического вида на девяносто девять процентов унифицирован, точность наведения не может быть обеспечена. Если эта ваша тетка преуспела на данном поприще, то она поправа четырнадцать тысяч циклов развития магического искусства.

– Она могла, – удостоверил Мик. – А почему телепортация невозможна?

– Это ведь при ней существо должно распадаться на атомы, а потом собираться из таких же атомов в другом месте?

– Звучит похоже.

– Тогда ответ в самом вопросе. Если существо полностью разлагается на атомы, то где хранится информация о поряд-

ке их сборки? И как она передается туда, где нужно собрать существо? Скорость, допустим, света велика, но свет не способен проникать через массу препятствий, а другие носители многократно уступают в скорости и емкости...

Мик озадаченно примолк.

– Но мы же сами видели, как вот такой парень, – я кивнул на Редфилда, которого наша беседа вовсе не заинтересовала – он высунул рожу в окно и глубоко дышал, как собака, даже язык от восторга высунул, – Перемещался с места на место рывками. Только что был тут, и уже раз – и там.

– Это хоссы, да, – с замученным вздохом подтвердил эльф. – Они так могут. Это не телепортация, это расовая способность или даже скорее умение, вроде народных танцев.

– А если не телепортация, то как, Холмс?

– Да за что же вы мне достались, такие любознательные?!

Эльф взял паузу, тихонечко посопел, очевидно собираясь с мыслями.

– Мы все, жители внешних планов, – начал он объяснение издалека, – Сконструированы применительно к условиям своего существования. Наши миры конечны. Наше восприятие пространства линейно. Кратчайший путь между двумя точками – прямая. Это аксиома. Вы понимаете, что такое аксиома?

– В общих чертах, – вернулся в строй Мик. – Факт, не требующий доказательств.

– Годится. Хоссы же порождены в совершенно отлич-

ных условиях. Междумирье, их естественная среда обитания, бесконечно. Это тоже аксиома, хотя она плохо укладывается в наших умах, лишенных самой возможности постичь бесконечность в ряду других явлений, в доступные нам системы счислений не входящих. По факту это должно бы значить, что там существуют места бесконечно удаленные, не так ли? То есть места, до которых невозможно добраться в принципе – ни за цикл, ни за миллион циклов. Я не самый большой специалист по этой части, хотя в юности эти загадки очень меня занимали и до сих пор вызывают живейший интерес, но вот еще одна аксиома: таких мест нет. Из любой точки Междумирья до любой другой его точки можно добраться за вполне умеренное количество времени. Это потому, что его пространство нелинейно. Вам не приходится идти по прямой от точки к точке. Пространство, как бы это изложить в наглядных образах, сборит при перемещении по нему, способствуя продвижению к цели.

Так вот как вышло, что мы не успели еще толком устать, как добрались из случайной точки посреди ничего до хранительской Цитадели! А меня-то оно все потихоньку грызло, на недобрые мысли сбивало – как, мол, мы так удачно десантировались, ведь портал открывал парень, которому туда было совсем не надо. Оно, оказывается, не удачно, просто у них «куда-откуда» очень специфические.

Эльф, похоже, увлекся и даже бояться забыл, так что продолжал бодренько:

– По вполне очевидным причинам в Междумирье отсутствует картография, а попытки исследовать свойства нелинейной геометрии создали множество забавных курьезов, но так и не сложились в сколь-либо стройную систему. Например, можно идти в одну сторону, никуда не сворачивая, и через некоторое время придти туда, откуда вышел, причем с неожиданной стороны. Цверги со свойственной их расе обстоятельностью долгое время рассылали по Междумирью свои исследовательские партии, и они периодически появлялись оттуда, где никак не могли оказаться. Местные понимают это как должное и справляются с навигацией интуитивно. С нами все несколько сложнее, например, в памятный вам вертолет вместо базового компаса пришлось встроить систему магического отслеживания цели, и он смог передвигаться от маяка до маяка. Тем не менее нелинейное пространство работает даже для нас, линейных существ. Хоссы же, как его истинные порождения, способны использовать свои врожденные навыки не только в Междумирье, но и во внешних планах. Разумеется, с ограничениями – никакой хосс не пробежит через континент за несколько хлопков и даже эту вашу конструкцию едва ли обгонит... хотя что я, эти могут, и безо всяких специальных свойств... но сделать мерцающий шаг через небольшой кусочек пространства им вполне под силу даже здесь, по крайней мере некоторым, специально обученным.

– А сквозь стену так можно пройти? – заинтересовался

Мик не на шутку. – Чтобы отсюда шагнул, и уже внутри оказался?

– Полагаю, да, – эльф тяжело вздохнул. – Правда, дыру в стене он оставит будь здоров. Как я уже объяснил, это НЕ телепортация. Путь он по-прежнему проходит полностью, хотя и... технически иначе.

– Обломщик ты, дружище. Ну, а дворцы-то почему магически строить нельзя?

– Потому что для постройки дворца надо прежде всего уметь строить дворцы. Магия – весьма мощный инструмент, но именно что инструмент, а вовсе не ультимативное знание. Она может позволить взгромоздить камень на камень, хотя гораздо проще, экономичнее, удобнее и надежнее пригласить для этих целей крепкого неуча. Но она не скажет, какой камень куда класть, чтобы между ними не дуло и чтобы через неделю они не раскатились. Есть, правда, комплексные руководства по использованию магии для разных целей, в том числе и для постройки домов – они пришли еще из тех времен, когда плетение было в самой силе, а нанять бригаду строителей было почти невозможно, ибо строителем быть никто не хотел, все хотели только заклинать. Но такой компендиум рассчитан примерно на четыре цикла непрерывного зачтения заклинаний, и за добрую четверть включенных в него формул в наше время правосудие обрушится на дерзнувшего. С тех пор, как плетение начало угасать, запрещено, к примеру, создавать заклинаниями строительные материа-

лы, которые можно без проблем получить путем утилитарным...

Ну вот, опять скис, о доме задумавшись. Даже не знаю, чем ему помочь, кроме разве что уверения, что там сейчас буча, в которой такому интеллигенту лучше не оказываться. Это как если бы у нас начали выдавать бесконечные патроны. Впрочем, у нас патроны так и так не особо дорогие – но вот и неудобняк по миру разнесся, похоже, серьезный.

Мик с Фирзаилом продолжили свою дискуссию. Фон с полной самоотдачей решил прояснить, на что магия не способна в принципе. Откуда в нем столько интереса к материям, не имеющим никакой практической ценности? Или он всерьез подумывает взять эльфа на поводок и, шнуруя от очага доступной магии к очагу, пробавляться фокусами? Некрасиво как-то. Он не собачка, он эльф все-таки, и если допустить, что его самомнение не чисто показное – еще и куда более ценный член своего социума, чем мы с Миком когда-либо будем в своем. Или фон к нему в учение хочет поступить и прикидывает ценность доступных факультетов? Еще не хватало, чтобы он научился файрболлы метать. Во-все от него спасения не станет.

Дабы отвлечься от тревожных мыслей, я потянулся к радио. Как и следовало ожидать, на большей части диапазона не обнаружилось ничего, кроме помех. Промелькнула парочка станций с легкой и совершенно неинформативной музыкой, и обе спустя несколько минут потонули в трес-

ке и скрежете. Потом попался зацикленный женский голос, диктующий адреса и телефоны ближайших центров оказания помощи. Слово «беженцы» не упоминалось ни разу – что значит политкорректность. Читалось на разных языках, помимо английского и французского добавлен был также неожиданный испанский. Хорошо, видать, приложило наш сложно скомпонованный континент, что сюда аж с таких югов добрались. Причем голос на испанском был другой, мужской и прилично картавый. Что, во всей Канаде нет ни одного испаноговорящего диктора? Или в результате сурового взбалтывания смешались в кучу кони, люди, и квалифицированные дикторы вкупе с прочими не уклонившимися отправились кормить вшей по окопам?

Когда-нибудь, того гляди, канадо-китайская война войдет в учебники и станет символом чего-нибудь эдакого, типа безмерной стойкости одного народа и удивительного коварства другого, в зависимости от того, кто победит. А пока только когнитивный диссонанс. Не могу вспомнить, видел ли хоть одного китайца иначе как в кино. Как вообще они могли до наших берегов добраться? Тихий Океан – не такая уж и лужа, чтобы их по пути не перехватил союзный флот. Бог с ним, с канадским флотом, я с ним знаком еще меньше, чем с китайцами, но уж американский-то, в который денег вкачивается больше, чем во флота всех остальных стран в мире, вместе взятые – как эти пропустили?

Пока размышлял, вполуха прислушиваясь к бубнежу

за спиной, время летело шустро, пикап радостно тарыхтел двигателем, стрелка спидометра подрагивала у крайней правой отметки, дорога пустая и ровная, и вот он, не заставил себя долго ждать поворот на проселок. Но что вот это такое? На шоссе несколькими ярдами дальше поворота остановились два автомобиля, причем встали поперек, почти перегородив всю трассу. Один из них в окраске королевской конной полиции (да, да, называются-то они по-прежнему конными, а ездят уже давно на самых обычных машинах), второй штатский внедорожник, но тоже с пузырями мигалок на крыше. Несколько человек с оружием мыкалось рядом. Что за черт? Вон тот, в сером камуфляже, это ли не наш приятель Чарли? А позерская шляпа, если не ошибаюсь, надета на памятную лысину местного коменданта.

– Внимание, народ, – окликнул я заднее сиденье. – Я приторможу уточнить, что происходит. Фирзаил, не высовывайся. Ты... да-да, именно ты, сиди здесь. Вот прямо тут и сиди! Мик, придержи его, если будет дергаться.

– Его придержишь, как же, – Мик скептически завалил голову набок. – Он как вскочит, так и крыша отлетит.

– Прояви фантазию. Ты, Редфилд! Сидеть! Место!

Для окончательного прояснения я потыкал пальцем перед носом Редфилда вниз, словно прищипливая его к сиденью, притормозил на отдалении от заградотряда с таким расчетом, чтобы его видно было как можно хуже, и полез из кабины. Да, это правда компания из поселка – Деннис, давеш-

ний капрал, еще один полицейский в форме, двое немолодых мужиков в штатском и наш Чарли. Вместо конфискованной винтовки он обзавелся новой, местного разлива С8, окрашенной в характерные зеленые тона, затыкнулся в утыканную магазинами РПС-ку и вид имел неожиданно крутой и воинственный. Это мы на него так подействовали? Или съел что-нибудь не того? Он ведь никогда современным военным делом не интересовался, насколько мне известно, даже на компе у него всегда были только гонки и симуляторы свиданий.

– А вот и они! – возрадовался Барнет, завидев меня. – Я ж говорил, не надо далеко от поворота, тогда мимо не проскочат. Мейсон, двигай сюда! Нам как раз третьей машины не хватает, чтобы все полосы заблокировать.

– Позволь подумать, – я выдержал паузу и закатил глаза, дабы создалось впечатление, будто и правда думаю. – Спасибо, нет.

– Что значит – нет? – опешил Чарли. Видимо, он уже заочно подписал нас на какую-то глупость. А вот не надо так делать. Моя любимая позиция в драке гомосексов с лесбиянками – подальше от.

– Нет – значит отказ, отрицание, отсутствие согласия. Не собираюсь блокировать тем немногим, что мне осталось от деда, – я с намеком слегка поклонился в сторону Денниса, – Дорогу, по которой запросто может ехать черт-те что, включая танки.

– Да никакие не танки! Один грузовик!

– Может, и не один, – поправил капрал методично. – Может, при них еще внедорожник с пулеметом.

– Тем более. Мой-то пулемет кое-кто конфисковал, сказал – не пригодится.

– И у них тоже конфискуем, – рыкнул Деннис, которому мои выпады определенно начали жать на мозоли. – А то многовато развелось пулеметов на руках у непроверенных субъектов. Ты бы того... если не машиной, то хоть сам приложишься, создай массу.

– А что стряслось? Китайцы прорываются?

– Грабанули перевозчиков продовольствия. Вытряхнули водителя и охрану из грузовика и теперь идут на север по шестому, – комендант махнул рукой на юг, в сторону своего блок-поста. – Вот оттуда и должны появиться с минуты на минуту. Как подсказывает опыт, по-хорошему они не останавливаются. Так что сейчас у парней, – Деннис кивнул на копов, – Четкие инструкции: одно предупреждение и огонь на поражение, если оно не сработало.

Здравствуй еще раз, миролюбивая моя Канада, не признал тебя с первого раза. Новая прическа? Рейдерский ирокез, может быть?

– И часто у вас такое?

– Уже третий раз, и все идет к тому, что придется привыкать.

Воистину, придется. Если еда становится дефицитом, то тут уже не до высочайших моральных норм. Рано или позд-

но необходимость накормить хотя бы детей и лучших из нас доведет до чрезвычайных мер. Ох, как не хотелось с этим сталкиваться хотя бы тут, в самой безмятежной из стран!

– Ладно, минутку, – я помахал рукой и вернулся к пикапу.
Приступ брюзжания ON.

Вообще-то, если подумать, совсем не с руки мне влезать в эти разборки. Они сугубо местные, правоохранительные. Одни воруют, другие ловят. Те или другие так или иначе обидятся на противодействие. Для нашей группы я планировал образ действий куда более нейтральный, так сказать, PvE, нацеленный исключительно против сбоев в функционале мироздания. Чарли вправе выбрать себе путь сам, он как раз по складу тот самый хороший парень, перед которым не стоит вопрос – помогать ли своим. А свои для него все, кто по эту сторону законных баррикад, причем безо всяких сомнений – на нужном ли месте баррикада. Очень удобная позиция, устойчивая. Но вот кто его просил меня вписывать? А прыгнешь сейчас в кабину и дашь по газам – они же обидятся. С обиженными вести дела очень неприятно. Я сам тому пример не из последних.

Приступ брюзжания OFF.

– Собираются останавливать каких-то местных гопников, – объяснил я Мику. – У которых, возможно, пулемет есть. И бог весть что еще, чего разведка не заметила.

– И чего мы ждем?

– Возможности уклониться.

– Да ну тебя, – фон вывалился из кабины и мощно хлопнул дверцей. – Слишком много ты думаешь, дружище. Если можешь помочь – надо помогать.

– Ты серьезно? Разве мы с тобой влипаем через раз не потому, что постоянно находим, кому бы еще помочь? Если бы мы не бросились сломя голову на помощь бедняжке Айрин, то сейчас спокойно сидели бы дома и пили пиво.

Дооооома. Пиийиво. Эх...

– Конечно, и что? – Мик развел руками в искреннем недоумении. – Да, каждый раз, когда мы во что-то влезаем, то обычно оказываемся по колено в дерьме. Но, можно подумать, если не будем влезать, так сразу окажемся на горе из лепестков роз, или что там для тебя означает комфорт и сухость! Я так думаю, есть некий метафизический закон, провозглашающий постоянство отстоя в жизни каждого. Так что, раз без дерьма все равно не обойтись, давай хотя бы не брать на душу грех равнодушия.

– И я бы не поручился, что в вашем мире не стряслось бы ничего катастрофичного, если бы «Прорыв» не состоялся, – донесся из-за опущенного окна заунывный эльфийский голосок. – Слишком много сослагательных наклонений в одной фразе, правда? У вас очень странный язык, он допускает парадоксальные конструкции.

– Нишкни, скрытый наш! Тут кругом суровые мужики, того гляди тебя спалят.

– Надеюсь, вы этого не допустите.

А я надеюсь, что краденый грузовик, пробив неплотную баррикаду, не врежется в наш пикап. Потому что другого нам на халяву не получить, а героизм за свой счет хорошо только в настольных играх.

Мик уже направлялся к группе заградителей, демонстративно пристраивая к плечу свой автомат. Вот сейчас его тоже отберут за схожесть с пулеметом. Но нет, Деннис и ухом не повел, хотя еще в прошлый мой визит в эти края «калашников» с автоматическим режимом был чуть ли не самой крайней формой нарушения местных оружейных законов. Может, проваландайся мы на пару месяцев дольше, и пулеметы бы разрешили? Или просто некому стало бы их запрещать? Мечты-мечты, где ваша сладость. Я забрал из кабины фалку и тоже направился к группе встречающих лиц.

– Сколько всего народу ожидается и сколько у нас?

– У них все были сперва в одном внедорожнике, потом несколько пересело в грузовик, стало быть, человек пять-шесть, – рассудил капрал. Видимо, старшим тут был он, а не отставной Гламберг, который тактично отступил на задний фон. – А наши все здесь, если только патруль боевого ополчения не подоспеет. Но им еще с полчаса ходу.

Не успел я театрально ахнуть от такого бесхитростного размещения, как второй коп, до сих пор безмолвно стоявший на одном колене за капотом машины с биноклем у глаз, вскинул руку над головой.

– Едут!

– Одна машина или две? – уточнил капрал напряженно.

– Пока вижу только грузовик.

Ох уж мне эти деревенские умники. Хоть бы эти свои шипы на дороге разложить догадались, а то – надо же, все кто есть в одном месте собрались! В кино, что ли, попали? Да по ним сейчас шарахнут одной-единственной очередью, даже попадать не надо, чтобы они все в укрытие поныряли, а потом серьезный грузовик просто вотрется между носами их двух машин и разбросает их, как семечки. А дальше по дороге мой драгоценный пикапчик, и черт знает, будут ли его вообще объезжать или грубо, но эффективно снесут на обочину. А там хрупкий груз. Эльфа, сдастся мне, на смерть даже велосипедом задавить можно.

– Вот же черт, – только и успел я крикнуть. – Мик, вали на левый фланг!

А сам со всей доступной скоростью обогнул баррикаду справа и побежал вперед, навстречу приближающемуся грузовику и забирая в сторону леса.

– Без команды не стрелять! – гаркнул вдогонку капрал.

– А ты командуй вовремя! – огрызнулся я на бегу.

– Это когда – вовремя?

– Уже пора начинать!

Эх, надо было бы на фланги послать кого другого, а самому там остаться. Фронтальное столкновение куда жестче флангового, если придется стрелять по кабине, то вовсе не факт, что эти сельские доброты справятся. Это как Чар-

ли с его любимой историей про маньяка.

ОН, но не приступ брюзжания, а флэшбек.

Никакой тот мужик был не маньяк в классическом понимании, просто в истории его болезни откопался маниакально-депрессивный синдром, а много ли надо прессе, чтобы навесить на человека ярлык? Словом, жил человек, фермерствовал, вкалывал изо всех сил, а потом жахнул финансовый кризис, и потерял человек все, что у него было. Отобрал у него банк все, что имело хоть грошовую стоимость – ферму, дом, машину, семья развалилась, словом, поди не озверей. Под конец его в банк даже пускать перестали – чего еще взять, кроме мучительных скандалов. Мужик и сошел с нерезки, явился в банк с дробовиком. Выстрелил в потолок, заставив всех залечь, и может быть, все бы еще обошлось, но тут резвый охранник схватился за пистолет, и мужик выстрелил уже в него, хотя ничего против этого парня не имел. А потом пошло-поехало – раз пошла такая пьянка, он зашел в кабинет к управляющему и пристрелил его тоже. Единственный успех, с которым его можно было бы поздравить. Потом пару раз выстрелил по операционисткам, поднявшим истеричный гвалт, но вреда им не причинил по причине хороших пуленепробиваемых стекол. Прежде чем выйти, он забрал пистолет охранника и пошел по улице, куда глаза глядят, очевидно не сильно и соображая, что с ним происходит.

Вот тут мы с Чарли и оказались у него на пути. Чарли тогда носил форму патрульного, и они с напарником как раз везли

меня в полицейский тир, ибо накануне я вызвался на спор показать им, что из пистолета можно стрелять и дальше двадцати пяти ярдов. Просто повезло – в обычном-то случае я пистолет на улицу не выношу, в Калифорнии от этого больше проблем, чем пользы, а тут взял «джерихо», более-менее подходящий под их спецификации. Так вот, завидев слепо ковыляющего по улице «маньяка», парни повели себя исключительно профессионально – велели мне свалить подальше, что я охотно выполнил, и принялись склонять мужика к сотрудничеству. А он, не разбирая уже, кажется, ничего, открыл по ним огонь. И они начали стрелять в ответ. Напарника Чарли, тучного дядьку по имени Леопольд, маньяк подстрелил почти сразу, угодив ему в плечо и заставив осесть на землю. Чарли же стрелял четко и красиво, прямо по инструкции – стоял хорошо, держал пистолет уверенно, целился правильно и попал тоже. Пуля его клюнула маньяка, сбив его с ног... и вот тут я физически почувствовал, как Чарли сломался. Сам он этого, сдаётся мне, не понял и до сих пор, но в тот момент, когда его выстрел свалил живого человека, он изменился. Обычно, говорят циничные люди из моего круга общения, первый самый трудный, дальше будет легче. В случае с Чарли вышло наоборот: после первого стало ясно, что следующего не будет никогда. Когда маньяк в своем помраченном состоянии подобрался на ноги и открыл огонь по самому Барнету, тот продолжил стрелять в ответ, вот только глаза у него были плотно зажмурены. Как

потом оказалось, сам он этого даже не заметил и написал немало отчетов, с совершенной искренностью игнорируя это мое наблюдение. По его словам, смотрел он во все глаза, видел все, стрелял как мог. Виноватыми были объявлены все, до кого дотянулся его изворотливый с перепугу ум, включая концерн «ЗИГ-Зауэр» и персонально господин Келлерман, автор самого бестолкового по версии Чарли спускового механизма (то, что конкретно на его пистолете спуск был самый классический, двойного действия, а вовсе не келлермановский, Барнет с выдающейся стойкостью игнорировал). Тот трагичный факт, что преступник не был уложен первой же меткой пулей, был вменен в вину слабосильному девятимиллиметровому патрону. А то, что в итоге маньяка пришлось подстрелить мне, прежде чем он прикончил Чарли или Чарли прикончил какого-нибудь случайного зеваку, по молчаливому согласию ряда инстанций было признано фактом несущественным. Меня попросили против официальной версии не выступать, я с великой радостью согласился, а чтобы прервать бесконечный поток излияний Чарли по поводу того, что стать великим стрелком Дикого Запада ему мешает исключительно плохой выбор оружия, я подарил ему смит-вессон сорокового калибра, долго числившийся табельным оружием калифорнийской дорожной полиции. С таким подспорьем Чарли воспрял духом, ни в кого с тех пор не стрелял, но при каждом удобном случае намекает, что готов, пусть только сунутся. Допуск к работе ему вернули через полгода,

даже с повышением до сержанта, поскольку искренняя его вера в собственную боеготовность сокрушила даже ледяной мозг психоаналитика. А вот я, как очевидец, до сих пор придерживаюсь собственного мнения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.